

ITALY'S

MONDYPK

Duca Appalosa



Annotation

Автор книги Ганс Шомбургк (1880-1967) совершил десять путешествий по Черному континенту и видел его и в конце девятнадцатого века и во второй половине двадцатого. Первое время он был, по собственному его признанию, одним из тех авантюристов, которые наполнили Южную Африку в период алмазной и золотой лихорадки. Скачки, карточная игра, мелкие авантюры в "Золотом городе" – Йоханнесбурге – перемежались в жизни молодого Шомбургка с охотой на слонов и других крупных животных, которыми изобиловали дебри.

Постепенно бродягу и охотника привлекло интересное и рискованное ремесло ловца зверей. Позднее Шомбургк превратился в охотника с киноаппаратом, создателя фильмов о природе и людях Африки. Он стал исследователем, обогатившим науку знаниями о природе и животном мире этого материка.

- [Оглавление](#)
 - [Предисловие Карла Гагенбека](#)
 - [Предисловие автора](#)
 - [Предисловие к новому изданию](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)

- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Примечания переводчика](#)
 -
 -
 -
 -
 -
 -

Оглавление



Ганс Шомбургк

Дикая Африка

Предисловие Карла Гагенбека

Вряд ли покажется странным мое признание, что книга известного путешественника и знатока Африки господина Ханса Шомбургка вызвала у меня особый интерес. Хотя в значительной мере эта книга – описание охотничьих приключений, автор ее – далеко не только охотник на крупную дичь, но еще и выдающийся знаток диких животных, более того – их друг.

В этом нет никакого противоречия: каждый настоящий охотник – друг дикой природы и ее обитателей.

Сколько потребовалось труда и умения, чтобы доставить в Европу живым и невредимым юного восточно-африканского слона! (Теперь этот слоник – его зовут Джумбо – живет в моем зоопарке в Штеллингене.) Казалось поистине чудом, что господин Шомбургк сумел сохранить его на протяжении всего пути к побережью и благополучно погрузить на корабль. На основании своего опыта могу утверждать, что такие чудеса под силу лишь тем, кто действительно знает и любит животных и способен идти ради них на всяческие жертвы.

Я с огромным удовольствием вспоминаю наши многочисленные беседы с Хансом Шомбургком; они всегда были незабываемо интересны, показывая присущий ему талант наблюдателя, тонкого знатока зверей и людей. Лучшее доказательство тому – эта книга.

Хочу особо подчеркнуть ценность многочисленных уникальных фотографий; многие из них свидетельствуют, помимо прочего, о бесстрашии автора. Надо отметить и высокое качество снимков – а ведь они сделаны в походных условиях, обычной

переносной камерой, и до проявления пластинки нужно было сохранять недели, а то и месяцы.

Очень многое из того, что увидел и описал Шомбургк, является новостью даже для опытных путешественников и ученых-зоологов. Тем более интересной будет эта книга, написанная столь живым и непринужденным языком, для тысяч читателей, никогда не бывавших в Африке.

Карл Гагенбек

Штеллинген, 25 сентября 1910 г.

Предисловие автора

Когда в 1910 году, после десятилетнего отсутствия, я вернулся из своего второго африканского путешествия, у меня ни на миг не возникало мысли о публикации своих воспоминаний.

Но друзья и знакомые, соединив усилия, не оставляли меня в покое до тех пор, пока я не согласился выступить перед небольшой аудиторией с рассказом о части того, что видел и пережил. Это выступление состоялось у меня на родине, в Бергедорфе.

Мой рассказ, или доклад – называйте, как хотите – имел успех, ошеломивший в первую очередь меня самого. Это придало мне смелости для новых публичных выступлений. В прессе появились первые отзывы – надо сказать, неизменно благожелательные. Тем не менее я долго не мог решиться на печатное издание своих воспоминаний, хотя у меня сохранились все дневники времен африканских путешествий. Но дружный натиск родни и знакомых оказался сильнее моих страхов.

Хочу заранее извиниться перед читателями. Я понимаю, что мой стиль и язык оставляют желать лучшего. Для меня и теперь было бы легче и приятнее пробираться под палящим солнцем сквозь заросли, преследуя раненого слона, чем излагать это на бумаге, сидя за письменным столом. Я не ученый и не писатель, а всего лишь охотник и путешественник. Но, может быть, именно это сделает мою книгу понятной и любопытной для широкого круга простых людей.

Книга сопровождается фотографиями, за качество которых я получил в свое время немало нареканий. В оправдание могу лишь сказать, что делал их сам, в полевых условиях, обычной камерой. Сделанные за день

снимки надо было проявить как можно скорее. И, поверьте, это не так-то легко и приятно – после утомительного дневного перехода возиться с фотопластинками в затемненной, наглухо закупоренной палатке (как правило, заточение разделяли со мной несколько десятков mosquitos, и вели они себя весьма недружелюбно). Большинство пластинок к тому времени оказывалось испорчено. И тем больше была моя радость, когда хотя бы на одной проступал четкий снимок. Думаю, что в те годы это была единственная передвижная фотолаборатория в африканском буше.

Ружья, служившие мне во время охоты, поначалу были английского производства (до тех пор, пока в Германской Восточной Африке я не познакомился с винтовкой Маузера). При охоте на слонов я пользовался дуствольным штуцером шестисотого калибра (около 14 мм). Это ружье стреляло 900-грановой (75 г) свинцовой пулей в стальной оболочке. Вес заряда составлял 120 гран (10 г) нитроглицеринового пороха; это обеспечивало достаточную начальную скорость пули, чтобы пробить даже слоновий череп практически при любом угле стрельбы.

Пользуясь случаем, хочу дать совет всем начинающим охотникам на слонов: всегда пользуйтесь как можно более крупным калибром. Конечно, неприятно много часов нести по жаре тяжелое ружье, но погоня за удобством и, как следствие, выбор более легкого, но слишком малокалиберного оружия рано или поздно подвергнут вас смертельной опасности. Поэтому, лучше пролить побольше пота, чем однажды оказаться практически безоружным перед раненым слоном. Правда, у крупнокалиберных ружей сильная отдача, но после некоторой тренировки к этому привыкаешь; а поначалу можно прикрепить к прикладу небольшую каучуковую подушечку (неопытный человек, впервые стреляющий из тяжелого ружья, может

получить перелом ключицы). Сам я, смолоду привыкнув к оружию, очень быстро освоил особенности крупнокалиберных ружей, и при собственном весе в 130 фунтов поднимал свой штуцер 600-го калибра так же легко, как обычную охотничью двустволку.

Мне доводилось стрелять и из множества других ружей, но все они получили отставку после того, как я впервые взял в руки 8-мм винтовку Маузера. Это великолепное универсальное оружие оказалось пригодным для охоты на любую дичь, включая буйвола; только при охоте на слона или носорога я по-прежнему пользовался своей английской двустволкой калибра 600.

Я не буду останавливаться на подробностях, касающихся прочего экспедиционного снаряжения, так как все это уже не раз описано в других книгах об африканских путешествиях.

Всюду, где возможно, я старался придерживаться туземных названий. Но надо иметь в виду, что африканские селения нередко носят имена вождей – в таких случаях, понятное дело, название может измениться со временем, особенно если подвиги нового вождя затмевают память о прежнем.

При своих путешествиях я никогда не пользовался чьей-либо финансовой поддержкой. Теперь мне неприятно вспоминать об этом, но должен признаться, что основную часть моих средств в то время составляли деньги, вырученные от продажи слоновьих бивней. И если меня попрекнут количеством убитых слонов, мне будет нечего сказать в свое оправдание – разве только, что я всегда строго соблюдал охотничьи правила и никогда, за исключением случаев непосредственной смертельной опасности, не стрелял в слоних. "Исключением из исключений" была мать слоненка, названного впоследствии Джумбо, которого мне удалось доставить в Европу. Чувствуя себя в ответе за

толстокожего сироту, я прилагал все усилия, чтобы сохранить его здоровым и невредимым, и до сих пор с благодарностью вспоминаю многих людей – военных и администраторов, полицейских и моряков – которые помогли мне совершить вместе с Джумбо трудный путь к побережью и далее, морем, до Гамбурга.

То, что эта книга выходит в свет – в немалой степени заслуга моего друга и покровителя, писателя Филиппа Бергеса. Но мне, похоже, не придется насладиться видом первого экземпляра, выпущенного типографией. Дело в том, что уже сейчас, продолжая заниматься корректурой, я веду подготовку новой экспедиции, на этот раз – в неисследованные области Французского Конго. На меня по-прежнему сыплются предложения выступить с серией докладов и т.д., но зов Черного континента – неодолим, и я повинуюсь ему. А потому это предисловие станет одновременно словом дружеского прощания с читателями, получившими хоть какое-то удовольствие от моих безыскусных воспоминаний. Надеюсь, что новая экспедиция принесет новые интересные впечатления – в общем, опять будет, что рассказать.

И если моя книга увеличит число отважных немецких юношей, готовых работать в Африке, вести жизнь, полную трудов и лишений – не ради богатства, а из любви к этой непередаваемо прекрасной необъятной стране – я буду счастлив.

Ганс Шомбургк

Бергедорф, октябрь 1910 г.

Предисловие к новому изданию

Долгие, страшные годы войны, годы, наполненные горем и кровью, пролегли между первым изданием этой книжки и тем, которое Вы держите в руках.

Сегодня лик Африки сильно изменился. Германия потеряла свои колонии на Черном континенте, а тяжелая рука цивилизации протянулась далеко вглубь, к ранее недоступным внутренним районам. Но я решил оставить книгу без сокращений и изменений, потому что это – повесть о прошлых временах, когда люди добивались успеха трудом, мужеством и терпением; об охоте и приключениях, не связанных с какой-либо определенной эпохой; наконец, это рассказ о годах моей молодости, когда я был так счастлив, несмотря на все трудности и лишения. Поэтому мне остается лишь извиниться перед читателями за стиль книги – нередко он покажется старомодным и примитивным – и представить мои юношеские воспоминания суду нового, уже послевоенного, поколения.

Шомбургк

Берлин, 1925 г.

Глава I

Африканские воспоминания

1898-1901 гг.

Странные чувства волновали меня в марте 1898 г. в тот день, когда семнадцатилетним парнем я впервые ступил на землю Африки. Мои родители, наконец, смирились с горячим и неизменным желанием сына – сделаться африканским фермером. И вот теперь, полный радостных надежд и напряженного ожидания, я ощущал под ногами землю своей мечты. Мой путь лежал в провинцию Наталь; там, на ферме, принадлежавшей другу отца, мне предстояло начать практическое изучение выбранного дела.

Первым портом, в который мы заходили, был Капштадт; но этот город, вполне цивилизованный и похожий на любой европейский, не произвел на меня никакого впечатления и не запомнился.

Ист-Лондон, куда наш пароход зашел после Капштадта, являл собой зрелище совсем иного рода. Город, уже получивший имя, еще только создавался; улицы в подавляющем большинстве были просто песчаными аллеями. На другой стороне реки раскинулось большое поселение кафров, сразу же вызвавшее у меня огромный интерес – ведь тут я впервые видел лицом к лицу уроженцев Африки в естественной обстановке. Здесь же мне довелось посмотреть на парад кафрских горных стрелков; впечатление, произведенное на меня этими воинами, только что вернувшимися из очередной экспедиции, осталось неизгладимым.

Следующий порт, Дурбан, был местом высадки, концом морского путешествия и началом сухопутного. В

банке меня ожидал перевод в тысячу марок (т.е. 50 фунтов) – эти деньги предназначались на фермерскую экипировку: покупку одежды, седел, инструментов и т.д. Но к этому времени перспектива однообразной работы на ферме представлялась мне уже не такой соблазнительной. Меня неудержимо влекло вглубь страны, в неизведанные области, навстречу открытиям, приключениям и охоте на крупную дичь.

Ферма никуда не уйдет, рассудил я, а пока что надо было решить, как распорядиться своим несметным богатством. Агент моего отца отсчитал мне 50 фунтов – по тем временам солидная сумма. Быстро купив все необходимое, я отправился, как и планировалось, в Питермарицбург, но там, вместо того, чтобы сесть на поезд, идущий в Ньюкастл (на ферму отцовского друга), я купил себе пони, вскочил в седло и, свободный и беззаботный, как птица небесная, направился прямо к Драконовым горам. К счастью, по дороге я остановился передохнуть в поместье немецкого колониста. Хозяин, герр Прожевски, уже сколотил к тому времени миллионное состояние; ко мне он отнесся очень дружелюбно и терпеливо объяснил всю смехотворность выбранного мною способа путешествия вглубь Африки. Мне пришлось внять голосу разума и вернуться в Питермарицбург; таким образом, единственным результатом первой самостоятельной вылазки стало угрожающее сокращение моей наличности.

В Питермарицбурге я совершенно неожиданно встретил школьного товарища. Это был Эрнст Кель, уроженец Люнебурга. Он поступил на службу в Горную полицию Наталя, и по его совету я тоже решил попробовать свои силы в должности полицейского. На службу в горную полицию брали парней, начиная с 17 лет; хотя столько мне уже исполнилось, выглядел я пятнадцатилетним. Поэтому поначалу меня отказались принять, но умение ездить верхом и метко стрелять все

же решили дело в мою пользу – адъютант (ныне майор) Диммик распорядился занести меня в списки.

В Горной полиции Наталя Диммик играл тогда очень своеобразную роль. Для вооруженной молодежи, находившейся под его командой, он был чем-то вроде отца – очень строгого и неизменно почитаемого. Особенно глубокое уважение испытывал к нему я (и это чувство сохранилось до сих пор). Ввиду моей крайней юности Диммик как бы принял меня под свое покровительство – правда, это выражалось лишь в повышенной требовательности. Все, что было обязательным для других, было обязательно и для меня; но мне следовало выполнять каждое дело хоть немного лучше всех прочих.

Каждому полисмену присваивался номер; мой полковой номер был 2153. В целом жизнь добровольца, поступившего в ГПН, очень сильно отличалась от жизни военнослужащего немецкой армии. Горная полиция представляет собой вооруженные силы, созданные для охраны мира и порядка в пределах провинции; посылка ее частей за границу могла быть вызвана лишь чрезвычайными обстоятельствами. Штаб-квартира находилась в Питермарицбурге, и там же происходило обучение рекрутов. Плата составляла 6 шиллингов в день. На эти деньги мы должны были обеспечивать пропитание себе и своей лошади. Покупка лошади, седла и обмундирования также шли за счет новобранца. Правда, на это предоставлялся кредит, который затем погашался удержанием двух фунтов в месяц. Бесплатно правительство выдавало только оружие – каждому полагался карабин и револьвер. Униформа состояла из черной рубашки, черных брюк для верховой езды, кавалерийских сапог со шнуровкой и белого тропического шлема; более неудобный и непрактичный наряд нельзя было придумать даже специально. Уже в конце 1898 г. он использовался только в качестве

парадной формы – в повседневной службе мы перешли на хаки. Вскоре черную форму отменили.

Моими товарищами по службе были в основном очень молодые люди, всего одним-двумя годами старше меня. Чаще всего это были младшие сыновья британских аристократических семейств, проходившие в Горной полиции ученический этап предстоящей им колониальной карьеры. Поначалу мне приходилось туговато, ведь время обучения – всегда самое трудное, а поворачиваться требовалось быстро.

Спустя несколько месяцев я уже стоял часовым на посту в одном из приграничных районов, Грикваленде. Отвесные струи воды низвергались с неба; только в Африке, в период дождей, бывают такие ливни. Дрожа от холода и сырости, я кутался в плащ и поглядывал в сторону лагерных огней. Хотя в мокрой палатке на мокрой земле тоже не сладко, я ни о чем так не мечтал, как о смене.

Все-таки там, в лагере, несравненно лучше, чем на этом голом холме, и не так одиноко. Я тоскливо вслушивался в непроглядный мрак. И тут издали, заглушенные шумом дождя, до меня донеслись звуки немецкой рождественской песни... А я и забыл, что сегодня праздник.

Первая рождественская ночь вдали от родины! На посту, у рубежей диких враждебных племен. Я представил себе родителей, друзей, всех, кого люблю – сейчас они собрались у елки, в камине трещат дрова, и снег искрится за окном...

В это время слышались шаги. Глубоко вздохнув, чтобы прогнать воспоминания, я крикнул в тишину:

– Стой! Кто идет?

– Друг, – донеслось снизу. Это была долгожданная смена.

Вернувшись в лагерь, я убедился, что там хорошо, где нас нет: лежа под плащом, на попоне, я чувствовал

себя так же уютно, как если бы устроился на ночлег прямо в русле грязного ручья.

Так прошло мое первое африканское Рождество. Потом я узнал, что за ближайшей горой находится миссия траппистов – это оттуда порывами ветра донесло до меня звуки праздничного гимна.

В Грикваленде начались волнения, и наше подразделение ГПН было отправлено на патрулирование границы вместе с частями капских горных стрелков.

Вскоре в нашей части начался тиф; эпидемия приняла такие масштабы, что нам пришлось вернуться в Питермарицбург, и три четверти личного состава оказались в лазарете, в том числе и я. Многие умерли, и лишь доброта и самоотверженность врачей и сестер спасли жизни остальным.

После выхода из лазарета меня, до окончательного выздоровления, направили на станцию Ван Рюнен; это была самая высокогорная колония в Натале. День за днем я лазил по склонам, охотился на бушбоков (*Tragelaphus silvaticus*) и водяных козлов – тогда они еще водились в тех местах – и изучал окрестности, не подозревая, что через несколько месяцев этот живописный край будет охвачен жесточайшим пожаром Бурской войны.

Отсюда, сверху, были видны как на ладони сотни квадратных миль. Сейчас здесь резвились в зарослях антилопы, перекликались невидимые в густой листве обезьяны, вдали слышался характерный "лай" бушбоков. Но скоро совсем другие звери разбудят эхо в скалах: отсюда, со склонов Драконовых гор, будут вести огонь крупнокалиберные орудия буров, испепеляя занятые англичанами городки в долинах.

Все мы крепки задним умом. Когда война уже началась, я вспомнил некоторые эпизоды, оставленные мной без внимания, но много сказавшие бы более

опытному человеку. Например, однажды на станцию пришли два офицера-артиллериста – как они объяснили, их привлекла хорошая охота в здешних местах. Я сопровождал их в качестве проводника. Что они мало смыслят в охоте, да и вообще не очень интересуются, было очевидно. Но я был настолько наивен, что даже не пытался задать себе вопрос – зачем же они пришли в горы, и только удивлялся, насколько глубоко в них укоренились служебные привычки: время от времени оба охотника останавливались и, не обращая внимания на антилоп, производили инструментальную съемку местности, исправляя свои карты.

Почти ежедневно кто-нибудь из нас отправлялся верхом вниз, в долину, в город Гаррисмит; это уже была территория Оранжевой республики. Среди его жителей, в основном буров, у нас было много друзей.

Когда отпуск закончился, я вернулся в Питермарицбург, и вскоре меня направили в Зулуленд.

Здесь я познакомился с зулусами. Это, вероятно, самое благородное из диких племен, обитающих к югу от экватора (или, по верному выражению полковника Шиля, "наименее неблагородное"). Зулусы прозвали меня "Изипака" ("к" лишь приблизительно соответствует щелкающему звуку в этом слове), что означает свечку или трубку, поскольку я был худой и гибкий. Впоследствии один чернокожий миссионер, желая потешить мое самолюбие, перевел это имя как "струящийся свет", и мне пришлось потрудиться, скрывая неудержимый смех.

То время среди зулусов было очень приятным. Всевозможная дичь водилась в изобилии. Почти каждый день, когда в предвечерние часы жара немного спадала, кто-нибудь из нас отправлялся на охоту. Обычную добычу составляли дрофы, цесарки, карликовые антилопы (*Cephalophus Grimmii*) или – при

большой удаче – водяной козел (*Cervicapra arundinum*). Это приятно разнообразило наш скудный стол. Но охота – лишь отдых и развлечение, кроме нее была и служба – и вот уже вновь приходилось отправляться в многонедельное патрулирование. Все пожитки умещались на одном маленьком вьючном пони. Впоследствии, во время путешествий вглубь страны, когда за мной шел целый караван, мне очень пригодился приобретенный в юности опыт походной жизни.

Вечером я останавливался вблизи какой-нибудь деревни. Ставил маленькую, не больше метра высотой, палатку, разводил огонь и готовил еду. Обычно вскоре из деревни приходили воины-зулусы, познакомиться с пришельцем и покурить у костра.

Вот юная грациозная девушка подходит к огню; на голове у нее горшок с пивом. Склонив колени, она протягивает его старейшине деревни, сидящему рядом со мной. Старейшина делает несколько глотков и, громко рыгнув в знак того, что напиток высшего качества, передает горшок мне. Предложить гостю отхлебнуть первым явилось бы вопиющим нарушением этикета – я должен убедиться, что пиво не отравлено. Как интересно было беседовать с этими старыми воинами! Многие из них участвовали в знаменитой битве с англичанами 22.I.1879, когда объединенные силы зулусских племен безуспешно пытались преградить путь английской армии, вторгшейся на их землю.

Они рассказывали о великих охотах, которые устраивал Сетевайо (Кетчвайо) в те времена, когда бесчисленные стада антилоп бродили по Зулуленду. Теперь эпидемии чумы и ружья белых оставили лишь незначительную часть прежнего обилия дичи. Они рассказывали, как однажды Кетчвайо приказал поймать живьем взрослого льва; на ловлю был снаряжен целый

"импи" (полк). Приказ есть приказ, и ценою жизни десятка воинов лев был пойман и доставлен великому вождю.

В один из таких вечеров я услышал о медоведе и его повадках. Эта неприметная птичка отличается удивительной особенностью: она сознательно и регулярно прибегает к помощи человека. Привлекая внимание своим характерным чириканьем, она перелетает с куста на куст, пока не приведет идущих следом за ней людей к дереву, в дупле которого скрыты соты с медом диких пчел. Когда пчел выкуривают дымом и сладкая добыча извлекается на свет, охотники обязательно оставляют кусок медового сота своему крылатому помощнику. Зулусы говорят, что чересчур жадного человека, не вознаградившего хитрую птичку, ждет неминуемая кара: в следующий раз оскорбленный медовед приведет его к логову леопарда или к притаившейся в траве черной мамбе. Надо сказать, что эту историю я слышал только от зулусов – в других районах Африки она или неизвестна, или считается вымыслом.

Меж двумя рукавами реки Умфолози – Белым и Черным – лежит обширный район, объявленный заповедником. Но мне удалось получить разрешение на охоту – с условием добычи не больше двух голов каждого вида антилоп. Моим проводником стал один из старых воинов Кетчвайо – щуплый, маленький, сморщенный человек. Он резко отличался от рослых, хорошо сложенных зулусов, хотя и говорил на их языке. Я думаю, что он был бушменом. Вдоль берегов Умфолози тянутся густейшие кустарниковые заросли. Проникнуть в эту чащу – дело совершенно немыслимое, и приходилось ограничиваться скрадыванием дичи по утрам, на водопое, или перед заходом солнца, когда травоядные покидают свои лесные укрытия и выходят пастись.

Животный мир этой части Зулуленда довольно богат. Здесь бродили большие стада водяных козлов и гну, нередко с равнин прибегали к реке табуны зебр. Встречались и буйволы. Раньше их было значительно больше, но именно эти могучие звери в максимальной степени пострадали от эпидемии чумы, выкосившей 80% стад. Во многих местах берега реки густо устилали черепа буйволов – сюда, к воде из последних сил сходились несчастные животные и умирали одно за другим, на радость грифам.

Хищники представлены несколькими видами мелких кошек, леопардами, гиенами и дикими собаками. Львы на Умфолози почти не встречаются.

Из крупных животных здесь можно было встретить бегемота – они обитали в многочисленных заболоченных прудах вдоль берегов – и оба вида носорогов: белого – великого Мкубо зулусского эпоса – и черного – бедьяна; последний отличается более сварливым нравом и, несмотря на меньшие размеры, гораздо опаснее своего собрата, который никогда не нападает на человека, не будучи раненым.

Охотничьи законы в Родезии соблюдаются весьма строго, и, невзирая на большой соблазн, я воздерживался от охоты на толстокожих, стараясь держаться от них подальше, а это не всегда легко. Довольно типичен, например, следующий случай. Как-то раз на Умфолози прибыли два норвежских зоолога, занимавшихся сбором коллекций – птиц, рептилий и бабочек – для музея в Осло. Работа была уже почти закончена, и ученые собирались в обратный путь. Но в одно прекрасное утро их палатка чем-то не понравилась носорогу, и никогда не рассуждающий бедьяна, нагнув голову, помчался на врага. К счастью, оба зоолога находились снаружи. Теперь им оставалось лишь наблюдать, как рассвирепевший зверь крушит и топчет плоды их многомесячного труда. Не выдержав,

один из норвежцев выстрелил, и прицел оказался настолько верен, что носорог был убит наповал. В результате ученых оштрафовали на 100 фунтов, несмотря на то, что выстрел был произведен с целью самообороны от неспровоцированного нападения.

Однажды меня разбудил громкий хриплый рев, раздавшийся в зарослях неподалеку от лагеря. Я решил, что в наши края каким-то чудом затесался лев, схватил винтовку и поспешил в направлении звуков. Прежде, чем мне удалось пробраться сквозь колючие кусты, все смолкло. Через несколько минут тропинка вывела на небольшую поляну, и в этот момент проводник, находившийся в двух шагах впереди меня, внезапно отпрыгнул в сторону с отчаянным криком: "Ньяти!" Не зная, что обозначает слово "ньяти", я растерянно озирался, и тут в пятидесяти шагах, ломая ветки, показался буйвол. Опушенная голова и покрытая пеной морда не оставляли сомнений в серьезности его намерений. В то время я еще не представлял, насколько опасным противником может быть африканский буйвол, и потому спокойно поднял ружье. Пуля вошла между сверкающими красными глазами, и бык, как подкошенный, рухнул наземь; теперь я увидел, что его шея и бока в крови и страшно изранены. Оказалось, что звуки, принятые мной за рычание льва, были ревом сражавшихся буйволов. Мы, вероятно, наткнулись на побежденного – кипя от ярости, он бродил в кустах и, почуяв людей, решил взять реванш за недавнее поражение.

Наутро я заметил стаю гиеновых собак, пировавших вокруг туши мертвого буйвола. Надо сказать, что это был единственный случай в моей охотничьей практике, когда собаки пожирали не свою собственную добычу. Утверждение о том, что эти животные питаются падалью, ошибочно.

В Зулуленде сохранилась традиция больших охот. Самая внушительная и красочная, в которой мне удалось принять участие, состоялась в честь приезда мистера Сандерса (в настоящее время – сэр Чарльз Сандерс), бывшего тогда резидентом Зулуленда и посетившего наш пост с инспекционным визитом. Вскоре после восхода на равнине выстроились правильными колоннами более десяти тысяч воинов-зулусов; при появлении Сандерса его встретил громовой клич: "Байет!" – приветствие, с которым обращаются только к вождю. Одновременно воины ритмично ударили копьями о щиты. Эти маленькие круглые щиты входят в обязательный комплект охотничьего снаряжения зулуса; боевые щиты гораздо больше и богаче украшены. Множество собак вторило приветственным крикам громким лаем и завыванием, и все вместе слилось в трудноописуемую какофонию.

Затем вперед выступил колдун. Обратившись к духам великих предков, он просил их даровать сегодня богатую добычу. Двигаясь вдоль рядов, колдун осыпал воинов какой-то мелко нарезанной сухой травой, доставая ее из подвешенного к поясу мешочка. Считается, что поймавший хотя бы одну крупницу будет особенно удачлив – и, конечно, не преминет уделить колдуну часть дичи.

Когда обряд закончился, главный индун разъяснил командирам отдельных импи (подразделений), куда им следует вести своих людей. Колонны отходили одна за другой в противоположных направлениях, постепенно растягиваясь в шеренги; в итоге был охвачен участок площадью в несколько квадратных миль. Расстояние между загонщиками составляло 15-20 шагов. После того как все заняли свои места, по цепям был передан приказ, и дальше фланги начали сближаться друг с другом; шеренги загонщиков постепенно сокращались, и одновременно поднялся невообразимый шум – люди

кричали, визжали, ударяли копьями по щитам и били в небольшие барабаны. Дикие животные, обезумев от страха, метались в разные стороны, пытаясь вырваться из окружения, но везде натыкались на удары тяжелых копий. Основную часть добычи составляли бушбоки, карликовые антилопы и газели, но иногда попадались и более крупные – гну, водяные козлы и даже зебры. Бывало, что некоторым животным удавалось прорвать цепь загонщиков, но им вслед летели короткие дротики зулусов – ассегаи, остальное довершали собаки. Надо заметить, что местные охотничьи собаки – весьма внушительные звери, отлично справляющиеся со своими обязанностями; они выведены скрещиванием европейских борзых с кафрскими сторожевыми породами. Хорошая собака очень ценится, и две-три коровы не считаются слишком высокой платой.

В прошлом такие большие охоты играли немалую роль в жизни племени, и потому неудивительно, что зулусы выработали для них специальную терминологию. Так, место сбора, к которому сходятся охотники, называется "черепом", а цепи загонщиков – "рогами". Также очень тщательно сформулированы правила, определяющие, кому принадлежит та или иная добыча при коллективной охоте. Владелец убитой антилопы является тот, кто первым ранил ее, даже если речь идет о незначительной царапине; тому, кто добыл животное, достается задняя часть туши. Законы эти соблюдаются весьма строго, в чем я убедился на собственном опыте. Однажды я подстрелил крупного бушбока; в тот же вечер ко мне пришел какой-то воин и заявил, что антилопа принадлежит ему, поскольку именно он ранил ее накануне, и указал на след своего асsegая на задней ноге. Разумеется, я отдал добычу, удовлетворившись причитающейся мне долей.

По мере того, как "рога" сближались, мы – несколько белых, участвовавших в охоте, – были

вынуждены прекратить стрельбу и перейти на роль зрителей, чтобы пули дальнобойных ружей не ранили кого-нибудь из загонщиков. Но туземцы прекрасно обходились и без нашей помощи. Скоро все было закончено, и сотни убитых антилоп понесли к "черепу", где под наблюдением индун происходит дележ охотничьей добычи. Затем последовали благодарственные ритуальные танцы, и люди перешли в другое место, чтобы повторить загон.

Зулуленд был настоящим рассадником змей – нигде в Африке мне не встречалось больше ядовитых пресмыкающихся, чем здесь. Чаще всего попадался буфоттер: я дважды сталкивался с этой опасной змеей, но оба раза отделялся испугом.

Однажды я скрадывал каменного козла. На мне была обычная полевая форма, включавшая шерстяные гетры. Почувствовав легкий удар чего-то твердого по ноге, я подумал, что задел ветку, и сделал нетерпеливое движение, чтобы освободиться – все внимание было направлено на антилопу. В тот же миг я ощутил, что вторую ногу сжимает упругое кольцо, глянул вниз и увидел здорового буфоттера – он вонзил зубы в одну из гетр, а змеиный хвост обвился вокруг другой. К счастью, ядовитые зубы завязли в толстой шерстяной материи. Обезумев от страха, я сбил гадину на землю стволом ружья и колотил ее, пока не убил. В результате пострадала винтовка, зато козел мог благодарить судьбу.

Через некоторое время я, так сказать, провел ночь в одной постели с буфоттером. Наши постели устраивались тогда очень просто: несколько охапок травы, а сверху покрывало; подушкой служило седло. И вот однажды утром выяснилось, что змея устроилась на ночь в траве, на которой я спал – видимо, ее привлекло тепло. После этого случая я еще долго с повышенным вниманием относился к устройству своего ложа.

Вскоре мне довелось познакомиться с самой опасной из ядовитых змей Африки. В тот день, охотясь верхом, я застрелил дукера; антилопа упала в густой траве в сотне шагов от меня. Я направил лошадь к тому месту, и вдруг она резко остановилась, испуганно захрапев: навстречу нам из травы с шипением поднялась черная мамба. Моя реакция была мгновенной: опустив ствол дробовика, я нажал на спуск. Дробь на короткой дистанции действует подобно пуле, и выстрел оторвал змее голову.

Слухи о приближающейся войне носились в воздухе, и все же никто не хотел им верить. В конце сентября меня перевели в Эшове, а через неделю пришло известие: война объявлена, буры вторглись в Наталь.

Мы ждали отправки на фронт, но были жестоко разочарованы: в Эшове все шло по-старому, хотя в связи с переходом на военное положение нам прибавили жалованье. Европейцы по-прежнему играли в поло и в теннис, и в клубах давались балы. На одном из них, в перерыве между танцами, я узнал, что назначаюсь комендантом маленького пограничного форта Джалланд, куда и отправился, едва успев переодеться и собрать вещи.

Гарнизон форта состоял из двенадцати человек, из них двое белых, оба мои знакомые. Мы вели весьма привольную жизнь. Местность вокруг была холмистая, и время от времени на одном из дальних холмов показывались бурские патрули. Обрадовавшись развлечению, мы принимались палить по ним, и буры отвечали тем же. Эти перестрелки были совершенно безобидным препровождением времени – нас разделяло не меньше километра, и все обходилось без жертв.

Но сладкому житью в Джалланде скоро пришел конец – меня назначили офицером полевой связи, то есть попросту фельдъегерем, и в течение следующих месяцев я изрядно помотался с депешами и приказами

по всей границе, иногда по двенадцать часов на вылезая из седла. Непосредственного участия в боевых действиях я не принимал, однако новая должность позволила мне побывать во многих горячих местах и многое повидать. Тем не менее я думаю, что воспоминаниям этого периода не место в книге о дикой Африке; англо-бурская война велась в основном европейцами против европейцев, и я упоминаю о ней лишь для того, чтобы точнее передать обстановку в стране в те годы.

В июне 1901 г. закончился срок моей службы в Горной полиции Наталя, и я решил перебраться в Германскую Юго-Западную Африку. Самым быстрым и надежным считался путь по морю.

Жизнь в портовых городах Южной Африки была очень оживленной. Солдаты и офицеры, прибывшие в короткий отпуск с театра военных действий, торопились истратить свое золото, пока их не настигла пуля бородатого бурского снайпера; клубы, пивные и рестораны были открыты круглосуточно. И повсюду броские плакаты приглашали всех желающих на вербовочные пункты – шел набор добровольцев.

Вербовка происходила следующим образом. Уполномоченный офицер сидит за столом. К нему приближается человек, явно страдающий от многодневного похмелья. Назвавшись, он кладет на стол матросскую карту – документ, удостоверяющий, что он уволен с корабля и у судовладельцев нет к нему никаких претензий. Внешний вид бумаги явно свидетельствует, что она была куплена в каком-нибудь портовом кабаке; не менее очевидно и то, что корабль, с которого дезертировал этот матрос, еще стоит в гавани. Но формальности соблюдены, офицер протягивает новобранцу контракт, и тот подписывается. Теперь возникает вопрос о роде войск, наиболее подходящем для новоиспеченного вояки. Все

попытки выяснить его склонности и навыки наталкиваются на подозрительно уклончивые ответы. Наконец отчаявшийся вербовщик спрашивает:

– А ездить верхом вы умеете? – и слышит твердое "нет".

Офицер облегченно вздыхает:

– Ладно, тогда записываем вас в команду снайперов.

С приходом следующего кандидата вся история повторяется, но с одним изменением: поскольку доброволец сообщает, что не умеет стрелять – это единственное, что он утверждает с достаточной уверенностью, – то его зачисляют в иррегулярную кавалерию.

Наконец, взойдя на гостеприимный борт уютной старой "Гертруды Верман", я отплыл в Свакопмунд. При взгляде с моря этот город производит довольно приятное впечатление, которое быстро рассеивается, когда сходишь на берег. Песок под ногами, песок в пище, песок в постели – повсюду ничего, кроме песка. Я остановился в лучшем отеле города, он назывался "Князь Бисмарк" и был построен из старых ящиков из-под виски. Правда, как во всяком приличном отеле, там имелся бильярд, но, увы – один лишь стол. Шаров не было, и постояльцы развлекались, закатывая в лузы пробки от пивных бутылок.

Поначалу я собирался поступить на военную службу в Германской Юго-Западной Африке, но оказалось, что для этого требуется дать обязательство в течение десяти лет не покидать колоний. Такое условие меня не устраивало, к тому же я получил телеграмму, из которой явствовало, что дома срочно необходимо мое присутствие.

И вот я опять взошел на корабль, чтобы после четырехлетнего отсутствия вернуться на родину.

Глава II

Севернее Замбези

"Зов Востока", воспетый Кипплингом, знаком всем, кому посчастливилось хоть раз в жизни странствовать под пальмами. Едва закончилась моя служба, я вернулся в Африку. И моя любовь к ней нисколько не умерялась сознанием правоты того английского писателя, который сказал: "Африка – это реки без воды, птицы без песен, цветы без запаха; это мужчины, не знающие чести, и женщины, незнакомые с верностью".

Все так. Но летом 1902 года я опять сошел на африканский берег.

Это было тяжелое время. Только что закончилась англо-бурская война, и страна лежала в развалинах. Шансов на получение постоянной работы было немного. Правда, я получил несколько весьма заманчивых предложений, но все они касались будущего, "когда все войдет в нормальную колею", а в данный момент никто из знакомых не мог предоставить мне никакого оплачиваемого занятия. Помыкавшись неделю-другую, я решил вернуться на службу в Горную полицию и подождать на государственном довольствии – не подвернется ли впоследствии что-нибудь поинтереснее.

Возвращение в ряды НГП прошло без всяких осложнений – все были мне рады, и наоборот. Первое время моя служба проходила в Хардинге (в Грикваленде), затем меня перевели в Каломо, в Северо-Западную Родезию. Там меня и настигла телеграмма от полковника Мензела, ознаменовавшая поворотный пункт в моей жизни. Телеграмма гласила:

"Выгодное поручение. Оплачена дорога до водопада Виктория. Прекрасные возможности для продвижения

по службе." Подпись – Мензел.

Я спешно вернулся в Питермарицбург. Затем доехал до Дурбана, оттуда пароходом до Ист-Лондона и, наконец, поездом через Кимберли – до водопада. Четырехдневное "путешествие" было утомительным, но не настолько, чтобы сделать меня нечувствительным к великолепному зрелищу, впервые открывшемуся передо мной. Замбези, имеющая здесь ширину 30 м, с гулом низвергается со 120-метровой высоты. Белые клубы пара, поднимающиеся над водопадом, прекрасно соответствуют его туземному названию – Мозиоатунга, "дымящаяся вода". Строительство висячего моста через водопад к тому времени только начиналось. Работы велись на обоих берегах, и казалось, что из прибрежных скал сами собой вылезли куски стального скелета; им предстояло соединиться над серединой реки.

Замбези образует естественную границу между Северной и Южной Родезией. В свою очередь, Северная Родезия подразделяется на две области: Северо-Западную и Северо-Восточную Родезию, управление которыми осуществляется независимо друг от друга. Первая из названных областей – страна, чье население признает власть – или хотя бы верховенство – короля баротсе Леваники. Однако на практике управление страной осуществляется административным советом, подотчетным губернатору колонии Трансвааль. Страна разделена на округа, во главе которых стоят окружные комиссары; им подчинены заместители, коллекторы и клерки (писаря). Поддержание законности и порядка возложено на "Туземную полицию Баротсе" – военно-полицейские формирования, подобные отрядам аскари в Германской Восточной Африке. Полицейские были одеты в недавно утвержденную новую форму цвета хаки: свободная рубашка с короткими рукавами и шорты; обуви не было. Красный тарбуш на голове завершал обмундирование, сводя на нет маскирующие

свойства остального костюма. Вооружение состояло из старых винтовок системы Мартини-Генри; кроме того, имелся тесак, пригодный также для использования в качестве штыка. Местные уроженцы, т.е. чернокожие, имеют звания от ефрейтора до фельдфебеля. Кстати, надо заметить, что новобранцам в Родезии оказывается гораздо легче привыкнуть к английским названиям воинских чинов, чем их коллегам в Германской Восточной Африке – к принятым там арабским терминам (аскари и т.д.).

Большинство местных жителей – баротсе; это племя населяет долину Замбези от водопада Виктория до устья Кабомпо. О происхождении баротсе пока нет единого мнения; известно лишь, что они пришли с севера. Есть основания считать баротсе отделившейся ветвью племени бафуту. Это подтверждается и сходством языков, не раз отмеченном многими путешественниками. На протяжении десятков поколений (иначе говоря, сотен лет) баротсе управляются единой королевской династией. Нынешний ее представитель, Леваника, по-прежнему называется королем, являясь на деле лишь куклой в руках английского правительства; он с самого начала даже не пытался оказывать сопротивление экспансии европейцев. Когда белые впервые появились в его стране, Леваника отправил послов к Киаме, королю бечуанов, спрашивая, как ему поступить. Киама ответил: "Посмотри на участь Кетчвайо и Ловенгулы: они начали войну с белыми и были сметены. Я не мешал продвижению белых – и сегодня остаюсь повелителем в своей стране!" Такой совет пришелся по сердцу осторожному Леванике. Он оказал европейцам дружелюбный прием и добровольно объявил себя вассалом английской короны. В результате сговорчивый чернокожий владыка удостоился особой чести: он был

официально приглашен в Лондон на торжества по случаю коронации Эдуарда VII.

Границы нынешней "империи Баротсе" (ее столица – Лиалуи) не вполне ясны – мнения заинтересованных сторон резко расходятся. Примыкающие королевства – Масхукулумбве и Баловале – когда-то были государствами, частично зависимыми от Леваники, и на этом основании английское правительство пытается расширить границы своего протектората. Я совершенно некомпетентен в территориальных спорах, но могу определенно утверждать, что имя Леваники не имеет особого значения уже у племени вакагонде, а дальше на восток вообще почти неизвестно. Тем не менее, следует признать, что государство баротсе – крупнейшее в западной части Центральной Африки. Но мне почти не доводилось общаться с ними; что же касается представителей других племен, то я буду рассказывать о них в том порядке, в каком встречал их во время путешествий.

В этнографическом отношении народы Северо-Западной Родезии почти не изучены. Со времен Сейлуса^[1] лишь очень немногие европейцы дали себе труд изучить языки разных племен,

80-х гг. XIX в. без чего невозможно составить хоть какое-нибудь представление о культурной и общественной жизни людей. Исключение составляют, пожалуй, миссионеры, но они – не беспристрастные наблюдатели. И я надеюсь, что смогу сообщить в этой книге некоторые неизвестные до сих пор черты жизни африканцев. Разумеется, речь пойдет лишь о том, что я видел своими глазами; случаи, переданные с чужих слов, будут специально оговорены.

Первым местом моей новой службы стал форт Каломо. Здесь жило около двадцати европейцев – полицейских офицеров и гражданских служащих. Мне

приходилось уделять службе много времени и внимания – ведь "туземная полиция" была, как-никак, пехотой, и мне, недавнему кавалеристу, нужно было срочно привыкать к новому образу жизни. Все же оставалось достаточно свободного времени, которое я посвящал охоте и изучению страны. Мы были свободны с субботы до понедельника; собравшись вдвоем или втроем, мы брали палатки и необходимое снаряжение и отправлялись на воскресенье в саванну. Дичь была в изобилии. Судя по следам, здесь встречались и львы, и, конечно, моей заветной мечтой стала охота на льва. Слоны в то время нисколько не интересовали меня, зная о них мало и не подозревая, что через несколько лет буду способен в течение недели, день за днем, идти по их огромным круглым следам. А "царь зверей" был постоянным предметом разговоров в Каломо.

За несколько дней до моего прибытия раненный лев растерзал охотника-бура, а по воскресеньям, ночуя в палатке, мы часто слышали их рык. Можно было бы попытаться пустить в дело капкан или самострел, но англичане категорически возражают против такой "неспортивной" охоты.

Через полтора месяца я получил приказ отправиться вместе с капитаном Стеннетом в Каземпу – отныне моя служба будет проходить там. Это было мое первое путешествие во внутренние районы страны. Для переноски снаряжения и грузов было нанято 120 носильщиков; кроме того, с нашим караваном шли тридцать аскари – им, как и мне, предстояло остаться в Каземпе.

Снаряжение каравана – всегда хлопотное и трудоемкое дело: надо заранее предусмотреть и рассчитать все, что понадобится на многодневном пути, и упаковать груз в ящики; каждый должен весить пятьдесят фунтов, не больше и не меньше. Только в

особых случаях допускаются и стофунтовые ящики – их несут на перекладине два человека.

Интересно, что почти у каждого племени есть свой излюбленный способ переноски тяжестей. Например, ваньямвези привязывают груз к серединам двух длинных параллельных бамбуковых шестов; концы палок при этом остаются свободными. Такая конструкция позволяет носильщику отдыхать, не опуская груз на землю и не тратя потом сил на его подъем – достаточно опереть концы шестов о камень или о древесный ствол. Баротсе также используют шест, но предпочитают распределять груз на две части, так чтобы одна была на груди, а другая на спине. Наш караван состоял в основном из людей вакогонде и батока; они не пускаются на инженерные ухищрения и несут ящик таким, какой он есть. Впрочем, одно усовершенствование они допускают: ящик обматывается со всех сторон множеством ремней, затянутых хитроумными узлами. Смысл этой операции мне неизвестен, но результат нередко раздражал: чтобы добраться до содержимого того или иного ящика, приходилось по четверть часа распутывать ремни.

Когда груз подготовлен, на сцене появляются носильщики. Организовать их и заставить действовать нужным образом – задача, какой я не пожелаю злейшему врагу. Представьте себе шумную ватагу школьников, удравших с урока и одержимых единственным стремлением – обратить в шутку и развлечение любое услышанное слово и любое дело – и вы поймете, каково нам пришлось. Зная, что при распределении грузов неминуемо возникнут яростные споры, мы пошли на хитрость. Приготовленные ящики со снаряжением поставили во дворе казармы, и носильщикам было предложено выбрать, кому какой нравится. Последовала короткая свалка – все рвались к маленьким ящикам. Наконец победители – те, что были

посильней и пошустрей – завладели добычей. Надо было видеть, как вытянулись их физиономии, когда выяснился вес грузов! В маленьких ящиках лежали пачки патронов, и весили они по семьдесят фунтов каждый. Большие же были набиты обмундированием для аскари. Таким образом, справедливость восторжествовала – сильные понесут большой груз.

Опытные путешественники всегда отправляются во второй половине дня, ближе к вечеру. Дело в том, что уже в первые часы пути обычно выявляются разные недочеты, забытые вещи и т.д.; но все это легко поправить, когда первая ночевка оказывается недалеко от основной базы. Кроме того, не следует сразу же изматывать еще не привыкших к дороге людей большим переходом. Постепенно все окрепнут, приносятся, и все пойдет гладко.

На долю носильщиков в пути выпадает много работы. Днем они несут груз, а вечером заняты устройством лагеря – надо расчистить выбранное место, поставить палатки, достать из ящиков все необходимые вещи, развести костры; надо снабдить повара водой и дровами для стряпни на полторы сотни человек. Все это – дело носильщиков и слуг. Поначалу не обходится без недоразумений, а то и потасовок, но уже через несколько дней люди сами распределяют между собой обязанности, и караванная жизнь входит в нормальную колею: устройство ночлега занимает не более получаса, а по утрам, выходя в путь, носильщики весело напевают.

В обязанности боя входит личное обслуживание. Он выполняет отдельные поручения, вечером чистит одежду и приносит еду; на марше бой несет винтовку хозяина.

Когда устройство лагеря заканчивалось, перед нашими палатками раскладывался обеденный стол. Путешествуя в буше, европейцу следует непременно

обращать внимание на такие вещи, как форма и этикет; только соблюдением последних он может, не прибегая к грубости и насилию, сохранить авторитет в глазах туземцев даже при многомесячном странствии. Поэтому наш стол всегда был накрыт чистой скатертью, и на нем красовался букет свежих цветов, какая бы простая пища ни лежала у нас на тарелках.

Был конец сухого сезона, и обеспечение каравана продовольствием представляло существенную проблему; хотя мы и располагали двадцатью ящиками с рисом, но старались поберечь его на крайний случай и расходовали экономно. Таким образом, у меня появился законный повод заняться охотой. Дичи было мало, и я очень радовался, сумев добыть двух зебр – их мясо пользуется заслуженной популярностью у большинства туземцев. К удивлению, все носильщики-вакагонде, как один, отказались его есть. Причина скоро разъяснилась: зебра – тотемное животное вакагонде. У каждого племени есть зверь-покровитель; иногда их несколько. Животных этого вида нельзя убивать, и запрещается употреблять в пищу их мясо – иначе племя постигнет месть оскорбленного духа. Я решил в дальнейшем по возможности учитывать все табу наших людей, чтобы ненароком не склонить их к святотатству.

Мы вступили в страну масхукулумбве. Это воинственное племя, издавна враждовавшее с баротсе. Их земли лежат на обоих берегах Кафуэ. До сих пор масхукулумбве усмирены не полностью, а двадцать лет назад даже такой смелый и опытный человек, как Сейлус, еле спасся от их воинов поспешным бегством, бросив все имущество. Масхукулумбве – скотоводческое племя; поскольку область их расселения не поражена мухой цеце, обширные стада жиреют и множатся на зеленых пастбищах саванны.

Здесь настоящий охотничий рай – в долинах и прибрежных зарослях, соседствуя с домашним скотом,

пасутся дикие копытные всех видов: зебры, гну, импалы, лошадиные антилопы, личи и бубалы.

Селения масхукулумбве не имеют оград, что должно свидетельствовать о воинственной доблести их обитателей; лишь в центральной части, в кольце хижин, обнесенный изгородью крааль – на ночь туда загоняют скот. Возле хижин развешены звериные шкуры в разных стадиях обработки. На крышах – глиняные горшки разного размера и калebasы (фляги из высушенных тыкв). Но мирный вид этих предметов обманчив: каждый означает убитого врага из другого племени. Большой черный горшок соответствует мужчине, маленький – юноше или мальчику, калebas – женщине.

Масхукулумбве – рослые, великолепно сложенные люди, внешне напоминающие зулусов и матабеле; мужчины обычно ходят совершенно обнаженными. Миниатюрные, изящные женщины племени носят небольшие передники из выделанных шкур.

Наиболее удивительная черта воинов-масхукулумбве – их прически, достигающие полутораметровой высоты; они имеют форму узких, вытянутых конусов. Это сооружение создается из собственных и женских волос (женщины масхукулумбве наголо бреют головы), искусно переплетенных друг с другом и смазанных жиром и глиной. Смесь, затвердевая, причиняет своему владельцу сильнейшую боль – кожа на голове стягивается все туже и туже, и готовая прическа оказывается окружена искусственной кольцеобразной складкой. Готовую конструкцию украшают ракушками. Когда-то они были редкостью и ценились необычайно высоко: за одну ракушку давалась корова. Но с тех пор, как предприимчивые торговцы – португальцы и арабы – наладили регулярный ввоз ракушек, а также их целлулоидных имитаций, цена сильно упала, и теперь даже беднейшие воины разукрашены не хуже вождей

прошлых веков. Кроме того, в прическу воткнуты многочисленные костяные булавки; время от времени владелец энергично скребет ими голову, невыносимо свербящую под сургучно-волосяным панцирем. Поскольку считается, что искусно сделанная прическа приносит удачу, ее берегут, как зеницу ока – ложась спать, человек кладет голову не на подушку, а в специальную ременную петлю, прикрепленную к особой балке под крышей хижины. Мне кажется, что свойственная масхукулумбве вспыльчивость и презрение к чужой жизни в значительной мере объясняются муками, которые они ежедневно испытывают из-за своих головных украшений.

В отличие от воинов, охотники носят на голове не столь выдающиеся сооружения: их высота не превышает одного фута, и они украшены небольшими ярко-желтыми ягодами; каждая обозначает удачную охоту.

Дети, достигшие совершеннолетия, то есть половой зрелости – эти понятия здесь совпадают – подвергаются обряду инициации; он состоит в удалении двух верхних передних зубов. Такой же обычай существует в племени батока.

Религиозные представления масхукулумбве очень примитивны и сводятся к почитанию духов зверей и предков. Половая мораль отсутствует, и это ведет к постоянным трудностям при установлении отцовства.

Оружие воина составляют несколько длинных копий и лук со стрелами, причем наконечники стрел отравлены. Используется два сорта яда – растительный и животный; последний представляет собой смесь змеиного яда с выделениями больших пауков и особенно опасен. На древке копья, ближе к концу, делается глубокая зарубка – благодаря этому при попадании в цель или промахе наконечник копья

отламывается, и враг не сможет ни извлечь его из раны, ни метнуть обратно.

Как и во всех прочих скотоводческих племенах Африки, здесь существует обычай "лобола" – выкуп за невесту, уплачиваемый скотом. Правда, масхукулумбве несколько расширили ассортимент платежных средств, включив туда разные металлические вещицы.

В нижнем течении Кафуэ обитает небольшое, родственное масхукулумбве племя – бантуа, или бватва. Их селения построены на сваях, прямо в воде. Бватва относятся к европейцам с большой опаской и всячески избегают встреч, и мне, несмотря на все старания, так и не удалось увидеть это интереснейшее в этнографическом отношении племя.

Мы устроили очередной привал возле заброшенного и, как вскоре выяснилось, почти высохшего колодца. С большим трудом нам удалось добыть из него несколько ковшей мутной, грязной воды. Но в буше нельзя быть слишком разборчивым. Чтобы хоть как-то обезопасить себя от возможной заразы, мы добавили туда немного коньяка и утолили жажду этим истинно африканским напитком.

На следующую ночь я услышал шаги вокруг палатки. Думая, что это ходит часовой-аскари, я повернулся на другой бок и заснул. А утром бой показал мне следы взрослого льва – они шли вдоль брезентового полога, в трех футах от моего изголовья. Вот уж действительно – в многом знании много печали!

Вскоре мне довелось увидеть льва; произошло это так. Отделившись от каравана, я углубился в буш в надежде добыть свежего мяса, и вскоре повстречался с несколькими чернокожими охотниками. Они сообщили, что ночью львы задрали зебру неподалеку отсюда. Утром звери ушли, и теперь люди решили попытаться забрать то, что осталось. Я пошел вместе с ними в сопровождении М'Лонго – аскари из племени баротсе,

бывшего в тот день моим оруженосцем. Через сотню шагов мы увидели высокий термитник, а на нем – еще двух человек; они отчаянно размахивали руками, призывая остальных. Держа палец на спуске, я бросился вперед и успел увидеть, как роскошный лев юркнул в густую траву и был таков. Преследование оказалось невозможно, так как сам я еще недостаточно разбирался в следах, а никто из охотников не пожелал составить мне компанию.

Мы перебрались через Кафуэ. Лесов стало больше, и, возможно, связанное с этим изменение климата вызвало у меня рецидив лихорадки. Первый приступ всегда самый тяжелый. Ночью я лежал, дрожа от озноба и обливаясь потом, ждал скорой смерти, проклинал Африку и давал себе слово уехать в Европу, если останусь жив. Однако наутро стало легче, и я двинулся вместе со всем караваном, хотя и чувствовал себя еще очень слабым.

В этом районе, не столь выжженном солнцем, как саванна, собралось множество травоядных. Как-то раз в пятидесяти метрах от нас пересекло дорогу стадо канн – их было, думаю, не меньше двухсот голов. Я стоял со вскинутым ружьем, но в клубах пыли было невозможно разглядеть самцов, да и вообще отдельных животных – только сплошной поток длинных острых рогов, мчащийся через дорогу над пылевым занавесом. Приблизившись к лесу, антилопы маневрировали меж деревьями и перепрыгивали упавшие стволы с таким изяществом и грацией, двигались так легко, что это казалось невероятным, учитывая их размеры и вес. Попробуйте представить себе корову, несущуюся по лугу легкими скачками, метров по пять длиной!

Возле реки Лунга мы с капитаном Стеннетом разделились. Взяв часть аскари, он направился в Каземпу форсированным маршем, поручив мне довести остальной караван.

Здесь я впервые добыл пуку – огненно-рыжую антилопу, похожую на болотного козла, но немного больше. Они живут небольшими стадами по обоим берегам Лунги. Пуку – местное название животного (*Cobus Vardonii*), и его также придерживаются англичане. В германских областях Африки эта антилопа мне не встречалась.

Мне хотелось поохотиться на бегемотов, но единственный из них, обитавший вблизи брода через Лунгу, уже приобрел, по-видимому, опыт общения с людьми: он лежал в воде, выставив на поверхность одни лишь ноздри. Я не стал стрелять, так как вытащить добычу на берег было бы невозможно.

Сделав еще один переход, мы пришли к селению вождя Калассы, который нанес мне визит. Дело было в том, что недавно он получил послание от короля Леваники с приказанием явиться на совет вождей в Лиалуи. По каким-то своим соображениям Каласса страстно желал уклониться от участия в этом торжественном мероприятии. Я предложил свою помощь и обещал вручить королевским гонцам письмо, где говорилось, что лишь жестокая боль в ногах и многочисленные раны мешают Калассе прибыть на совет. Старый вождь был в восторге, клялся мне в вечной дружбе и не мог найти слов для выражения своей признательности; как он выразил ее впоследствии, я расскажу в другой главе.

Засушливый сезон подходил к концу, и по саванне то и дело прокатывались волны огня. Это – искусственные пожары. Каждый год в это время местные жители поджигают сухую траву, освобождая место для свежей, которая взойдет после дождей. Удобренная золой земля очень плодородна, и когда вода оживит ее, саванна зазеленеет в течение двух-трех дней. Кроме того, огонь уничтожает массу вредных насекомых, скрывающихся в высохшей траве.

Мне кажется, что европейские переселенцы преувеличивают опасность этих пожаров. Фронт огня тонок, не больше полуметра, и движется очень быстро, так что не успевает принести вреда постройкам – даже таким, как негритянские хижины – если они попадаются на пути.

Второго декабря мы раскинули лагерь у реки Канонга. Уже два дня по дороге встречались старые слоновьи следы. Собственно говоря, я и не заметил бы их, если бы не аскар, разъяснившие мне, что это такое. Удивительно, что нога столь огромного животного, как слон, оставляет такие незаметные отпечатки.

Небо стало заволакивать тучами, и едва я вернулся с вечерней охоты, как хлынул первый дождь. Я сидел в палатке и чистил ружье, когда вдруг снаружи послышался голос, несомненно принадлежавший европейцу. Через минуту полог откинулся, и я вытаращил глаза: в палатку вошел Маколей, мой приятель и сослуживец по "туземной полиции баротсе". Оказалось, что он перешел на гражданскую службу и теперь направлялся в Каземпу уже в должности окружного комиссара. Поразительно было то, что путешествие из Каломо в Каземпу он предпринял в одиночку, на велосипеде. Перемена погоды застала его врасплох, и думаю, что никто и никогда не испытывал большей радости, увидев костры моего лагеря, чем промокший и продрогший Маколей – он уже собирался заночевать в лесу под открытым небом, когда заметил вдали отблеск огня. Подкрепив гостя горячим ужином и доброй порцией виски, я уложил его спать; наутро он покати́л дальше и достиг Каземпы в тот же день. Пятого декабря добрались туда и мы. Мне было немного грустно расставаться с привольной охотничьей жизнью, но вместе с тем хотелось войти в круг моих новых обязанностей.

Возле Каземпы находится большое селение, которым правит носящий это же имя вождь. Раньше он жил в хорошо укрепленном поселке, расположенном на неприступной скале. Сидя в своей крепости, вождь Каземпа без труда отражал набеги баротсе, пытавшихся покорить вакагонде. Правда, впоследствии он все же счел более удобным признать власть Леваники и даже платил ему дань – чисто символическую и очень нерегулярно. Каземпа оставался абсолютным владыкой в своем "орлином гнезде", и пока полицейский отряд не заставил его переселиться в долину, ближе к форту, он карал и миловал, кого хотел. Осужденных, вызвавших гнев вождя, сбрасывали со скалы, с высоты полутора сотен метров; как мне говорили, среди прочих жертв так были казнены два португальских миссионера.

Глава III

К истокам Кабомпо

Мистер Маколей привез приказ, в котором мне предписывалось сопровождать экспедицию, отправляющуюся к истокам Кабомпо. Целью экспедиции было установление водораздела между бассейнами рек Конго и Замбези – в той области, где он явился бы естественной границей между Северо-Западной Родезией и государством Конго; где-то в тех краях находились истоки Кабомпо. Кроме того, нам поручалось проверить полученные ранее сведения о проникновении работорговцев на английскую территорию из португальских областей и Конго. Предстояло провести картографическую съемку пройденного пути и выбрать наиболее удобное место для пограничной станции.

Все мои повседневные служебные обязанности сразу же отошли на второй план, и я всецело погрузился в хлопоты, связанные с подготовкой и снаряжением экспедиции. В этом мне помогали и африканцы: Леваника отрядил нам в помощь двух своих индун – они должны были служить советниками, переводчиками и парламентарями при контактах с пограничными племенами.

В качестве носильщиков были наняты около ста человек из племени вакагонде. Два десятка охотников-аскари под моим командованием обеспечивали безопасность; на нас также лежала обязанность снабжения всех участников экспедиции свежим мясом.

Области, которые нам предстояло пройти, частично уже были знакомы мистеру Маколею, что облегчало

предстоящую задачу. Кроме того, он бегло говорил на языке баротсе и немного понимал язык вакагонде.

Мы выступили из Каземпы на север 14 декабря 1904 года и через неделю раскинули лагерь на берегу Кабомпо, возле селения, покинутого жителями. Сезон дождей уже начался, и почти непрерывные ливни очень затрудняли путешествие. Мы оба прихватили с собой велосипеды, но в долинах, затопленных жидкой грязью, они были мертвым грузом. Оставалось лишь ждать, пока не придем в более возвышенные районы. Об охоте не приходилось и думать – все звери скрывались от наводнений в глубине лесов.

Вскоре мы пришли к селению Казанзы, где и остановились лагерем. Здесь начиналась "ничейная земля" – спорная территория, на которую претендовали Британия и Португалия; спор был улажен лишь в следующем году при содействии итальянского короля. Этот район, находившийся вне юрисдикции европейских стран, пользовался плохой репутацией – сюда стекались все люди, как белые, так и черные, вступившие в открытый конфликт с законом. Здесь же проходили маршруты работорговцев. Их караваны шли с западного побережья; остановившись в каком-нибудь селении, они рассылали во разные стороны небольшие экспедиции, подвижные и хорошо вооруженные, скупавшие у окрестных вождей рабов – пленников или просто людей, чем-то не угодивших своему вождю. В случае приближения английских патрулей эти отряды переправлялись через Кабомпо и оказывались на "ничейной земле", вне досягаемости.

Нам следовало по возможности установить контакт с Казанзой, и несколько лодок с гонцами отправились по реке, чтобы известить вождя о нашем прибытии. Тем временем я занялся охотой – вокруг деревни бродили многочисленные стада антилоп. В первое же утро мне без труда удалось добыть в прибрежных зарослях

четырех водяных козлов. Правда, за эту удачную вылазку пришлось поплатиться – листья тростника, длиной в метр и с острыми, как бритва, краями, так изрезали мне ноги (я был в шортах), что потом в течение нескольких дней пришлось сидеть в лагере.

Казанза так и не появился в деревне – вместо него нас посетила специальная делегация, и нам преподнесли дары – несколько прекрасных леопардовых шкур. Маколей не согласился принять подарки, так как это было бы равнозначно официальному установлению дружеских отношений; до переговоров подобный шаг был неуместен. Вместе с тем он отверг и мое предложение – совершить вылазку в буш и попытаться изловить скрывающегося там вождя. Это противоречило имевшемуся приказу – ни при каких обстоятельствах не пересекать Кабомпо с враждебными целями. Однако теперь, когда стало ясно, что Казанза не появится в нашем лагере, уже не было оснований для дальнейшего ожидания. Мы решили двигаться дальше, занявшись в первую очередь выяснением границ водораздела Конго и Замбези; на выполнение этой задачи должно было хватить двух недель.

Узнав о наших планах, носильщики заволновались, и хотя до открытого неповиновения дело не дошло, мы оказались в затруднительном положении. Они боялись идти по незнакомой местности, населенной враждебными племенами, и я не знал, как убедить их, что опасность, в общем, невелика. Конечно, можно было просто приказать им замолчать и идти вперед, но тогда половина из них разбежится при первом же привале, а другая половина – на следующем. Положение спас Маколей: обратившись к носильщикам с речью, он сумел высмеять их страхи, не выходя за пределы дружелюбного тона. Африканцы любят и ценят юмор; шутки Маколея разрядили обстановку, и когда наутро

люди выходили в путь, весело напевая, трудно было поверить, что всего несколько часов назад они требовали немедленного возвращения.

Дорога шла вдоль берега Кабомпо; на второй день местность стала холмистой. Немногочисленные деревни, попадавшиеся по пути, были обнесены основательными изгородями и хорошо укреплены. Людей мы не видели.

Рождество (25 декабря) мы встретили у горы Мумбва. Весь день шел дождь, но настроение оставалось приподнятым. Мы решили устроить роскошный праздничный ужин, для чего были извлечены на свет заранее припасенные бутылки – две с шампанским (их мы поставили охлаждаться в ледяной воде горного ручья) и одна с портвейном.

Поскольку мои кулинарные способности не пользовались всеобщим признанием, я занялся открыванием банок с консервами, в то время как Маколей священнодействовал – он готовил плумпудинг, без которого ни один англичанин не мыслит праздничного стола. До сих пор мне еще не приходилось присутствовать при изготовлении этого блюда, но все-таки трудно было поверить, что столь мирный, в общем-то, процесс требует такой невероятной затраты энергии и таких сильных выражений. В целом наш праздничный ужин удался на славу. Правда, пудинг не совсем оправдал ожидания – или, наоборот, превзошел их; это как посмотреть. Во всяком случае, уже будучи съеден, он целую ночь не давал нам уснуть, косвенно напоминая о празднике. Маколей утверждал, что все дело в недостаточно вымешенном тесте; если так, то страшно подумать, какого труда требует приготовление удобоваримого плумпудинга – ведь тесто для нашего больше двух часов от всей души месил и дубасил один из лучших боксеров среднего веса!

Наутро выяснилось, что дезертирство носильщиков все же началось. Это было для нас тяжелым ударом – ведь в таких случаях, стоит только подать пример, и за одним беглецом быстро последуют остальные. В общем, мы покидали наш рождественский лагерь в невеселом настроении, а меня не оставляло ощущение, что сегодняшние неурядицы – это новые козни плумпудинга.

Дорога теперь отклонилась в сторону, но нам следовало постоянно держать реку в поле зрения. В результате пришлось идти целиной, по высокой траве. Изредка встречались деревни, но жители при нашем появлении разбегались или прятались.

27 декабря мы подошли к большому селению, где нам был оказан весьма недружелюбный прием; вероятно там собралось большинство людей из покинутых деревень. Когда я в сопровождении нескольких аскари приблизился к изгороди, в нас полетели стрелы. Не применяя оружие, мы продолжали движение, и этого оказалось достаточно – нападавшие обратились в беспорядочное бегство. Они привыкли иметь дело с шайками мамбари (португальских метисов), но были совершенно неспособны сопротивляться дисциплинированному отряду, даже самому малочисленному, ведомому европейцем.

Войдя в деревню, мы захватили в плен несколько незадачливых вояк; им сделали внушение и отпустили, снабдив каждого небольшим подарком. Вскоре после этого появился вождь – он прятался где-то поблизости. Маколей спросил, почему они убегают при нашем появлении (поскольку жертв и пострадавших не было, минувший инцидент мы решили обойти молчанием). "Морена (господин), – отвечал вождь, – до сих пор такие большие караваны, как ваш, приходили к нам лишь затем, чтобы захватывать наших юношей и продавать их в рабство; мы еще не видели караванов белых

людей, хотя слышали, что они никогда не продают и не покупают рабов и воюют с мамбари." Постепенно речь вождя становилась все более изысканной и цветистой; мы уже были его отцом и матерью, дядей и теткой в одном лице. Все, что у него есть принадлежит нам, и он кладет к нашим ногам свою голову.

Поблагодарив, мы ответили, что нуждаемся не в его голове, а в продовольствии для наших людей. Тут начались горькие сетования. Солнце сожгло все зерно (уже два месяца лили непрерывные дожди), а то немногое, что уцелело, вытоптали и потравили дикие звери (на много миль кругом не было никакой дичи, так как у местных жителей имелись ружья, а с Западного побережья шел регулярный подвоз боеприпасов). Мы спросили, нет ли у него хотя бы маниоки – вождь отвечал, что здесь ее вообще не сажают и не выращивают. Старый хитрец не знал, что, обходя с отрядом вокруг деревни, мы не меньше получаса шли мимо сплошных полей. Тогда Маколей спросил, не будет ли вождь возражать, если мы наберем себе дикой, несеянной маниоки – мы, мол, видели ее неподалеку во вполне достаточном количестве. Произошел небольшой конфуз, разрешившийся ко всеобщему удовольствию – за умеренную плату нам, конечно, будет предоставлено все необходимое.

Этот эпизод – довольно типичный пример взаимоотношений местных жителей и европейцев.

Население деревни было смешанным – в основном потомки вакагонде и ва'лунда. В физическом и нравственном отношении люди стояли на очень низкой ступени развития; особенно заметно это проявлялось у женщин. Нигде больше мне не доводилось видеть столь юных матерей – девочки 12-13 лет уже нянчили собственных младенцев. Одежду женщин составляли стеклянные бусы на шее, медные браслеты на

запястьях и короткие, грубо сплетенные передники из коры.

Обычное вооружение мужчин – лук и стрелы. На наконечниках стрел я не заметил признаков яда, но думаю, что мне показали не все. Кроме того, имелось много шомпольных ружей, попавших сюда с Западного побережья.

Истоки Кабомпо находятся в двух часах ходьбы от деревни, на плоском голом холме. В непосредственной близости от источника выросла группа деревьев, сплошь переплетенных лианами.

Итак, главная из поставленных перед экспедицией задач была выполнена. Мы нацарапали на жестянке свои имена и дату открытия и прибили ее к дереву рядом с источником.

Пора было трогаться в обратный путь. Теперь можно было идти напрямик, что позволяло сэкономить время и силы. По дороге удалось установить нахождение истоков еще одной реки – Мозамбези; место показалось нам очень удобным для пограничного поста.

Когда мы вернулись к селению Казанзы, выяснилось, что все жители ушли, и Маколей решил, не откладывая, нанести дружеский визит своему знакомому – вождю Мтамбо. Мы перебрались через Кабомпо и двинулись в глубь джунглей. Совершенно неожиданно открылась деревня: симпатичные четырехугольные хижины с маленькими открытыми верандами. Ва'лунда строят свои дома из толстых жердей, вкопанных в землю; щели изнутри замазаны глиной. Если бы стены покрывались глиной с обеих сторон, то деревянный каркас быстро стал бы добычей термитов; благодаря тому, что внешняя часть бревен освещена солнцем и доступна для осмотра и ремонта, хижина остается в целости. Высокие конусообразные крыши сделаны из тонкого тростника и выглядят очень живописно. Внутри хижин, к своему немалому

удивлению, я обнаружил даже низенькие кровати; в отличие от вакагонде, которые спят на толстых соломенных циновках, люди племени ва'лунда пользуются мебелью.

Впоследствии я ближе познакомился с ва'лунда, о чем расскажу в своем месте.

В центре деревни находилась "ратуша" – большая, открытая со всех сторон хижина, где Мтамбо вершил суд или совещался со своими приближенными. Маколей успел рассказать мне, что вождь – прокаженный: ужасная болезнь лишила его всех пальцев, и он передвигается с помощью двух человек.

Когда мы поставили палатки возле деревни, к нам прибежал гонец и сообщил, что вождь собирается посетить белых людей. Вскоре появился Мтамбо в сопровождении старейшин и советников. Вождь сел напротив нас на табурет, а за его спиной полукругом расположилась свита. Последовавшая беседа шла через переводчика, так как Маколей говорил на языке баротсе. Я в то время им еще не владел и потому не пытался понять, о чем они говорили; вместо этого я с выгодой использовал свою позицию – сбоку от Маколея и чуть позади – и сделал довольно удачный набросок сцены переговоров.

Впоследствии я еще раз посетил Мтамбо; к тому времени я уже приобрел достаточные познания в языке вакагонде и мог без посторонней помощи беседовать со старым вождем. Он рассказал мне много любопытного, а также с жаром подтвердил, что никогда не признавал своим королем Леванику, оставаясь верноподданным короля ва'лунда – "того, что на Севере".

Поскольку задачи, стоявшие перед экспедицией были выполнены, мы решили идти по течению Кабомпо до ее слияния с Момбези и оттуда – напрямик в Каземпу. Наш путь шел по южному берегу – здесь вдоль реки проходила слоновая тропа, и она была так широка

и утоптана, что мы бок-о-бок ехали по ней на велосипедах.

Как-то утром мы увидели свежий слоновий помет. Леваника разрешил Маколею охотиться на слонов, и мы не утерпели. Ни один их нас до тех пор еще не встречался с толстокожими гигантами; взяв ружья, мы отправились по следам.

Наше снаряжение, хоть мы об этом и не догадывались, оставляло желать лучшего: Маколей был вооружен малокалиберной винтовкой, а я – английским "Экспрессом" 370-го калибра (что соответствует 9,3 мм в немецкой маркировке). К счастью для нас, мы не догнали стадо и после четырех часов ходьбы повернули обратно. В то время я не подозревал, что охота на слонов чаще всего оборачивается многодневным изнурительным маршем.

Переправа через Момбези не обошлась без сложностей: мы долго не могли найти брод, и мне с двумя аскари, чтобы облегчить поиски, пришлось переплыть реку, но в конце концов последняя водная преграда была преодолена. Отсюда нам предстояло идти точно на юг. Вокруг был настоящий охотничий рай. Лесные заросли чередовались с травянистой саванной, и всюду бродили стада копытных всех видов.

Идя с Маколеем впереди каравана, я внезапно заметил что-то желто-коричневое, мелькнувшее в траве в сотне метров от нас. Лев! Выхватив у оруженосца свою винтовку, я быстро прицелился и нажал на спуск. Было слышно, что пуля попала в цель; трава больше не шевелилась. Осторожно, шаг за шагом, со вскинутыми ружьями мы приблизились к тому месту и увидели... убитую лошадиную антилопу!

После этого Маколей еще долго именовал данный вид антилоп "здоровенными львами", а когда на следующий день меня свалил приступ лихорадки и я, лежа под одеялом, стучал зубами, он утешал меня,

говоря, что это – нормальное явление: дескать, первая встреча со львом – всегда сильнейшее нервное потрясение для любого охотника.

Мы вернулись в Каземпу в начале января 1905 г. Сверив обе составленные нами карты, мы убедились, что расхождение в маршрутной съемке не превышало восьми миль – отличный результат для восьминедельного путешествия. Все цели были достигнуты: экспедиция установила границу водораздела Конго и Замбези, провела картографирование неисследованного района и установила дружеские отношения с туземным населением; было выбрано место для пограничной станции. Теперь предстояло освоение этих областей – ведь в джунглях были представлены несколько видов каучуконосных деревьев, а горы изобиловали ценными в промышленном отношении минералами.

Местное население, жившее под постоянной угрозой набега работорговцев, в основном разбежалось. Теперь предстояло обеспечить всем людям надежную защиту, чтобы в окрестных деревнях появился избыток сельскохозяйственных продуктов – ведь скоро здесь появятся рудники и шахты, и рынки должны будут обеспечить рабочих едой и всем необходимым.

Глава IV

Жизнь в Северо-Западной Родезии

В Каземпе я чувствовал себя на вершине счастья. Это был так называемый аванпост цивилизации – вокруг простирались неисследованные земли, обитатели которых доставляли администрации немало трудностей. Много времени я проводил в пути, выполняя разные задания – скажем, наказать какого-нибудь местного царька, чьи люди убили правительственного служащего, или передать другому чернокожему владыке настоящее приглашение явиться в форт для переговоров. Да и обычный распорядок дня не позволял скучать – под моим командованием находилось около полусотни аскари, и помимо хозяйственной и канцелярской работы на мне лежала обязанность обучить их основам военного искусства и дисциплины. Одно это требовало не меньше трех часов занятий в день. Кроме того, во избежание ссор и злоупотреблений, я должен был сам производить еженедельную раздачу продуктов, выдававшихся для аскари и их семей.

Само собой требовалось и регулярное патрулирование территории округа.

Обилие служебных обязанностей не утомляло меня, и я по прежнему находил время для охоты, даже когда оба моих друга и сослуживца – Маколей и Стеннет – получили отпуска и уехали в Европу, вследствие чего увеличился объем ежедневной работы. Но в конце мая из Коломо неожиданно прибыл майор Гарден с приказом – покинуть Каземпу и соорудить новый форт

поближе к реке Кабомпо. На постройку была отпущена баснословная сумма в 50 фунтов стерлингов.

Мы выступили во главе каравана из трехсот человек и после недолгих поисков обнаружили подходящее место на берегу Момбези, недалеко от селения вождя Челенды. Однако начатые работы вскоре пришлось прервать из-за чрезвычайного обстоятельства. Дело было так.

Уже несколько дней я слышал обрывки разговоров наших носильщиков, в которых обсуждался волновавший их слух. Поначалу я не обращал на это внимания, но шли дни, и слух становился все определеннее: к Кабомпо движется большой караван португальских работорговцев. Дело было серьезным и я сообщил о нем майору Гардену. Несколько человек из деревни Челенды подтвердили мои слова. Расспросив их о подробностях и немного поразмыслив, майор приказал мне половину имеющихся у нас аскари – около 25 человек – и попытаться захватить торговцев живым товаром.

Здесь я позволю себе небольшое отступление касающееся туземных взглядов на работорговлю.

Нет никакого сомнения, что вызов невольников с Черного континента был бы давно прекращен – или не начинался вовсе, – если бы не поддержка местных жителей. Дело в том, что рабство практиковалось в Африке испокон веков, и негры никогда не видели в нем ничего противоестественного. Конечно, никому не хочется самому стать рабом, и когда к той или иной деревне приближается отряд охотников за живым товаром жители прибегают под защиту ближайшего британского порта. Но если тот же самый отряд является в деревню с предложением купить рабов за деньги или в обмен на оружие – его встречают с радостью. Местный вождь посылает воинов для захвата людей соседнего племени, и дело кончается ко

всеобщему удовлетворению. Разумеется, соседи при первом удобном случае отплатят взаимностью, но это никого не волнует.

Метисы-мамбари уводят к Западному побережью очередную партию связанных невольников, а оборотистые собратья несчастных выходят на охоту с новыми ружьями.

Очень характерный эпизод произошел с моим знакомым, лейтенантом С. Преследуя по пятам караван мамбари, он пришел в деревню вождя Каталалы. Обстановка там была самая мирная, дети играли с собаками, у дверей хижин сидели женщины. Вождь и его приближенные дружелюбно приветствовали С. и в ответ на заданные вопросы сообщили, что работорговцы, миновав деревню, ушли в такую-то сторону. Запыхавшийся С. со своим людьми поспешил в указанном направлении, но вскоре дошел до Кабомпо и прекратил преследование, решив, что португальцы перешли реку и теперь находясь на ничейной земле. Однако в действительности все мамбари скрылись во мраке хижин – их спрятали услужливые жители, рассчитывая на щедрый бакшиш. История вскрылась после того, как Каталала поссорился с кем-то из своих родичей, тот явился в форт и все рассказал. Разумеется, вождь был сурово наказан, но это мало утешило С. и его сослуживцев.

Таким образом надеяться на поддержку местного населения не приходилось, но в ней и не возникло необходимости. В качестве разведчиков и детективов я использовал двух своих боев – мальчиков пятнадцати-шестнадцати лет. Не привлекая ничьего внимания, они прекрасно справились с порученным делом и уже через пару дней вернулись с подробными сведениями о местонахождении противника.

Покрыв расстояние за один переход, поздно ночью мой отряд окружил лагерь португальцев. Я расставил в

лесу сторожевые посты, а когда расцвело, вошел в лагерь в сопровождении трех аскари и предложил всем находившимся там сдать ся.

Португальцы повели себя разумно и не пытались оказать сопротивление. Их носильщики бросились врассыпную, но все до одного были схвачены моими людьми.

Осмотрев лагерь, я убедился, что на данный момент португальцы еще не приобрели в английских областях ни одного раба; по правде говоря, у меня не было даже оснований утверждать, будто это входило в их намерения. Мне удалось обнаружить лишь значительное количество сырого каучука и слоновой кости, и можно было не сомневаться, что платой за них служили ружья и порох. Я доставил арестованных в Челенду и затем дальше, в Каземпу, где и сдал гражданским властям. В дороге мне приходилось исполнять обязанности переводчика – один из португальцев говорил по-французски, так что нам удавалось кое-как объясниться.

В то время в Сев.-Зап. Родезии не существовало никакого определенного уголовного кодекса, и резидент в Каземпе не мог устроить суд или подвергнуть предполагаемых работорговцев законному наказанию. Поэтому он распорядился конфисковать их грузы, оружие и вьючных животных, а самих арестованных препроводить до Кабомпо под полицейским конвоем – пусть перейдут реку и убираются на все четыре стороны. Естественно, что конвоирование снова было поручено мне, в соответствии с правилом: кто поймал рыбу, тот ее и чистит.

Это путешествие доставило много хлопот, главным образом из-за трудностей с продовольствием. Караван португальцев включал около ста человек, не считая моих аскари. Обеспечить едой такое количество людей

– всегда нелегкая задача. К тому же стояла только середина июня. Урожай поспевал, но еще не был собран, и жители соседних деревень сами еле сводили концы с концами, питаюсь дикими плодами и кореньями. В таком положении вся надежда была на дичь, и мне приходилось убивать по пять крупных антилоп в день. Подобная бойня не имеет с охотой ничего общего, и я очень радовался, когда наконец спровадил за Кабомпо всех своих подопечных.

Мы вернулись в Челенду, и последующие месяцы были посвящены постройке нового форта. Вскоре майор Гарден отправился в длительное служебное путешествие, и я остался один среди наших аскари и туземцев.

Здоровье мое в последнее время сильно пошатнулось, и теперь лихорадка взялась за меня всерьез. Почта приходила один раз в месяц, все имевшиеся книги я давно уже прочитал. Дни, хотя и заполненные работой, тянулись долго, но куда дольше казались ночи! К лихорадке присоединился другой бич тропиков – бессонница. Трясаясь в ознобе или обливаясь потом, бродил я в темноте среди хижин и недостроенных зданий форта. С восходом солнца становилось полегче, и я брался за работу, но около десяти часов снова валился без сил. В придачу ко всему вокруг – ни одного белого человека, никого, с кем можно было бы перемолвиться дружеским словом, одни лишь черные лица, безучастные или настороженные. Негры старались держаться от меня на расстоянии. Да это и неудивительно – лихорадка не способствует приветливости и хорошему настроению.

С горя я начал беседовать сам с собой и некоторое время находился на грани нервного расстройства.

В эти тяжелые дни моей единственной отрадой был Жако – маленький павиан, купленный в деревне. В момент нашей первой встречи он сидел на привязи и

без разбору кидался на всех приближавшихся к нему, но, поселившись у меня, довольно быстро смягчился. Теперь Жако смотрел на людей с дружелюбным интересом, а ко мне питал самую нежную привязанность, на какую только способна обезьяна. Обычно он свободно бегал по всему форту, то и дело становясь причиной невероятного переполоха среди жен аскари. Стоило какой-нибудь женщине зазеваться и оставить без присмотра горшок с едой, как Жако уже тут как тут. Он был таким забавным и добродушным зверьком, что никто не сердился на него подолгу. Если же разгневанная чернокожая матрона преследовала его особенно упорно, он стремглав вбегал в мою хижину, забирался на кровать и на обезьяньем языке заводил со мной тихий, проникновенный разговор о людской несправедливости.

Между тем постройка подходила к концу. Мы расположили здания по сторонам правильного многоугольника. В середине была просторная площадка для строевых упражнений, полого спускавшаяся к ручью с чистой водой. Рядом с геодезической вышкой стояла хижина майора Гардена, перед ней – флагшток. По бокам располагались два больших склада, караульные помещения и канцелярия. Три ряда хижин, по восемь штук в каждом, отводились для аскари и их семей. Все строения мы выкрасили белой глиной, так что форт в целом выглядел очень привлекательно. Полутораметровая бамбуковая решетка окружала его по периметру.

От форта к деревне и дальше, к находившейся в пяти переходах Каземпе вела широкая дорога. Между ней и ручьем мы устроили огород, хотя и не особенно надеялись уберечь урожай от антилоп и павианов.

Двери и окна мы сделали сами, когда вернулся майор Гарден. Этот человек умел все, и какое бы затруднение у меня не возникало, он всегда мог

посоветовать, как его преодолеть. Правда, майор не любил давать советы. Он предпочитал взять работу у меня из рук и сделать ее сам, быстро и тщательно. Это был настоящий колониальный офицер, требовательный командир и верный друг.

Охота вокруг Челенды оказалась великолепной, и я никогда не возвращался с пустыми руками. Здесь водились водяные козлы, пуку, импалы и черные антилопы. Удалившись на несколько миль от деревни можно было рассчитывать встретить бубала, лошадиную антилопу или зебру. Попадались и куду, но довольно редко.

В конце октября к нам прибыл лейтенант Фаулер, чтобы сменить меня. Я переводился в форт Мумбва, на должность командующего гарнизоном. Мне было жаль расставаться с обжитым местом, где все сделано собственными руками или, во всяком случае, при моем участии, но я знал, что в Мумбве живет несколько европейцев и одиночество уже не грозит. К тому же это район, свободный от мухи цеце, и я опять могу сесть в седло. И, наконец, повышение в должности означает прибавку жалования.

Я получил разрешение двигаться к новому месту службы не спеша, то-есть превратилась возможность превратить путешествие в отдых. И вот караван тронулся в путь. Кроме полусотни носильщиков, в него входили четверо аскари, оба моих боя, Жако, три собаки и маленький шакаленок – очень милый зверек с большими ушами и острой мордочкой. Это был еще щенок и в поисках материнской любви он безуспешно ластился ко всем трем собакам поочередно.

На первой же вечерней охоте мне не повезло – удалось подранить крупного бородавочника, но не смертельно, и я отправился по следу. Едва я вошел в высокую траву, справа послышалось громкое ворчание, и на тропу, прижав уши, выскочила львица. Нас

разделяло не более двух метров. Какую-то долю секунды мы смотрели друг на друга, затем она плавно повернулась и исчезла из вида. Пуля, посланная ей в след, наверняка не достигла цели. Кляня себя за неповоротливость, я догнал бородавочника и затем вернулся в лагерь.

Через пару дней мы миновали "мертвую деревню". По обычаю вакагонде, если в деревне умирает индун, все переходят жить на новое место. Умершего погребают в собственной хижине, вокруг которой воздвигают высокий забор. К кольям привязывают белые флажки, и по ним еще издали можно узнать в чем дело.

Естественно, похороны рядового члена общины происходят гораздо скромнее. Покойного просто зарывают в землю, а в ногах могилы делается маленькая "хижина", всего около фута высотой. Туда приносят кусочки еды – это жертвы духу усопшего. Антилопыи рога, прибитые к деревьям вокруг могилы, означают, что здесь погребен охотник. Мотыга служит надгробным памятником женщине.

На реке Лунга со мной произошла неприятная история. Жители одной из деревень просили снабдить их мясом, и я решил подстрелить пару бегемотов. Собственно говоря, назвать такое занятие охотой было бы, пожалуй, преувеличением: выйдя на берег, я выбрал самого крупного самца в стаде и нажал на спуск. После выстрел все бегемоты разом ушли под воду, но через несколько минут появились снова. К моему удивлению, зверь, в которого я стрелял, вынырнул на прежнем месте без видимых повреждений. Поточнее прицелившись, я выстрелил снова, и – на всякий случай – успел взять на мушку еще одно животное, прежде чем стадо опять скрылось под водой. Так повторилось еще пару раз. Я не мог понять, в чем дело – патроны в порядке, гулкое эхо выстрелов раскатывается меж

узких берегов реки, а пули явно не оказывают никакого действия. Решив, что каким-то образом повредил ствол или сдвинул мушку, я отправился в лагерь, но и при самом тщательном осмотре не нашел на ружье следов поломки. Примерно через час мои недоуменные размышления прервал бой – он пришел, сияя, и сообщил, что на реке плавают восемь убитых мною бегемотов. Не веря своим глазам, я обругал изумленного парня и помчался на берег.

Действительно, на поверхности воды чуть покачивались восемь неподвижных туш. Эта бессмысленная бойня ужасно расстроила меня, хотя и произошла совершенно непреднамеренно – я не подозревал, что убитый бегемот идет на дно и всплывает лишь через час-полтора. Впоследствии я узнал, что подобные казусы не раз случались и с другими охотниками. А вот жители деревни пришли в неопиcуемый восторг от моей щедрости.

Слонов мы не встречали. В этой местности они бывают лишь изредка, да и то лишь в определенные месяцы, когда поспевают сладкие стручки белой акации – их обычное лакомство. Но у окрестных племен есть ружья и порох, и толстокожие научились обходить опасный район.

Жако, предоставленный самому себе, следовал за караваном – то впереди, то позади, то сбоку, как ему больше нравилось. Время от времени, устав, он старался проехаться верхом – вскакивал на ящик, который нес кто-нибудь из людей. Носильщиков, как правило, не устраивала такая прибавка к грузу, и они всеми способами гнали маленького бабуина прочь. Тогда Жако, наградив обидчика тумакон, а то и куснув, бежал ко мне и устраивался на моем плече, зная, что не встретит возражений.

Вскоре он стал героем дня. Как-то раз бой сообщил мне, что недалеко от лагеря показались черные

антилопы. Это было очень кстати и я тут же отправился в буш. Жако следовал за мной, как охотничья собака. Взобравшись на термитник, я увидел антилоп – они паслись метрах в двухстах. Теперь оставалось решить, попытаться ли подойти к ним поближе или стрелять прямо отсюда – черные антилопы очень чутки и осторожны, и хрустнувшая под ногой ветка свела бы мои шансы к нулю.

Тем временем Жако залез на самую верхушку термитника. Увидев антилоп, он неожиданно издал громкий, пронзительный крик – видимо, какое-то обезьянье приветствие, потому, что антилопы подняли головы, насторожились и сделали несколько шагов в нашу сторону. Бабуин закричал снова, и антилопы, не торопясь, двинулись к термитнику. Чем ближе подходили животные – меня они не видели – тем призывнее и ласковее звучали вопли маленького обманщика; уж не знаю, какие блага он им сулил. Наконец, когда антилопы остановились в двадцати шагах от нас, я выбрал крупного самца и спустил курок. Впоследствии я очень жалел, что в то время еще не взял за правило постоянно носить с собой камеру. Увидеть разом десяток этих прекрасных, горделивых животных – большая редкость.

Мне пришлось расстаться с одной из моих собак – Мзорокото. Он получил это имя в честь воинственного индуны, в чью деревню я был послан когда-то с карательной экспедицией, а на обратном пути прихватил с собой местного щенка, в качестве живой памяти о трудном деле. Я думал, что собака, рожденная в тех краях, заведомо иммунизирована к укусам цеце, но, к сожалению, ошибся. Проклятые мухи жалили Мзорокото уже не раз, и болезнь стала быстро развиваться. Бедный пес выглядел все хуже, он двигался с трудом, начал задыхаться. Единственное, что я мог сделать – это сократить срок его мучений.

Гибель Мзорокото лишний раз доказала мне, что ни одно домашнее животное не имеет защиты от сонной болезни.

Мы находились уже недалеко от Мумбы, когда встретили колоссальное стадо кани – думаю, не меньше тысячи голов. Они сгрудились на песчаной отмели, образовав волнующееся серое море, и еще издали был слышен негромкий сухой стук сталкивающихся рогов. Видимо, затянувшийся сухой сезон собрал здесь, на водопое, несколько десятков обычных стад.

Скоро мы прибыли в форт и я с головой окунулся в новые обязанности. Работы было много, но патрулирование окрестностей занимало меньше времени и превратилось в удовольствие, так как происходило уже верхом, а не пешком – Мумбва находилась вне района обитания цеце. Дичи было не меньше, чем возле Челенды, и два дня в неделю я мог уделить охоте. Но мне никак не удавалось подстрелить льва, хотя в округе их водилось множество.

В трех часах ходьбы от форта я устроил охотничий лагерь, и однажды возвращался туда после вечерней охоты, в сопровождении двух аскари и оставшихся у меня собак – Панча и Весси.

Мы услышали громовой рык, оглянулись и увидели льва – он вышел на песчаный берег реки в полукилометре от нас. Быстро оценив обстановку, я помчался наперерез льву, а следом за мной – оба аскари с собаками. Лев стоял неподвижно, опустив к земле массивную черногривую голову. Увидев бегущих людей, он, кажется, разгадал мой план и побежал тяжеловесной рысцой. Весь вопрос заключался в том, кто из нас раньше достигнет высохшего ручья. Между ним и берегом реки пролежала широкая песчано-галечная коса, не дававшая ни малейшей возможности спрятаться даже карликовой антилопе, но за ручьем начинались заросли высокого кустарника. Если "царь

зверей" добежит туда первым, то останется с целой шкурой, и царь, похоже, отлично это понимал. Он прибавил ходу и мы достигли ручья одновременно, но в разных точках – нас разделяло около 150 метров. Берег был крут, и если в беге на короткую дистанцию наши возможности оказались равны или близки, то здесь все обстояло иначе: элегантным прыжком лев взмыл в воздух, описал пятиметровую дугу и приземлился в зарослях, а я, пытаясь с разбега форсировать высокий берег, свалился, в песчаное русло, причем так неудачно, что подвернул ногу. Впрочем, в первый момент я вообще не обратил внимания на боль. Со второй попытки мне удалось взобраться наверх, а следом вскарабкались аскари. Тем временем собаки, сохраняя безопасную дистанцию, с громким лаем преследовали льва, и он забрался в самую гущу разросшихся кустов колючки; оттуда доносилось яростное ворчание, но самого зверя мы не видели. Выкурить льва из его укрытия не представлялось возможным и вся надежда была на то, что он выдаст себя неосторожным движением. Мы заняли позиции с двух сторон перед кустарником, а собаки носились вокруг, заливаясь истерическим лаем.

Один из моих аскари принадлежал к племени ваньяо, другой – масхукулумбве, и различие племенных традиций не замедлило проявиться в их поведении перед лицом опасности. Льву надоело сидеть в кустах, и он с оглушительным ревом высунулся с той стороны, где стояли аскари. Увидев огромную голову разъяренного льва, сверкающие желтые глаза и оскаленные клыки, ваньяо моментально исчез, словно провалился сквозь землю. Масхукулумбве остался на месте, но, к сожалению, не выстрелил. Прежде чем я успел обогнуть куст, лев спрятался обратно – его демарш был рассчитан лишь на то, чтобы испугать.

Между тем быстро темнело, и нам пришлось снять осаду. На возвращение в лагерь уже не оставалось времени и мы вернулись к тушам двух канн, убитых перед появлением льва. Разложив три костра, мы всю ночь поддерживали огонь. О сне не приходилось и думать – львы, осмелев в темноте, бродили вокруг то поодиночке, то целыми группами, и я до рассвета не выпускал из рук ружья.

На следующий день я велел соорудить махан на ветвях дерева, неподалеку от одной из канн, и просидел там целую ночь, дрожа от холода под проливным дождем – запоздавший в этом году дождливый сезон уже начался. Все напрасно! Может львов отпугнула плохая погода – как бы то ни было, единственными живыми существами посетившими в ту ночь тушу, были дикие свиньи.

Линия железной дороги приблизилась к форту и вскоре дошла до Кафуе. Здесь началось строительство крупнейшего железнодорожного моста в Африке. Наконец-то я мог доказать свою правоту моим людям – носильщикам из племени вакагонде. Они никогда не видели железной дороги, и все попытки объяснить им, что это такое, наталкивались на вежливое недоверие. Но торжество мое было преждевременным – оказалось, я приобрел у вакагонде репутацию фантастического враля! Дело в том, что описывая паровоз, я употреблял слово "steamer"^[2], и увидев тяжелую железную машину, они никак не могли поверить, что ее движет столь невесомое вещество, как пар.

Вскоре пришло известие, что "Туземная Полиция Баротсе" будет расформирована, и мы оказались перед выбором: переходить на гражданскую службу или выйти в отставку, получив денежную компенсацию. Я выбрал второй вариант, сел на поезд и вскоре был в

Каломо. Так и не вылеченная до конца лихорадка не отпускала меня, и я решил вернуться в Европу.

Глава V

Снова к Кабомпо

В Африке не следует заранее строить планы: все равно получится наверняка по-другому. В Каломо я познакомился с капитаном Ист-Ланкаширского полка Лэммондом Хэммингом – он только что вернулся из большой охотничьей экспедиции в Португальскую Вост. Африку и теперь собирался отправиться в неисследованные области Валундаленда – земли, лежащие южнее Конго и Замбези. Нам было о чем поговорить и мы быстро сдружились.

Изнуренный минувшей лихорадкой, я как уже говорилось, имел ввиду, не откладывая, возвращаться в Европу. Однако когда во время очередной выпивки Хэмминг предложил мне принять участие в путешествии в Валундаленд, мой язык тут же и с большим энтузиазмом произнес лишь одно слово: Конечно! И мы стали готовиться.

Наша экспедиция была частной, и все расходы оплачивались из собственного кармана. Мы рассчитывали, что охота на слонов и последующая продажа бивней позволят вернуть потраченные деньги. Целью путешествия, помимо охоты, было картографирование новых областей, их этнографическое описание, сбор коллекций новых видов животных и растений, а также минеральных образцов. Коллекции мы собирались отослать в Европу, а карты безвозмездно предоставить английскому и германскому правительствам.

Все знакомые, узнав о наших планах, единодушно заявили, что отправляться в Валундаленд без вооруженной охраны в несколько десятков человек –

чистое безумие. Разногласия возникали только при определении сроков нашей гибели – через три дня, через неделю и т.д. Нас не очень смущали эти пророчества, мы полагали что в любом случае сможем обойтись собственными силами.

Хэмминг брал в путешествие бескурковую нарезную двустволку "экспресс" 400-го калибра (соотв. 10,2 мм). Стрельба из нее велась 400-грановыми никелированными пулями, и заряд в 60 гран кордита (нитроглицеринового пороха) обеспечивал достаточно высокую начальную скорость, чтобы пробить даже слоновий череп. В качестве запасного служило многозарядное охотничье ружье 303-го калибра (8мм), переделанное под английский патрон военного образца. Я взял с собой крупнокалиберный однозарядный "экспресс" для охоты на слонов и мое любимое охотничье ружье системы Мартини-Метфорд 303-го калибра; хотя и старое, оно сохраняло великолепный бой. Наш арсенал завершали два тяжелых армейских револьвера, пара шнайдеровских винтовок на случай самообороны и дробовик.

Мы вышли из Каломо утром 11 мая 1906 года, и начало путешествия было многообещающим. Хэмминг собирался сделать несколько прощальных визитов, и мы условились, что я устрою первый лагерь в четырех милях от форта и подожду его. Он уверял, что еще до захода солнца непременно догонит караван. Но миновала ночь, а моего компаньона не видно, и я, чертыхаясь отправил людей в Каломо с приказом – обшарить все отели и клубы, и если господин капитан достаточно протрезвел, пригласить его в лагерь и показать дорогу. К вечеру слуги вернулись с обескураживающей вестью: Хэмминг ушел из Каломо еще накануне. Я забеспокоился – он был неизвестно где, один посреди буша, во фланелевом костюме, белых туфлях и без оружия. Ночью я не мог ничего

предпринять, но наутро послал людей на розыски – и, как оказалось, напрасно: вскоре Хэмминг сам объявился в лагере, целый, невредимый и вполне довольный жизнью.

Сутки без еды и две одиноких ночевки под открытым небом – и это в местности, славившейся обилием львов – не казались ему событиями, о которых стоило бы упоминать. Единственное, что доставляло ему серьезное неудобство, это невозможность побриться. Оказалось, в первый вечер он потерял в темноте наши следы и только сегодня, наткнувшись на какую-то деревню узнал где мы. Всего за это время он прошагал около тридцати шести миль.

Вскоре Хэммингу неожиданно выпала честь изображать пастора – лишнее доказательство, что в Африке может пригодиться любое умение. Возле Мананзы мы встретили некоего бура, который попросил нас принять участие в печальной церемонии – похоронах его ребенка (малыша сгубила черная лихорадка). Семья – отец, мать и полдюжины детей – жила в традиционном бурском фургоне, запряженном шестеркой волов; перед нами словно возник осколок "Большого Трека". В задней части такого фургона ставится палатка, и под ней от борта к борту натягивают множество ремней – получается огромный гамак, в котором спит вповалку все семейство.

С истинно британской решимостью Хэмминг принял на себя руководство траурной церемонией. Буры плохо понимали английский, и он, не боясь разоблачения, читал по карманному молитвеннику все подряд – если не ошибаюсь там промелькнула даже послеобеденная молитва. Однако наше сочувствие было непритворным и я надеюсь, что мы хоть немного облегчили горе этих людей.

Теперь караван двигался по стране масхукулумбве – обширной саванне усеянной одинокими деревьями.

Кругом бродили многочисленные стада диких животных, но вскоре я обнаружил, что не могу попасть из своего "экспресса" даже в лошадиную антилопу. Проведенное расследование показало, что уже на дистанции в сто метров пуля уходит на полтора фута выше точки прицеливания. Это задержало нас на день – пришлось опустить прицельную планку и заново пристрелять ружье, т.к. я не хотел продолжать путь с неисправным оружием.

Следующий лагерь мы разбили уже на берегу Кафуэ. Раньше тут была паромная переправа, но с завершением железнодорожного моста, караванные пути переместились, и здешний пост закрыли. Здания быстро ветшали. Единственным обитателем руин был невезучий еврей по фамилии Леви. Полгода назад он открыл факторию рядом с постом, но не учел, что поток покупателей иссякнет в ближайшем будущем. Теперь его свалила лихорадка, и он лежал в своей каморке один одишеченек.

Мы собирались сделать охотничью вылазку в ближайшие заросли – там обитало много буйволов, но задержались, поскольку не могли бросить Леви в таком состоянии. На следующий день неподалеку остановился караван торговцев и они пообещали позаботиться о больном.

В местной деревне жило трое отставных аскари, знакомых мне по "Туземной Полиции". Узнав о моем приходе, они очень обрадовались и пообещали показать все излюбленные уголки буйволов.

Вдоль берегов Кафуэ тянутся заросли камышей. Там попадалось много личи – изящных и очень чутких антилоп. Охота на них закончилась безрезультатно – простояв по пояс в воде больше двух часов, я махнул рукой на антилоп и вернулся в лагерь. За это время можно было настрелять массу пернатой дичи – на воде плавали стаи египетских и шпорных гусей, но

дробовика я с собой не взял, а тратить патроны с пулями не хотелось.

Буйволиные тропы вели к камышам из густого подлеска. Собственно говоря, это были не тропы, а хорошо утопанные дороги – казалось, что здесь десятилетиями ходили слоны. Еще до рассвета мы с Хэммингом разошлись в разные стороны и заняли позиции в кустах. Небо уже светлело, над рекой стлался легкий туман. Тишину нарушало лишь пение птиц и громкое стрекотание больших цикад. И вот показались буйволы – не меньше сотни могучих черных зверей, словно вылепленных из ночного мрака. Они медленно поднимались по берегу, чтобы еще до восхода перебраться на заросшие кустарником лесные полянки.

Когда стадо было в пятидесяти метрах от меня, я прицелился в крупного быка и нажал на спуск. Раздался хриплый рев, и в ту же секунду все буйволы громоподобным галопом обратились в бегство. Я успел перезарядить "экспресс" и взять на мушку одну из коров, и снова громкое мычание показало, что пуля достигла цели. Раненные животные скоро начали отставать, и я махнул рукой, подавая сигнал бою. Собаки, спущенные с поводков, помчались к буйволам и вскоре остановили их. Еще два выстрел и огромные черные туши лежали у моих ног.

Одного буйвола я подарил проводникам. А вечером ко мне явился почтенный чернокожий старец, который представился отцом одного из отставных аскари. Я постарался оказать ему самый любезный прием, и старый джентльмен перешел к делу. Смысл его длинной и высокопарной речи сводился к тому, что он хотел бы получить еще некоторое количество мяса. Я не знал, сердится или смеяться – вот уж не ожидал, что для трех человек, даже с семьями, окажется недостаточным полтонны превосходной буйволятины!

Все же просьба показалась мне чрезмерной и расстались мы менее дружелюбно, чем встретились.

Наш лагерь был расположен в чудесном, тенистом, очень живописном уголке на берегу Кафуэ, но жить в нем оказалось невозможно. Причиной явились гиены. С наступлением темноты они выходили на охоту целыми стаями, и жуткие вопли, хохот и завывание наполняли весь лес и уже не прекращались до самого рассвета. Наши собаки старались не отставать от них, и в результате получался концерт, описать который мне не под силу. Проведя две бессонные ночи, мы сняли лагерь и вернулись к паромной переправе.

Там все опустело. Свежая могила указывала, что Леви пополнил список жертв черной лихорадки. Так же, как он, умерло бессчетное количество европейцев, пролагавших в африканском буше первые пути для свободной торговли, мира и обеспеченности.

Теперь мы направились по уже знакомой мне дороге в сторону Мумбвы. Возле деревни вождя Кабанги было решено задержаться на пару суток – здесь представлялась хорошая возможность поохотиться на льва. В последнее время хищники очень осмелели и среди бела дня нападали на деревенский скот. Казалось бы, вождь должен обрадоваться нашему намерению и постараться всячески облегчить охоту – его стадо уже не раз пострадало от нападений львов. Ничего подобного. Когда я попросил продать нам пару телят для использования в качестве приманки, Кабанга погрузился в раздумье. Наконец, после долгих колебаний и уговоров, мы сошлись в цене, но вождь выглядел таким расстроенным, как будто служить приманкой предстояло ему самому, а не телятам, которых, кстати, все равно рано или поздно съели бы львы – и совершенно бесплатно.

В деревню вели две дороги, и возле каждой наши люди соорудили по махану. Перед заходом солнца,

пожелав друг другу удачи, мы разошлись и заняли свои посты. Телят привязали в десятке метров дальше.

Надо сказать, что при охоте на хищных зверей засидка на дереве дает много преимуществ. Во-первых, большой обзор; во-вторых, возрастают шансы охотника остаться незамеченным. Дело в том, что хищники всегда внимательно осматривают местность, приближаясь к добыче, и легко замечают всякий незнакомый или опасный предмет. Но вверх они смотрят гораздо реже, поскольку обычно на деревьях нет никого, кроме птиц и обезьян – существ на которых ни один лев никогда не обращает внимания. В-третьих, ветер теряется в кронах деревьев, и вероятность того, что зверь почует охотника, во много раз меньше, чем на земле.

Как только я устроился на ветвях, за меня принялись москиты. Ни до, ни после той ночи мне не приходилось терпеть подобную муку, и вдобавок нельзя было ни прихлопнуть очередного кровопийцу, ни почесать укушенное место. Постепенно я начал понимать, что охота на львов – действительно занятие для героев.

Около полуночи из зарослей вышла пятнистая гиена, прошла мимо теленка, оглянулась, постояла и медленно направилась к нему. Против ожидания, теленок не проявил никаких признаков страха – наоборот он сделал несколько шагов навстречу зверю, который мог – в буквальном смысле слова – откусить ему голову одним движением челюстей. Некоторое время они дружелюбно рассматривали друг друга, потом огромная гиена повернулась и затрусила дальше; видимо она не успела проголодаться. Больше всего меня удивил громкий отчетливый звук ее шагов – на слух казалось, что по дороге идет человек, а не животное.

Львы так и не появились, и когда расцвело, я слез с дерева, отвязал теленка и пошел в деревню, усталый и изъеденный до полусмерти. Оказалось, что Хэмминг не стерпел пытки гораздо раньше – он вернулся в лагерь пять часов назад, предпочитая москитам ночную встречу со львом или леопардом.

По иронии судьбы, в эту самую ночь львы пировали в соседней деревне – они вломились в загон для скота и ни в чем себе не отказывали. Лишь с восходом солнца жители объединенными усилиями сумели прогнать наглых разбойников. Все это мы узнали уже значительно позднее.

Наш караван опять двинулся в сторону Мумбвы и через три дня достиг селения одного из знаменитейших индун племени масхукулумбве, великого охотника Какуа. Вождь был уже стар, но охотники всегда рады друг другу, независимо от возраста и цвета кожи. Он принял нас очень радушно, и мы задержались в деревне на несколько дней.

Здесь произошел прискорбный эпизод в результате которого дружба между Хэммингом и Жако дала трещину. В то утро голодный и усталый Хэмминг вернулся с удачной охоты. На столе его ожидала яичница глазунья, на изготовление которой пошли последние яйца – наши запасы были на исходе. Хэмминг послал боя за водой и стал умываться, предвкушая королевский завтрак. Но в тот момент, когда он вытирал лицо, дружище Жако одним великолепным прыжком достиг стола, наклонился к тарелке и быстро запихнул яичницу себе в рот! Услышав испуганные крики слуг, Хэмминг обернулся, взревел, как раненный лев, и бросился на похитителя. Жако схватил последний кусок глазуньи, сунул подмышку и кинулся наутек, а Хэмминг, забыв усталость, преследовал его, горя жаждой крови. Привлеченный внезапным переполохом, я вошел как раз в тот миг, когда мой друг изловчился и

поймал маленького бабуина за шиворот. Через секунду острые зубы впились ему в руку, и он с проклятием отшвырнул Жако далеко в сторону. Я был уверен, что обезьяна убита или, во всяком случае, покалечена. Но Жако поднялся, отряхнулся, подобрал извалявшийся в пыли драгоценный кусок яичницы, степенно отошел в тень и не торопясь закончил свою трапезу. Он явно считал инцидент исчерпанным. Затем Жако подошел к нам, забрался на стул напротив Хэмминга и самым дружеским образом заговорил с ним о чем-то на обезьяньем языке. Не в силах больше сдерживаться, я покатился со смеху, но Хэммингу в то утро изменило чувство юмора, о чем он и заявил прямо и недвусмысленно.

Вождь Какуа рассказал мне, как люди его племени охотились на слонов в те времена, когда огнестрельное оружие было недоступно для негров. Использовались два способа. В первом ключевую роль играли, как ни странно, собаки. Специально обученные своры выпускались на одинокого слона. Возмущенный внезапным нападением нахальных шавок, гигант останавливался и пытался разметать их хоботом или растоптать; собаки уворачивались, и слон вертелся на месте. В то время охотники, пользуясь тем, что внимание огромного животного отвлечено, подкрадывались к нему сзади и вонзали копья в слоновье брюхо, стараясь загнать их как можно дальше. Сразу убить слона таким образом удавалось редко, и обычно каждая охота стоила жизни одному-двух людям.

Второй способ, более быстрый и безопасный, позволял охотиться даже на слона в стаде. Оружием снова служило копье, но особого рода: к прочному шесту приделывали широкий железный наконечник метровой длины, с остро отточенными краями. На другом конце копья закрепляли груз – тяжелый деревянный чурбак или большой камень. Охотники со

своим страшным оружием заблаговременно занимали позицию на высоком дереве. Когда слон оказывался под ними, люди направляли копье в цель и общими усилиями метали его, стараясь попасть в шею или под лопатку. Обезумев от боли, слон с ревом кидался прочь, но торчавшее в нем копье погружалось все глубже и вскоре поражало жизненно важные органы. Даже если бросок бывал не совсем точен, животное очень быстро погибало от потери крови. Жестокие способы, спору нет. И все же, пока применялись только они, стада слонов были во много раз больше, чем теперь, когда у черных племен в изобилии появились ружья.

Идя вдоль Кафуэ, мы пришли к фактории Дэвида Райта. Он как раз собирался предпринять путешествие на юг, примерно в те края, куда направлялись и мы. Его предложение – проделать вместе оставшуюся часть маршрута – было принято с энтузиазмом: во-первых, в компании веселее, а Райт был отличным охотником и опытным путешественником; во-вторых, что немаловажно, у него имелся готовый штат обученных слуг. Один из них, Вильзони, стал впоследствии моим оруженосцем.

Возле фактории часть людей разбежалась, и теперь нам потребовались дополнительные носильщики. Наш лагерь находился недалеко от деревни Калассы, которому я однажды помог выпутаться из неприятной истории (см. вторую главу); оставалось надеяться, что вождь не забыл оказанной ему услуги и своих заверений в любви и преданности.

Увы – Каласса принял меня более чем официально. Он никоим образом не может дать нам людей. Даже будь мы правительственной экспедицией, он смог бы выделить не более одного-двух человек, да и то вряд ли. Просьба предоставить проводника также была им отвергнута.

В конце концов я потерял терпение, обругал старого жулика и велел слугам схватить пятерых человек и привести в наш лагерь. Иного выхода не оставалось – не бросать же часть груза посреди буша. Чтобы удержать новобранцев от немедленного дезертирства, я обещал им хорошую плату и гарантировал полную безопасность.

В лагере, обсудив ситуацию, мы решили разделиться: я форсированным маршем дойду до Каземпы и наберу необходимое количество людей, а Хэмминг и Райт, не торопясь, отправятся прежней дорогой. Местом встречи мы избрали селение Кататалу.

Путь до Каземпы оказался нелегким – меня опять стала трепать лихорадка, и приходилось спешить. В форте также не обошлось без трудностей – окружной комиссар Купман, с которым я был хорошо знаком, находился в отъезде, и мне пришлось иметь дело с его новым заместителем, желторотым юнцом по фамилии Бэллис. Подобно многим очень молодым людям, занимающим административные посты в Африке, он составил явно преувеличенное мнение о важности и незаменимости собственной персоны. Да и обилие почтительных слуг всегда плохо влияет на человека с не очень развитым чувством личной ответственности. В общем, мне нелегко было найти с ним общий язык – мои и без того скромные дипломатические способности заметно уменьшились из-за усталости и лихорадки. Но набрать людей все же удалось, и 15 июля я вышел из Каземпы с укомплектованным караваном. Здоровье по-прежнему оставляло желать лучшего.

На пути в Кататалу произошла новая беда. Укусы цеце не прошли бесследно для верного старого Панча, и он начал слабеть. Следуя советам вакагонде, я пробовал добавлять ему в корм измельченных мух – этим способом племена издавна научились иммунизировать своих собак. Однако в данном случае

лекарство не помогло, может быть потому, что было применено слишком поздно. Я понимал, что Панч обречен, но не мог заставить себя пристрелить его. Поэтому я велел сделать нечто вроде крытых носилок, и дальнейший путь он совершал в них.

Идя вдоль берега Мозамбези, мы не раз слышали львиный рык, и жители в один голос жаловались на обилие львов, взимавших с них тяжелую дань скотом. Мне чертовски хотелось снова попытать счастья в охоте на царя зверей, но, торопясь на встречу с друзьями я не мог позволить себе длительную остановку. Кроме того, сохранялась опасность очередного приступа лихорадки, и я не был уверен, что выдержу многочасовое сидение в засаде. Пришлось ограничиться покупкой львиной шкуры. Она обошлась мне в четыре отреза ситца. Такая дешевизна объясняется крайней редкостью появления европейцев в этом районе.

Всякий раз, когда мы проходили какую-нибудь деревню, разыгрывалась одна и та же комическая сцена. Увидев караван, туземцы высыпали из хижин, поглазеть на гостей. Особый интерес всегда проявляли женщины.

Болтая и смеясь, они с любопытством поглядывали на носилки, гадая, что за таинственная персона скрывается там. Я сам – загоревший, часто небритый, в рваной одежде – не привлекал внимания чернокожих красоток; меня обычно принимали за начальника охраны, сопровождающего "того, кто в носилках". Каково ж было всеобщее изумление, когда вместо ожидаемого важного европейца из носилок вылезал мой бедный больной пес! На несколько секунд наступала гробовая тишина, и затем следовал дружный взрыв хохота.

В Кататалу я поспел слишком рано – Хэмминг и Райт еще не пришли, и в селении нас явно не ждали. Увидев выходящий из зарослей караван, жители разбежались и

попрятались в лесу – слишком свежи были воспоминания о карательной экспедиции, не так давно арестовавшей не в меру воинственного индуну Кататалу. После долгих переговоров они наконец поверили, что я не правительственный чиновник и не имею враждебных намерений, и вернулись к хижинам. Впоследствии между нами не возникало никаких трений.

Бедный Панч умер на второе утро после прибытия. У меня оставалось несколько молодых охотничьих собак, но они не могли заменить старого друга, и я очень горевал.

Через три дня в лагерь явились Хэмминг и Райт; у них все обстояло благополучно. Мы провели в окрестностях Кататалы еще некоторое время, охотясь, отдыхая и уточняя дальнейшие планы.

Недалеко от деревни протекала небольшая речушка, и однажды утром в течении часа я поймал там двадцать крупных рыб, похожих на сома. Наживкой служили кусочки мяса. Удивительным было то, что при вытаскивании из воды рыбы издавали громкие звуки – нечто среднее между кваканьем лягушки и лаем болонки.

Здесь же произошел любопытный охотничий эпизод. Как то раз я выстрелил в пуку, и антилопа упала как подкошенная. Когда я подошел к ней она была безусловно мертва, но пулевой раны нигде не виднелось. Получилась загадка достойная детективного романа. Лишь после самого тщательного осмотра мне удалось установить причину гибели животного. Дело в том, что антилопа паслась далеко от меня, в высокой траве, и я стрелял целясь в голову. Пуля ударила в верхушку рога и срезала его. Видимо, шок от мгновенного удара был столь силен, что поразил мозг, передавшись через рог в череп животного.

Пора было двигаться, и тут мы сделали неприятное открытие: значительная часть наших патронов 303-го калибра пришла в негодность. При ударе бойка по капсюлю раздавался характерный металлический звон и лишь затем, после паузы, следовал выстрел. Ясно, что такой режим не годится для охоты, где успех решают секунды. Положение неприятное, но делать нечего. Решив, что надо будет срочно научиться определять неисправные патроны на глаз, по внешнему виду, мы свернули лагерь и 27 июля выступили в направлении Кабомпо.

Глава VI

В неведомое

Местность до Кабомпо была мне знакома еще со времен служебного патрулирования. Берега реки обрывистые и крутые на всем ее протяжении; тянувшаяся вдоль русла полоса густого леса предохраняет их от размыва в период дождей.

Нас, видимо, уже ждали: не успел караван остановиться на берегу, как с той стороны отчалили две лодки. Я уже успел хлебнуть горя с туземными челноками, но таких страховидных посудин, столь узких и валких, мне еще не попадалось. Однако выбора не было, да и вообще, мы старались исповедовать спасительный принцип: чем меньше думать и говорить о переправе, тем глаже она проходит. Инталла! Первым в один из челноков бесстрашно забрался Райт. Усевшись с высоко поднятыми коленями, он тут же погрузился в свой любимый разбойничий роман и уже не обращал внимания ни на что, в том числе на воду, плескавшую через борт при малейшей волне. Его невозмутимость одновременно воодушевила и развеселила всех остальных, и переправа завершилась без осложнений.

От северного берега мы прошли около двадцати километров и остановились возле главной деревни Махангвы; она расположена на обоих берегах речушки Музонгвези. Мы разбили лагерь немного выше по течению; и то, что толпа местных жителей не сбежалась посмотреть, как мы ставили палатки и совершали свой несложный туалет, явно показывало, что местный вождь – человек властный и умный, способный контролировать действия своих импульсивных соплеменников. Вскоре нас удостоил

посещением сам Махангва. Это был типичный аристократ-баротсе. Тонкие черты лица, довольно светлая кожа, одежда военного покроя и даже шнурованные сапоги на ногах – причем, в отличие от большинства негров, он держался в обуви уверенно и элегантно – все это, вместе взятое, делало его похожим на европейца, и никто из нас не колебался ни секунды, прежде чем обменяться с ним рукопожатием. Я упоминаю эту деталь потому, что не только белые африканеры считали унижительным для себя делом подать руку чернокожему, но и сами негры в то время еще не привыкли к этому обычаю и находили его нелепым и излишне фамильярным.

Махангва был родственником Леваники, так что в его жилах текла королевская кровь. Впоследствии я познакомился с одной из его жен; прелестными чертами лица она напоминала скорее индианку, чем уроженку Африки, и отличалась изяществом и грацией, недоступными, как мне кажется, никому из белых женщин.

В беседе с Махангвой выяснилось, что мы еще не дошли до страны Ва'Лунда и находимся на земле племени мамбунда; области вакагонде и мамбвера остались позади. Махангва не мог или не хотел сообщить что-либо о слонах; но прочая дичь, по его словам, водилась в окрестностях в изобилии, и он намекнул, что будет очень благодарен, если мы подстрелим пару бегемотов для обитателей деревни.

Пока мы разговаривали, жители принесли великолепную белую муку. Но это было не просо и не кукуруза, как мне сперва показалось, а маниока^[3]. Наши попытки испечь из нее хлеб остались безуспешными: даже при добавлении половинного количества пшеничной муки и удвоенной дозы столь драгоценного в буше пекарского порошка

получившиеся лепешки были тверды, как камень. Впоследствии мы перешли на туземный способ: мука маниоки всыпается в кипящую воду и варится до получения густой каши. Из нее мы делали клецки и, обмакнув их в мед, с удовольствием ели.

Несмотря на европеизированную внешность, Махангва оставался сыном своего народа: он страстно любил подарки. Мы щедро оделили его разноцветным ситцем и искусственным жемчугом, но вождь все еще не чувствовал себя вполне удовлетворенным – как выяснилось, его сердце тосковало по моему старому дождевику армейского образца. Разумеется, я поспешил преподнести ему плащ и не прогадал: обрадованный Махангва прислал ответный дар – чудесную накидку из выделанных антилопых шкур, национальную "парадную форму" баротсе. Эта накидка сохранилась и до сих пор украшает стену моего кабинета.

Мы тронулись в путь вдоль берега Музонгвези, но не успели сделать и восьми километров, как ко мне подбежал бой и доложил, что пятеро носильщиков (люди Калассы) побросали грузы и скрылись. Волей-неволей пришлось снова устраивать лагерь и слать гонцов к Махангве. Нашим посыльным поручалось изловить дезертиров, если представится такая возможность, или обратиться к Махангве с просьбой дать нам несколько человек.

Вождь прислал вежливый отказ – все его собственные люди остались в Лиалуи, и он не может ничем помочь. Мы не хотели без особой надобности слишком обострять отношения с одним из главных индун племени баротсе, но, желая все же достаточно четко определить свою позицию, велели передать, что не поколеблемся наказать даже его, племянника самого Леваники, если впоследствии окажется, что он дал пристанище нашим беглецам.

Пересмотрев содержимое брошенных ящиков, мы выбросили все, без чего могли обойтись. Остальные вещи пришлось присоединить к выкладке других носильщиков, и караван двинулся дальше. Дорога шла сквозь густые джунгли, переплетенные лианами; заросли доходили до самого берега, и ветви свешивались над водой. Эти леса занимают огромную площадь – весь бассейн рек Конго и Замбези представляет собой сплошной лесной массив. Многочисленные болота делают путешествие по здешним краям особенно трудным.

Ночью у меня снова началась лихорадка, и на следующий день я еле двигался – через каждые полчаса приходилось останавливаться и отдыхать. Не желая подводить друзей, я усилием воли заставлял себя преодолевать жар, озноб и слабость, чтобы не тормозить движение каравана.

Нужно было спешить – нас подгоняла необходимость. Было уже ясно, что рассчитывать на верность носильщиков не приходится, и удержать их от дезертирства мог только страх. Когда мы углубимся в страну ва'лунда, люди уже не рискнут бросить караван, понимая, что без нас вряд ли выберутся живыми. Если же мы промедлим и число беглецов возрастет, то наше положение может стать безвыходным – в том смысле, что не останется ничего другого, кроме как возвращаться в Родезию, где мы, конечно, сделаемся всеобщим посмешищем.

Нам не раз попадались свежие следы буйволов, но было принято единогласное решение – не терять времени на охоту, пока не окажемся в Валундаленде. И мы шли дальше.

Вскоре нам попалась покинутая жителями деревня – как впоследствии выяснилось, одна из деревень вождя Каконго, известного своими разбойничьими набегами. Осмотр показал, что люди жили здесь уже несколько

лет; об этом свидетельствовали многочисленные, побелевшие от солнца и дождей черепа антилоп, прибитые к "священному дереву". До тех пор мне не приходилось видеть такой любопытный способ строительства: хижины были разборного типа, из плетеных бамбуковых щитов, и накрывались сверху общей крышей из огромных кусков дерна; вся трава на нем сохранялась. При необходимости щиты – стенки хижин – легко опрокидывались, дерн снова занимал свое естественное положение на земле, и все селение, таким образом, исчезало бесследно. Видимо, наше появление застало людей Каконго врасплох, и они разбежались, не успев осуществить эту операцию.

Конец июля – середина сухого сезона, но москиты ощутимо отравляли нам существование, и страшно было представить, что здесь начнется, когда пойдут дожди. Лес становился все гуще; попадалось много каучуконосных деревьев. Джума, старший бой, когда-то занимался сбором каучука для португальцев, и рассказал нам о применяемых для этого способах. Мы решили на досуге испытать их все и посмотреть, не удастся ли придумать что-нибудь получше.

Миновав еще одну деревню Каконго – она скрывалась в прохладной тамариндовой роще, но, по всем признакам, была уже давно покинута – мы вышли на заболоченный берег Манинги. Здесь даже имелся мост, но, посмотрев на него, все решили, что лучше поискать броды. Вода кое-где доходила до подбородка, но течение было слабым, и переправа прошла благополучно.

На противоположном, высоком, берегу виднелась деревня; думая, что ее населяют ва'лунда, мы не удивлялись отсутствию лодок и вообще какой-либо помощи при переправе. Однако на подходе к деревне нас встретила большая процессия людей племени мамбунда под предводительством очень юного индуну-

баротсе. В первый момент мы приняли это за враждебную демонстрацию и приготовились к обороне, но быстро успокоились, увидев в числе идущих женщин и даже детей. Предводитель – звали его Чангонго, и ему было не больше пятнадцати лет – приблизился к нам, широко улыбаясь, и милостиво протянул руку для поцелуя. К возмущению свиты, этот дружественный жест встретил с нашей стороны самую невежливую реакцию: отпихнув желторотого владыку, Хэмминг, а за ним и весь караван, проследовал в деревню и расположился на отдых в тени большого дерева. Было уже ясно, что мы – первые европейцы, оказавшиеся в этих местах.

Вскоре принесли стул, и Чангонго уселся перед нами. В разговоре выяснилось, что он также приходится кем-то вроде внучатого племянника королю Леванике; оставалось непонятным, как он очутился в этой деревне, на границе враждебного Валундаленда. Между тем местные жители, вооруженные кремневыми ружьями, копьями и стрелами, уже перемешались с нашими людьми; оживленно переговариваясь, они осматривали и ощупывали ящики и даже непринужденно присаживались на них. Положение складывалось критическое, и требовалось немедленно предпринять какие-то шаги. Тут между Чангонго и Хэммингом состоялся краткий диалог; я привожу его дословно. Разговор шел на языке баротсе.

Хэмминг: Вы всегда оказываете такой прием караванам европейцев?

Чангонго: Мои люди еще никогда не видели белых, и я не знал, что этот караван ведет белый человек.

Хэмминг: Теперь ты это знаешь. Кроме того, ты знаешь, что мы устали и голодны – скажи, принесут ли нам еду?

Чангонго: О да, конечно. Я сейчас прикажу накормить вас.

Он отдал короткое распоряжение, и к нам направилась целая процессия – человек тридцать. Со многими и очень сложными церемониями они преподнесли провизию для каравана – две маленькие корзиночки с мукой, фунта по два в каждой, и четыре яйца. Мальчишка явно просто издевался над нами, но Хэмминг невозмутимо продолжал:

– Мы благодарны тебе за твой щедрый дар, о Чангонго – сейчас видно, что ты достойный племянник короля Леваники, известного своей неизменной дружбой с белыми. Но все же скажи, как нам прокормить всех наших людей?

Игра становилась все напряженнее, и парнишка начал нервничать.

– У вас много всяких ящиков – в них, конечно, достаточно продовольствия для всех носильщиков. А мы сами голодаем, и я не могу тебе дать больше никакой еды, – в его голосе прорывались нотки раздражения и испуга.

– Ну подумай, Чангонго, – ласково попросил Хэмминг и встал, держа в руке одну из корзиночек с мукой.

– Я вас сюда не звал, – злобно отвечал королевский отпрыск, – и если вам придется голодать, то лишь по своей собственной вине.

В это время четверо наших оруженосцев приблизились к собеседникам. Хэмминг погрузтел и задумался; затем, глядя Чангонго прямо в глаза, спросил:

– В этой корзиночке – вся мука, которую вы можете уделить нам? Это действительно так, Чангонго?

– Да! – выпалил юный вождь, и в ту же секунду Хэмминг спокойно и быстро нахлобучил корзинку с мукой ему на голову со словами:

– В таком случае, полагаю, будет лучше, если ты оставишь ее себе.

Густо напудренный белоснежной маниоковой мукой, Чангонго в своем парадном облачении индуну выглядел настолько похожим на циркового клоуна, что я покатился со смеху. Он вскочил, собираясь, видимо, убежать, но сильная рука Джумы мягко, но решительно удержала его на месте.

В толпе вокруг нас слышались возмущенные крики; мамбунда потрясали копьями, подбадривая друг друга. Мы не двигались и сохраняли полное спокойствие, хотя наши руки лежали на рукоятках револьверов. Такая невозмутимость, резко отличавшаяся от обычного поведения жестоких и трусоватых португальских метисов-мамбари, произвела куда более сильное впечатление, чем любые угрозы. Первым опомнился наш незадачливый притеснитель. Он успел отряхнуться и склонился к нашим ногам с негромким возгласом: "Калонга!" – приветствие, с которым рядовой член племени баротсе обращается к своему вождю. Тут же, как по мановению волшебной палочки, все переменялось.

Ружья и луки куда-то исчезли, и вот уже со всех сторон сверкают дружелюбные улыбки, жители тащат мешки с мукой, корзины с яйцами, связанных кур и всякую всячину; начинается оживленная торговля. Давно бы так!

Теперь, когда отношения наладились, мы решили задержаться здесь на пару дней, передохнуть и поохотиться. Я обещал Чангонго взять его с собой завтра утром на охоту за антилопами. На вопросы о слонах мы получили обычный ответ – "они дальше, в стране ва'лунда". Скорее всего, жители просто хотели поскорее спровадить нас из деревни.

Таким образом, перспективы на добычу слоновой кости оставались туманными. Было известно, что ва'лунда решительно препятствуют проникновению европейцев в их края, пользуясь всеми имеющимися

средствами и не останавливаясь ни перед чем. Их селения, как правило, хорошо укреплены, а на лесных дорогах устроены завалы; повсюду расставлены ловушки, и тропы усеяны шипами. Эти шипы, хотя и не отравленные – весьма эффективное и коварное оружие. Представьте себе палочку из твердого дерева, длиной около десяти сантиметров, похожую на остро заточенный карандаш. Ее до половины втыкают в землю острым концом вверх, утрамбовывают и тщательно маскируют травой и листьями. Чаще всего их устанавливают возле пересекающих тропинку корней больших деревьев: не видя, что находится за толстым корнем, человек перешагивает через него и всей тяжестью наступает на шип. Для европейцев они неопасны – деревянное острие неспособно проткнуть подошву сапога; а вот идущий босиком носильщик, наколовшись на такой шип, получает болезненную рану и будет выведен из строя на несколько дней.

Мы услышали историю о каком-то белом – туземцы называли его Чама Кунгулу – пытавшемся не так давно проникнуть в запрещенный район. Ва'лунда убили двух его людей, и он был вынужден вернуться обратно. Впоследствии оказалось, что речь шла о Ларсене. В общем, чем больше я узнавал о ва'лунда, тем тверже становилось мое решение основательно познакомиться с их страной.

На следующее утро мы с Чангонго отправились на охоту. Берег реки постепенно понижался, переходя в заболоченную равнину, обрамленную густым лесом; это излюбленные места антилоп личи. По дороге туда нам то и дело попадались ловушки, поставленные деревенскими охотниками. Делаются они так: на лесной опушке устраивается заграждение из молодых деревьев, лиан и колючего кустарника – оно тянется на десятки метров, и в нем оставлено несколько проходов. В этих проходах на земле раскладывается петля из

пальмового волокна. Рядом сгибают упругое молодое деревцо и закрепляют его в этом положении с помощью другого куска веревки, удерживаемой колышком; к верхушке деревца привязан свободный конец петли. Все устройство работает по принципу мышеловки: обходя преграду, антилопа идет в проход, задевает колышек и через мгновение повисает в воздухе. Охотнику остается только вынуть добычу из петли и снова наладить ловушку.

В период дождей мамбунда охотятся с лодок. Антилопы личи – очень чуткие животные, и к ним редко удается приблизиться на расстояние броска копья или даже полета стрелы (туземные луки бьют недалеко и используются обычно лишь для охоты на птиц). Но в дождливый сезон река разливается, и окрестные низины покрыты футовым слоем воды. Этого вполне достаточно для легких плоскодонных лодок; даже заболоченные участки оказываются легкодоступными, и антилопы, чьи движения вода только сковывает, становятся легкой добычей людей, вооруженных копьями.

В этот день мне повезло: с расстояния от полутора до трехсот шагов я четырьмя пулями уложил трех личи. Результат неплохой и сам по себе, но для меня было важно произвести достаточно сильное впечатление на Чангонго. К сожалению, должен признаться, что впоследствии при охоте на личи и пуку мне не раз случалось промахиваться по десять раз подряд, так что успех в тот день следует признать случайным.

По словам моего чернокожего спутника, здесь водились и ситатунги. Я уже давно мечтал поохотиться на этих редких и красивых антилоп, но от попытки добраться до них скоро пришлось отказаться. Начались пловучие острова, а ходьба по ним для неопытного человека равносильна самоубийству. Такие острова

образованы скоплением множества водяных растений; их корни и стебли переплетаются, образуя "костяк" острова. Постепенно все промежутки затягиваются илом, ветер наносит на них пыль, песок и семена сухопутных растений, и через пару лет над бездонным болотом возникает чудесная зеленая полянка, усеянная цветами; нередко там даже растут кусты, а иногда и молодые деревца. Но внешность обманчива, и горе путешественнику, принявшему эту зыбкую декорацию за твердую землю. Через несколько шагов ноги внезапно проваливаются в черную грязь, упругие, перепутанные стебли растений раздаются в стороны, и человек уходит под воду. Зеленый ковер смыкается над его головой, и спасение невозможно. Лишь долгая практика и особое чутье дают возможность передвигаться по пловучим островам, не рискуя жизнью.

Количество птиц на этих болотах не поддается описанию. Каких только видов пернатых здесь не было: бесчисленные дикие утки и египетские гуси плавали и ныряли меж островов; по мелководью важно вышагивали цапли и королевские журавли. Стаи пеликанов и марабу то и дело заслоняли солнце – нигде больше мне доводилось видеть их в таком количестве. Это был настоящий рай для охотников за птичьими перьями; недоставало только фламинго.

Забрав убитых антилоп, мы вернулись в лагерь.

Ночи во время сухого сезона довольно холодны, и поскольку у нас не было шерстяных одеял, мы воспользовались туземным способом сохранения тепла. Он заключается в следующем: к вечеру в лагере сооружался большой круглый шалаш конической формы, но без крыши. В центре раскладывается костер; время от времени часовой подкладывает в него топливо. Вокруг костра располагались наши походные кровати. Снаружи на стенки шалаша наваливают

толстый слой свежих веток с листьями, так что теплый воздух не выходит из щелей. Этот способ – он называется музасса – оказался очень действенным, и я рекомендую его всем путешественникам, убедившись, что и в Африке можно замерзнуть.

Когда мы собрались уходить, Чангонго долго не хотел давать проводника. Парнишка проникся к нам искренней привязанностью и со слезами на глазах объяснил, что никогда не простит себе, если поможет белым людям уйти на верную гибель в страну ва'лунда, и Леваника, конечно, строго взыщет с него за такую оплошность. Вероятно, ему очень хотелось еще разок-другой сходить на охоту в компании с европейцами, тем более, что половина добытой дичи доставалась жителям деревни. Но я прикрикнул на него, и Чангонго сдался: мы получили двух проводников.

Мы направились к селению Катетамбинги – одного из вождей племени ва'лунда. До него было около восемнадцати километров, то есть как раз дневной переход.

Дорога шла по высокому берегу Манинги. На заболоченных лугах и в прибрежном тростнике паслись многочисленные антилопы – в основном личи, и лишь изредка попадались пуку. Такая непропорциональность поначалу удивляла меня, так как обычно эти виды встречаются примерно в равных количествах. Но скоро все разъяснилось – по словам проводников, именно пуку становятся в первую очередь добычей местных охотников, поскольку они менее чутки и предпочитают болотам кустарниковые заросли и лесные опушки, где охотнику гораздо легче найти прикрытие и подобраться к животным.

Уже на подходе к деревне мы слышали глухой стук тяжелых пестов – женщины ва'лунда толкли маниоку. Значит, о нашем приближении здесь еще неизвестно. Это очень ярко показывало, что ва'лунда живут в

полной изоляции от соседей – в любом другом районе Африки весть о нашем прибытии обязательно разнеслась бы за двое суток на полсотни километров вокруг.

Остановив караван, мы провели краткий военный совет. Было решено вступить в деревню с трех сторон, одновременно, по общему сигналу. Наиболее простым и естественным вариантом сигнала явился бы выстрел, но он мог быть истолкован ва'лунда как начало нападения, а мы не хотели давать им ни малейшего повода принимать нас за врагов. По предложению Вильзони, ему, как самому голосистому, поручили издать протяжный крик – услышав его, мы войдем в деревню.

Все удалось как нельзя лучше. Вильзони взвыл не хуже пароходной сирены, и в тот же миг мы вышли из-за деревьев. За каждым из нас следовал десяток слуг и носильщиков; грузы под охраной нескольких человек были оставлены в лесу. Наше появление ошеломило ва'лунда своей быстротой и неожиданностью, и они, застыв, кто где был, не пытались нам воспрепятствовать. Мы – трое белых – оставили свои винтовки в лесу, прихватив вместо них длинные бичи из кожи нильского бегемота. Кроме того, на поясе у каждого висел револьвер – оружие тогда еще малознакомое туземцам внутренних районов и не привлекающее к себе внимания. Когда наши отряды уже сходились в центре деревни, какой-то парень попытался сорвать ружье, висевшее на стене его хижины, но четырехгранный конец моего бича со свистом опустился на его голые плечи, и он с воплем схватился за вздувшийся рубец. Я взял ружье и передал кому-то из слуг.

Велев всем присутствующим сесть на землю, мы спросили, где Катетамбинга, и к нам тут же приблизились... два маленьких, до смешного похожих друг на друга старичка. Это и был вождь со своим

братом – они сообща управляли деревней. Престарелые близнецы приветствовали нас по сложному ритуалу ва'лунда, включающему многочисленные поклоны, хлопки в ладоши и почтительные возгласы. Беседа шла на языке Мамбунда при помощи моего второго оруженосца Тома. Прежде всего надо было показать, что настроены мы решительно и шутки с нами плохи; поэтому мы велели привести человека, схватившегося за винтовку, и объявили, что каждый, кто осмелится поднять руку на европейца или его слугу, подвергнется строжайшему наказанию. Однако на первый раз, из уважения к Катетамбинге, мы прощаем его подданного. Тем не менее, чтобы привить ему понятие о хороших манерах, я приказал тут же разломать на куски его ружье.

Затем мы обратились к вождю и произнесли речь, в которой всячески подчеркивали дружественный и мирный характер нашей экспедиции. Все, что нам требуется – это возможность охотиться на их земле. Мы ничем не торгуем; все услуги и вся провизия, которые ва'лунда предложат нам, будут щедро оплачиваться. Особая премия ждет тех, кто сообщит о слонах. Кроме того, мы обеспечим защиту всем жителям в случае появления работорговцев.

В ответной речи Катетамбинга обещал нам помощь и поддержку, выразив готовность не только снабдить нас провиантом, но даже угостить некоторыми деликатесами – медом и медовым пивом.

Язык ва'лунда очень своеобразен. Хотя его относят к группе банту, он совсем не похож на них по звучанию. Обилие щелкающих согласных напомнило мне язык бушменов Калахари.

Мы были очень довольны достигнутым результатом, но впоследствии выяснилось, что Катетамбинга питал к нам далеко не столь нежные чувства, как желал

показать. Впрочем, обещанные продукты, мед и пиво для каравана мы получили без проволочек.

Кстати, о пиве: оно готовится из меда и воды с добавлением каких-то ягод. Перебродив, напиток приобретает кисловатый вкус и легкие опьяняющие свойства. Мне оно не понравилось, но Хэмминг и Райт, попробовав, нашли его вполне достойной заменой европейскому пиву и осушили по целому калебасу. Через пару часов они уже горько каялись в своей неводержанности, и я еще долго поддразнивал Хэмминга, напоминая ему о славной попойке у ва'лунда.

В этой деревне мы впервые встретились с культом животного: у границы леса находилось скульптурное изображение огромной змеи, очень реалистично вылепленной из глины. Возле ее головы стояла деревянная миска – туда клали торжественную пищу для идола. Вождь объяснил мне, что эта змея охраняет жителей деревни от другой, живой, гигантской ядовитой змеи, обитающей в окрестностях. Я поинтересовался, чем они кормят свое пресмыкающееся божество, и услышал в ответ: "О, она ест все, что ей дают, любые объедки."

Мы пробовали узнать что-нибудь о таинственном "Чама Кунгулу", но ва'лунда или действительно ничего не слышали о нем, или предпочитали помалкивать. Вероятно, Ктетамбинга надеялся, что Ларсена уже нет в живых.

Жители деревни держали коз, и на ночь все стадо запиралось в общем крытом загоне; я обратил внимание на основательную постройку этого сооружения – оно выглядело крепче, чем хижины. Вместо двери служила загородка из толстых кольев, скорее даже бревен, весом около тридцати фунтов каждое. На ночь они вставлялись в специальные пазы в стенах загона, а утром поочередно вынимались, и коз гнали на пастбище. Мне объяснили, что такая конструкция

нужна для защиты от леопардов и львов – когда есть дверь, хищнику часто удается вонзить в нее когти, просунув лапу возле косяка. Один могучий рывок, и дверь сорвана. А вытащить или выломать бревна звери не могут, и козы остаются в целости.

В лесу неподалеку от деревни я увидел самое настоящее кладбище – многочисленные могилы, обнесенные высокими загородками. Земляные холмики были отмечены белыми флажками. Игрушечные "хижины покойных", куда ставится еда для умиротворения духов, имели размеры большие, чем это принято у вакагонде; их украшали какие-то магические рисунки, смысл которых остался мне неизвестен. Как и многие другие племена, ва'лунда верят, что мертвецы могут выходить из могил, чтобы мучить живых, и, желая обезопасить себя от подобных неприятностей, родственники втыкают в могильный холмик даже не один, а два кола – в головах и в ногах дорогого усопшего.

Вечером мы сидели у огня в самом радужном настроении – было наконец получено достоверное известие о слонах. Достигнутые нами дипломатические успехи казались надежными, любезность Катетамбинги не иссякала, и мы легли спать в твердой уверенности, что все трудности остались позади.

Наутро нам выделили двух проводников – им предстояло провести караван к селению Чипавы, верховного вождя племени. Пройдя шестнадцать километров вдоль берега, мы повернули к водоразделу между бассейнами Манинги и Макондо. По мере удаления от реки ландшафт менялся – светлый лес акаций перешел в густые джунгли, и носильщики с трудом прокладывали себе дорогу; тропу то и дело перекрывали склонившиеся ветви, переплетенные лианами. К вечеру мы неожиданно натолкнулись на опустевшую деревню. Причина ухода жителей скоро

разъяснилась: в центре между хижинами стоял украшенный затейливой резьбой деревянный гроб – здесь умер старейшина или индуна, и все население по обычаю перешло жить в другое место.

Было уже поздно, и поскольку рядом с деревней протекал ручей, мы остановились лагерем. Этот ночлег, как и последующие, оказался весьма беспокойным.

Началось с того, что наши люди, пошарив на заброшенном поле, принесли целый ворох маниоки. Подсушив корни перед огнем, они добавили их к своему вечернему рациону, и последствия не заставили себя долго ждать. То ли сказалось несоблюдение обычной процедуры обработки, то ли просто ворованное не пошло впрок, но вскоре у всех начались жестокие колики, и лагерь превратился в подобие больничной палаты во время эпидемии холеры. Хэмминг действовал со своей обычной решимостью: достав бутылку кртонового масла, он щедро наделил им всех страждущих. Это лишь усугубило положение: носильщики, до тех пор только жалобно стонавшие, теперь уже вопили благим матом. Но в конце концов снадобье подействовало, и они исчезли в ближайших кустах. Кртоновое масло – очень сильная штука.

Около полуночи снова поднялась суматоха. На этот раз причина была в проводниках – оба они ухитрились сбежать, хотя и легли спать между нашими боями. Мы сделали надлежащие выводы о том, каких событий следует ожидать в недалеком будущем, велели разложить новые костры и выставили часовых. Остаток ночи прошел спокойно.

Утром было решено перевести караван на военное положение: людям раздали запасные винтовки. Затем мы тронулись вдоль ручья.

Через два километра лес стал редеть, постепенно переходя в широкую луговину. Скоро стали попадаться маниоковые поля – верный признак близости селения. И

действительно, вдали, на другом берегу ручья, виднелся высокий частокол, за которым поднимались крыши хижин.

Теперь уже мы шли не в одиночестве. В бинокль можно было заметить, что на краю леса то и дело показываются черные фигуры, вооруженные ружьями, и число их все время возрастало. Мы решили пока не обращать внимания на возможных противников и начали переправу через ручей. Берега были заболочены, и в течение получаса мы являли собой идеальный объект для нападения, так как находились на совершенно открытой местности и были по колена в воде. Сложив грузы на землю, мы направились к ограде.

Ворота были заперты. Когда мы приблизились, со стороны леса раздалось несколько выстрелов, и затем наступила тишина – она казалась угрожающей и заметно действовала на нервы; каждую секунду мы ожидали залпа. Я приказал взломать засов, и против ожидания нам никто не препятствовал. Войдя в деревню, мы увидели ва'лунда – люди молча стояли и сидели возле хижин, глядя на пришельцев без особой враждебности. Их ружья висели на стенах.

В глубокой тишине наш отряд прошествовал к центру деревни, и в этот момент прогремел выстрел. Кто стрелял, осталось неизвестным; думаю, что один из ва'лунда случайно или с перепугу разрядил ружье в воздух. Наши люди имели строгий приказ не открывать огня без непосредственной угрозы для их жизни. Как бы то ни было, звук выстрела словно пробудил деревню от спячки, оказав самое энергичное и удивительное действие: в мгновение ока все жители кинулись врассыпную – с обезьяньей ловкостью перебираясь через частокол, они стремглав мчались к лесу. Наши носильщики успели задержать часть беглецов, и мы решили пока оставить их в качестве заложников. Среди пленных было несколько женщин, которым позволили

уйти. Это оказалось большой ошибкой, но, не зная обычаев ва'лунда, мы не хотели слишком озлоблять племя. Позднее выяснилось, что взяв заложниками именно туземных дам, можно было бы избежать многих затруднений и неприятностей.

Оставив пленников под присмотром Джумы и нескольких слуг, мы отправились вслед за беглецами – так или иначе, нам требовалось установить с ними какой-то контакт. В лесу то и дело попадались маленькие деревушки, по несколько хижин в каждой, оставленные жителями. Нам приходилось прилагать постоянные усилия, чтобы удержать слуг от желания разорить и сжечь все поселения врага. Сделав людям строгое внушение, мы пошли лишь на одну уступку – разрешили им брать с собой все съестное, что удавалось найти.

Кое-где мы видели стариков и старух, слишком дряхлых, чтобы спастись бегством; сидя у хижин, они покорно ждали решения своей участи. В таких случаях я оставлял в деревне часового – он должен был охранять покой и безопасность, пресекая любые попытки наших носильщиков обидеть или ограбить беспомощных стариков.

Во многих хижинах валялись брошенные луки и стрелы. В моменты опасности ва'лунда предпочитают пользоваться огнестрельным оружием, в котором не испытывают недостатка. Эти ружья, заряжающиеся с дула, изготавливаются в Португалии специально для сбыта диким племенам Африки; их в огромных количествах доставляют на Западное побережье, откуда они проникают во внутренние районы с караванами мамбари. Ружья очень легкие, с длинным стволом, стенки которого так тонки, что для меня оставалось загадкой, почему они не разрываются при первом же выстреле.

Не было сомнений, что караван работоторговцев – не редкость в здешних краях; об этом свидетельствовало обилие дешевых португальских безделушек и искусственного жемчуга во многих хижинах. Еще более наглядным доказательством служили две женщины с очень светлой, почти белой кожей, увиденные нами в первой деревне – несомненный результат смешения двух рас.

Кое-где попадались разные идола, раскрашенные белой и красной глиной; об их именах и назначении оставалось только гадать. Вообще я до сих пор жалею, что в ходе своих путешествий не уделял достаточного внимания изучению языков тех племен, с которыми приходилось иметь дело. Из-за этого мне остались неизвестными многие интереснейшие черты их культуры и нравов, и восполнить этот пробел я, к сожалению, уже не смогу.

Убедившись в бесполезности преследования, мы повернули обратно. Стало очевидно, что главное селение, ставка вождя Чипавы, находится где-то дальше. Между тем близилась ночь, и следовало позаботиться о ночлеге.

Мы решили соорудить нечто вроде укрепленного лагеря. Выбрав сухую открытую площадку в стороне от деревни, носильщики натаскали веток, и вскоре были готовы четыре огромных шалаша-"музассы": три в вершинах треугольника и один в центре – он предназначался для пленников. По периметру возвели ограду из колючих кустов. Готовое сооружение напоминало сделанную из хвои и листвы пародию на средневековый замок. Разложив костры, мы поужинали, выставили часовых и улеглись спать.

Около полуночи на другом берегу ручья поднялся шум – раздавались воинственные крики, затем прозвучало несколько выстрелов. Хэмминг и Райт схватили винтовки и приготовились к обороне. Но я уже

составил определенное мнение о боевых качествах ва'лунда, к тому же очень устал. Отказавшись от участия в смертной битве, я повернулся на другой бок и, пожелав друзьям спокойной ночи, закутался в одеяло. Мое спокойствие подкреплялось очень простым соображением – ружья ва'лунда били не больше, чем на полторы сотни шагов, а расстояние от лагеря до деревни и до границы леса составляло добрых триста. Попытка же штурма представлялась мне совершенно невероятной.

Таким образом, мы никак не реагировали на устрашающие демарши ва'лунда. Потратив еще около часа на крики и стрельбу, отважные воины скрылись в темноте, глубоко уязвленные нашей бесчувственностью. Остаток ночи прошел спокойно.

Утром, отобрав восемнадцать носильщиков, зарекомендовавших себя лучше прочих, мы велели им переложить грузы на наших пленников; каждый человек, идущий налегке, отвечал за сохранность груза и арестанта. Мы рассудили, что ночное нападение дает нам право применить хотя бы такую меру взыскания, позволившую к тому же использовать "вражеские силы" для облегчения дорожных тягот.

Тропа по-прежнему шла через густые джунгли. На протяжении всего пути нас сопровождали вооруженные ва'лунда – прячась за деревьями, они двигались параллельно каравану, а с наступлением темноты опять начиналась пальба. Поскольку выстрелы не причиняли никому ни малейшего вреда, мы решили воспринимать их как ежевечерний почетный салют.

Через два дня, 3 августа 1906 года, между деревьями показались многочисленные хижины. Мы направились к селению в очень приподнятом расположении духа – сегодня нам впервые попались свежие следы слонов.

Глава VII

В стране ва'лунда

Мы были приятно удивлены – навстречу каравану из деревни вышел вождь в сопровождении свиты, чтобы приветствовать нас и пригласить отдохнуть под их кровом. Ва'лунда всячески старались выразить свою радость по поводу нашего прибытия: "морена" (господин) – единственное известное им слово на языке баротсе – слышалось со всех сторон. Наученные горьким опытом, мы поначалу отнеслись к этим дружеским излияниям с большим недоверием, но скоро все разъяснилось. Местный вождь Чевула находился в состоянии войны со своим могущественным соседом Чипавой, и теперь, увидев европейцев, надеялся заручиться ценной поддержкой.

Учитывая заинтересованность Чевулы в нашем присутствии, мы решили устроить возле деревни более основательный лагерь, чем "музасса", чтобы провести тут несколько дней, поохотиться и разведать обстановку. Вскоре были готовы несколько тростниковых хижин, в которых мы и разместились со всевозможным комфортом.

Люди Чипавы по-прежнему не оставляли нас в покое, и с наступлением темноты в лесу начиналась пальба. Я опасался, что они попытаются поджечь лагерь, и на всякий случай велел соорудить "пороховой погреб" – глиняную землянку с толстыми стенами и крышей, куда мы сложили ящики с патронами.

Наши противники не показывались, а преследовать их с густых джунглях не имело смысла. Но вскоре произошел инцидент, исчерпавший запас моего терпения: двое людей, посланные в соседнюю деревню,

чтобы попытаться сторговать продовольствие, были с позором изгнаны и вдобавок избиты. Мы с Райтом решили дать урок сторонникам Чипавы.

Наш отряд в количестве пятнадцати человек окружил деревню, и дальше все пошло по знакомой схеме жители бросились наутек, а слуги хватали кого придется. В результате было задержано несколько десятков человек, которых доставили в наш лагерь. Теперь встал вопрос – что нам делать с такой оравой пленных? Единственно разумным представлялось отпустить их к Чипаве – ведь мы не теряли надежды на установление хороших отношений со всеми ва'лунда, и надо было использовать каждую возможность. Через несколько минут зычный голос старшего боя доложил, что приказание исполнено, и мы вышли из своих хижин – Хэмминг, Райт и я. К нашему недоумению, вся толпа тут же повалилась на колени. Лежа на песке, люди на все лады умоляли сохранить им жизнь. Мы смотрели то на них, то друг на друга, не понимая, в чем дело, и наконец обратились за разъяснениями к нашему переводчику Тому. Все оказалось очень просто. Совершенно случайно мы, не сговариваясь, в одно и то же время занимались чисткой ружей. Услышав, что пленники собраны, мы вышли, держа в руках кто наполовину разобранный винтовку, кто только что смазанный дробовик, кто револьвер. Увидев нас, как им показалось, во всеоружии, ва'лунда решили, что их час пробил – сейчас состоится массовая казнь.

Мы были смущены таким недоразумением, но тут же решили, что это даже к лучшему и усилит требуемое впечатление. Успокоив и ободрив людей, мы снабдили их небольшими подарками и отправили восвояси, велев передать Чипаве приглашение прибыть в лагерь для переговоров.

Здесь я позволю себе небольшое отступление, чтобы рассказать читателю о племени в целом.

Происхождение ва'лунда, как и большинства других африканских племен, точно не установлено. Считается, что их родина – окрестности озера Мверу. Отдельные племенные группы говорят на разных языках, отличающихся настолько сильно, что люди, формально принадлежащие к одному народу, не понимают друг друга и пользуются при общении языком баротсе или мамбунда.

В своей книге "В дебрях Баротселенда" полковник Хардинг упоминает верховного вождя ва'лунда по имени Чинти, живущего на Кабомпо. Я немало постраниковал по обеим берегам этой реки, но ни разу не слышал о таком вожде; не знают о нем и местные уроженцы. Думаю, что в ходе многократных искажений так трансформировалось имя Чипавы.

Ва'лунда постоянно враждует с окружающими племенами и друг с другом. Непрерывная война наложила на их быт отпечаток. Деревни всегда спрятаны в густых джунглях, а ведущие к ним тропы идут зигзагами. Возле каждого поворота находится замаскированное "укрепление" – несколько землянок, укрытых в чаще, откуда можно обстреливать приближающегося противника. Впрочем, эти войны – шумное, но обычно довольно безобидное препровождение времени. Происходят они следующим образом.

Один вождь посылает другому весть об объявлении войны, после чего оба собирают воинов. Две армии сходятся в условленном месте – чаще всего это равнина или большая поляна в джунглях. Находясь на безопасном расстоянии, противники разряжают друг в друга ружья, и тот, кто сумел проделать все с большим шумом и криком, оказывается победителем. Побежденные – ни один из них не получает и царапины – обращаются в бегство, а победители преследуют их по пятам, вопя как можно страшнее и сотрясая воздух новыми

залпами. Ворвавшись во вражескую деревню, отважные воины хватают свою законную добычу – женщин. Как правило, никто из последних даже не пытается убежать или спрятаться. Им предстоит стать заложницами и жить в деревне победителей, пока посрамленные мужья не выкупят своих супругов. Выкуп уплачивается по-разному – ситцем, порохом, козами или чем-нибудь еще. Невыкупленных продают в рабство.

Надо сказать, что все время, пока пленные женщины находятся в чужой деревне, обращаются с ними хорошо, и специальная стража следит, чтобы они не претерпели никакой обиды. В общем, эти войны больше похожи на игру, и в каждой хижине хранится несколько свертков ситца или коленкора – именно на случай выкупа.

Внешне ва'лунда – хорошо сложенные люди среднего роста с приятными чертами лица, напоминающими масаев. Несмотря на пристрастие к европейским тканям яркой расцветки, они предпочитают не использовать их, а собирать в качестве сокровищ. Одежда мужчин, как и у баротсе – накидка их выделанных антилопых шкур. Женщины – многие из них весьма миловидны, с довольно светлой кожей – не склонны прятать красоту и обычно довольствуются костюмом из нитки искусственного жемчуга, пару раз обернутой вокруг бедер; спереди и сзади к ней прикреплены небольшие плетенки из травы или пальмовых волокон. В шкуры одеваются лишь в торжественных случаях – это нечто вроде вечернего туалета европейских дам.

У ва'лунда есть некоторое понятие о законе и праве. Все проступки и преступления наказываются с помощью штрафов. Исключением является колдовство, отнесенное к разряду "государственных преступлений". Любое стихийное бедствие или несчастье, затрагивающее все племя – засуха, падеж скота, гибель

урожая и т.д. – считается результатом зловредных действий затаившегося колдуна. Тотчас начинается взаимный повальный розыск. Процесс судопроизводства очень прост: несчастный, обвиненный в колдовстве, должен пройти процедуру "Божьего суда", а именно – сунуть руку в горшок с кипящей водой. Невинность считается доказанной, если на руке нет следов ожога (хотя логичнее было бы обратное мнение). Удивительнее всего, что многие люди сумели выполнить такое условие. Как мы объяснили, для этого руку перед испытанием незаметно покрывают тонким слоем специального состава из жира и воска.

Ва'лунда – прирожденные охотники и следопыты, уступающие в этом отношении только бушменам. Кроме охоты, они занимаются сбором дикого меда и даже освоили некое примитивное пчеловодство. Вокруг каждой деревни можно найти несколько грубо выдолбленных колод-ульев: они лежат и стоят прямо на земле в укромных тенистых местах. Эти ульи – достояние деревни и в то же время предмет поклонения. Чужак, посмеявшийся забрать мед, будет выслежен и убит как святотатец.

Никаких злаковых культур ва'лунда не знают и не выращивают, ограничивая свой рацион маниоккой и дикими плодами. А с тех пор как появился спрос на сырой каучук, они занялись еще и сбором каучуковых корней. Это дает всему племени постоянный и верный заработок, или, точнее говоря, постоянную возможность выменивать у мамбари на загустевший сок ружья, порох и украшения.

В общем, можно сказать, что жизнь лесных ва'лунда течет беззаботно и легко, чем, вероятно, и объясняется их упорное нежелание идти на контакт с чужеземцами. Ва'лунда прекрасно знают, что живут лучше соседей, и боятся потерять свое привилегированное положение.

Вскоре нам удалось получить достоверные вести о Ларсене – его лагерь находился в трех переходах от нас, в Чезерезере. Впервые об этом знаменитом охотнике на слонов я услышал от майора Гардена. Ларсен прошел Челенду, когда я сопровождал к границе арестованных португальцев. Мы были, так сказать, заочно знакомы – я передал ему через вождя Мтамбо несколько ящиков с продовольствием, а он оставил мне письмо, в котором благодарил и приглашал поохотиться вместе с ним.

В деревне Чевулы не нашлось никого, кто бы знал дорогу в Чезерезере. Это может показаться маловероятным, но сплошь и рядом люди из сравнительно близких селений действительно плохо осведомлены о своих соседях. Причина очень проста: если охотник уходит слишком далеко от дома, он наверняка будет пойман собственными соплеменниками и продан в рабство. Таким образом, наиболее любознательные в первую очередь попадают в караваны мамбари.

Наконец мне удалось уговорить двух молодых людей – хотя они и не знали кратчайшей дороги, но все же ориентировались в окрестностях, и десятого августа мы тронулись в путь.

Поскольку мои проводники боялись идти через районы, занятые людьми Чипавы, пришлось воспользоваться слоновой тропой. Это удлиняло дорогу, а я чувствовал приближение очередного приступа лихорадки. На второй день мне стало совсем худо. Переправившись через Макондо, мы остановились лагерем.

Вечером вдали слышалось несколько выстрелов, и я послал охотников узнать – не возьмутся ли неизвестные охотники проводить нас до Чезерезере. Через полчаса оба парня прибежали обратно:

"Господин, мы пропали! Военный лагерь Чипавы совсем близко!" Но у меня уже не было сил даже выругаться.

Когда стемнело, вокруг лагеря поднялась стрельба – нас обнаружили. Передав Вильзони запасную винтовку, я велел ему не жалеть патронов, и он усердно палил во всех направлениях. Сам я, стуча зубами, завернулся в одеяло и лег поближе к костру. Никакая сила в мире не заставила бы меня сейчас взяться за оружие. Голова раскалывалась от боли, в глазах двоилось, и мне было все равно – нагрянет ли Чипава со всем своим воинством, или стадо слонов ринется топтать лагерь, я не двинусь с места. Но стрельба скоро утихла, и мы, выставив часового, легли спать.

Наутро мне полегчало, и можно было идти дальше. Лагерь ва'лунда уже опустел: все вояки разбежались. Нам достались трофеи – несколько кур, чему я чрезвычайно обрадовался.

К полудню четвертого дня мы наконец увидели укрепленный лагерь Ларсена – он располагался на холме, над покинутой деревней. При нашем приближении оттуда вышел долговязый, изможденного вида европеец с ружьем наизготовку. Это был мистер Кубитт. Познакомившись с Ларсеном около месяца назад, он неосторожно принял приглашение датчанина отправиться на совместную охоту, плохо представляя, какого рода жизнь ему предстоит вести. Сейчас, приняв песню, которую пели мои люди, за боевой клич, он готовился дорого продать свою жизнь.

Хозяин лагеря появился лишь на следующий день. Ларсену было уже за пятьдесят, и он представлял собой яркий тип охотника старого закала: невысокого роста, крепко сбитый и наделенный невероятной физической силой, с густой рыжеватой бородкой. При незлобивом, в общем-то, характере он отличался чрезвычайной вспыльчивостью, малейшее противоречие повергало его в приступ ярости – и горе тому, кто оказывался у него

на пути в такие моменты. Ясно, что человеку подобного склада было нелегко наладить отношения с туземцами, и Ларсен хлебнул куда больше неприятностей, чем выпало нам. Носильщики ва'лунда давно разбежались, и лишь несколько баротсе еще сопровождало его в охотничьих вылазках. Кубитту приходилось оставаться в лагере и нести охрану. Его компанию составляли несколько туземных женщин, исполнявших обязанности слуг и поварих. Среди них была некая старуха, пользовавшаяся у себя на родине славой великой колдуньи. Когда-то, в прежние времена, ей приносили человеческие жертвы – ежегодно старая ведьма получала маленького ребенка, которого убивала и съедала через несколько месяцев. Кубитт, хотя и уверял, что не верит этим рассказам, явно старался держаться от нее подальше.

Посоветовавшись, мы с Ларсеном решили отправиться обратно к нашему лагерю Чевулы, поскольку вероятность встречи со слонами была одинакова в любом направлении, и пятнадцатого августа тронулись в путь, оставив злополучного Кубитта в дамском обществе.

Вечером, уже незадолго до захода солнца, мы вышли к большому ручью. Место выглядело самым подходящим для лагеря, и каравану был подан сигнал к остановке. В это время где-то в зарослях на другом берегу послышался пронзительный рев. Ларсен вскочил: "Слоны!" – и замер, прислушиваясь.

Трубные звуки больше не повторялись. Схватив крупнокалиберные ружья, мы перебрались через ручей и, соблюдая полнейшую тишину, углубились в лес. Не прошло и десяти минут, как мы увидели слонов.

Это большое стадо – не меньше пятидесяти животных, включая малышей. У меня перехватило дыхание от изумления и восторга – ведь я, хотя и

провел в Африке больше четырех лет, еще ни разу не видел живого слона в естественных условиях.

Они показались мне огромными, как бродячие горы, и тем удивительнее была мягкая точность их неторопливых движений.

"Черт, одни мелкие самки", – шепнул Ларсен, оглядывая стадо. Я мысленно ахнул – ничего себе мелкие!

Возле одной из слоних семенил совсем маленький слоненок. Видимо, он недавно появился на свет, и все окружающее, включая собственный хвост, на который он то и дело наступал, было для него внове. Ноги матери казались рядом с ним потрескавшимися серыми колоннами. Она медленно продвигалась вперед, отправляя в рот пучки зелени, и время от времени слегка поглаживала малыша кончиком хобота, словно проверяя, на месте ли он и все ли с ним в порядке. Но вот одно из взрослых животных подошло слишком близко к слоненку, и мать восприняла это как угрозу. Хобот взлетел вверх, мгновенно превратившись из ласковой руки в страшную боевую палицу, и неосторожный сородич получил гулкий удар, способный, наверное, переломить хребет льву. Обиженно хрюкнув, нарушитель спокойствия отодвинулся в сторону.

Кто-то из слонов попытался дотянуться до нежной листвы на верхушке дерева, но это ему никак не удавалось – не хватало роста. Только серая змея хобота обвилась вокруг ствола. Один-единственный рывок – и вырванное с корнем дерево лежит на земле, а слон неторопливо поедает приглянувшиеся веточки.

Это была чудесная картина, исполненная покоя и мира, и я даже вздрогнул, когда один за другим грянули два выстрела – Ларсен высмотрел в стаде самца и всадил ему в шею две пули. Слон медленно повалился на бок, и через мгновение стадо обратилось

в бегство, тишину наполнил треск ломающихся кустов, топот и пронзительные трубные крики испуганных животных. Я был так ошеломлен всем увиденным, что совсем забыл об охоте, и только окрик датчанина: "Стреляй, чтоб тебя! Чего ты ждешь!" – вернул меня к действительности. Все наставления Ларсена мигом улетучились из моей памяти. Как во сне, я поднял винтовку и, не целясь, выстрелил в огромную голову с растопыренными ушами. Слон споткнулся на бегу и, не издав ни звука, рухнул наземь. Передернув затвор, я направил ружье на другого колосса – снова в голову, и снова огромное животное, покачнувшись, падает, ломая кусты. Три гигантских туши лежали перед нами, вздымаясь над травой, словно надувные аэростаты. Я все еще не мог прийти в себе, и к переполнявшему меня чувству охотничьей гордости примешивалось изумление – неужели это действительно так просто? Убить слона оказалось не труднее, чем пристрелить пасущуюся на лугу корову. Впрочем, Ларсен тут же охладил мои восторги, объяснив, что обе жертвы – слонихи, а со взрослым самцом мне было бы не так-то легко справиться.

Когда подошли носильщики, мы быстро соорудили "музассу". Надвигалась ночь, и преследование стада стало невозможным. Видя у костра за кружкой чая, я услышал неподалеку какое-то бурчание и вопросительно посмотрел на Ларсена. "Опять слоны", – бросил он и взял свою двустволку. Но это оказался всего лишь крохотный слоненок – может быть, тот самый, которым я любовался полчаса назад. Он был чуть больше сенбернара и выглядел совершенно игрушечным. Без всякого страха подходя к людям, он тыкался в нас своей смешной мордочкой, словно желая сказать: вы отняли у меня мать и теперь должны обо мне позаботиться.

Похлопав по спине тихонько гудевшего сироту, Ларсен свирепо глянул в мою сторону и пробормотал что-то насчет безмозглых новичков, не умеющих отличить самца от самки. Я был очень смущен, хотя и старался убедить себя, что мать слоненка не убита, а просто потеряла его в поспешном бегстве. На ночь малыша устроили в небольшом загоне из веток, а утром я отправил двух людей в лагерь Хэмминга, прося купить у Чевулы и поскорее выслать нам навстречу молочных коз.

Теперь следовало заняться разделкой туш и извлечением бивней. Это было жутковатое зрелище: носильщики, вооружившись топорами, ножами и тесаками, набросились на убитых слонов, как стая голодных гиен. Огромные куски мяса разрезались на тонкие длинные ломти и раскладывались на солнце для просушивания. Некоторые люди забирались в распоротое брюхо слона и яростно врубались в гору плоти, словно рудокопы в каком-то чудовищном кровавом забое. Вскоре наступил черед бивней. Эту работу – извлечение слоновой кости – охотник должен уметь выполнять сам. Поврежденный бивень, естественно, ценится ниже, и требуется искусство и ловкость, чтобы извлечь его в целости из костяного ложа, не потеряв ни фунта. Опытные туземные охотники, работая вдвоем, затрачивают два-три часа на вырубку бивней взрослого слона, мне же потребовался целый день.

Вскоре прибыли козы, но толку от них было мало: слоненок не желал пить козье молоко. Я пробовал угощать его так и этак, но в конце концов оказался забрызган молоком с головы до ног, а в желудок моего подопечного попала лишь малая часть. Решено было срочно отослать малыша в лагерь у Чевулы в надежде, что Хэмминг с помощью местных жителей сумеет как-то организовать его кормление.

Отправив слоненка, мы с Ларсеном совершили еще одну, довольно продолжительную вылазку в сторону от основного маршрута. Для меня эти дни стали великолепной школой – по дороге старый охотник рассказывал, как находить следы слонов, в каких местах и возле каких растений они предпочитают держаться, и многое другое. Я узнал, как по осыпавшимся краям следов определить, сколько времени назад здесь прошло животное; как узнать заранее его пол – оказывается, отпечатки ног самца имеют несколько более вытянутую форму, чем у самок; с какой примерно скоростью шли слоны и даже в каком настроении – длина шага меняется в зависимости от эмоционального состояния животных. Знание всех этих вещей необходимо каждому, кто хочет охотиться в африканском буше, не рискуя понапрасну своей или чужой жизнью.

Очень ценные сведения может дать характер окружающей растительности. Слоны довольно разборчивы в пище, и наличие где-либо излюбленных ими плодов почти наверняка гарантирует встречу с толстокожим. Например, обычным для них лакомством служат стручки белой и желтой акации, и во время их созревания стада переходят в лесные массивы. Можно упомянуть также растение, называемое туземцами "фитингула" – внешне оно напоминает каучуковое дерево, но не содержит млечного сока. На его корнях во множестве образуются ребристые трехгранные клубни, красного цвета и величиной примерно с крупную сливу. Мякоть этих клубней имеет приятный кисло-сладкий вкус, и слоны поедают их очень охотно, для чего выдергивают молодые деревца или выкапывают корни бивнями. Вместе с тем они оставляют без внимания, например, плоды колбасного дерева, пользующегося большой популярностью у многих видов птиц и обезьян.

Ларсен научил меня, в какое место головы слона следует целиться, чтобы уложить животное первым же выстрелом, независимо от его возраста, пола и размера. Это небольшая впадина в двух-трех дюймах от верхнего края уха. Только в этой области, не превышающей в поперечнике мяча для гольфа, кость слоновьего черепа надежно пробивается обычной пулей.

Неплохо разбираясь в оружии, я с самого начала положил глаз на винтовку Ларсена. Это была двустволка 600-го калибра английского производства; 900-грановая пуля (т.е. 75 г) выстреливалась зарядом в 120 гран кордита. Мертвый бой на любой дистанции, двусторонний экстрактор и смягчающая отдачу толстая резиновая прокладка на широком прикладе делали ее поистине идеальным оружием для охоты на крупную дичь.

Вскоре нам встретились следы небольшого стада, и мы начали преследование. Через два дня слоны все еще оставались вне поля зрения, и Ларсен сказал, что с него хватит – пусть эти дьяволы катятся хоть до самой Сахары, он не мальчик, чтобы бегать за ними через всю Африку. Вокруг лагеря оставалось довольно слонов, которые ведут себя, как следует – бродят и пасутся, пока их не подстрелят. Видя, что я все же хочу продолжить погоню в одиночку, мой наставник одобрительно хмыкнул; и тут я, осмелев, предложил ему поменяться ружьями. Немного подумав, датчанин назвал сумму доплаты, и сделка состоялась. Ларсен повернул назад, в Чизерезере, с моим "Экспрессом-400" за плечами, а я пустился за стадом, горя желанием поскорее испытать новое ружье.

Мне так и не удалось слонов, хотя преследование продолжалось еще четыре дня, Удивительнее всего было то, что животные, казалось, прекрасно обходятся без воды. Наш путь пролегал вдали от водоемов, и все встречавшиеся речки представляли собой высохшие

песчаные русла – лишь в сезон дождей по ним побежит живительная влага. В то время я не подозревал, что умные толстокожие роют себе питьевые колодцы по берегам рек, и хотя, наверное, видел эти глубокие узкие ямы, но не обращал на них внимания.

Убедившись в бессмысленности погони, я повернул обратно. В лагере произошли некоторые перемены. За два дня до моего возвращения Райт отбыл вместе со своими людьми. Он хотел навестить факторию, а затем снова вернуться к нам с большим караваном, и уверял, что мы расстаемся не больше чем на два месяца. К сожалению, он не смог сдержать обещание, и больше мы с ним не увиделись. Как мне впоследствии сообщили в официальных кругах, "Дэвид Райт пропал без вести в ходе предпринятой им на свой страх и риск экспедиции в Валундаленд в конце 1906 года".

Бедного слоненка я уже не застал в живых. Оказалось, что он по-прежнему ничего не ел, слабел с каждым днем и мерз от истощения; временами он рисковал свалиться в костер, подходя к самому огню. Ни теплым, ни холодным молоком соблазнить его не удалось. Возможно, сыграл свою роль запах – у слонов прекрасное обоняние, а козье молоко пахнет, конечно, иначе, чем слоновье. Видя, что малыш обречен, Хэмминг скрепя сердце был вынужден пристрелить его, чтобы избавить от бессмысленных страданий. Вся эта история произвела на моего друга удручающее впечатление, и он просил в дальнейшем не впутывать его в подобные ситуации. Я тоже извлек для себя два урока на будущее: во-первых, не стрелять слоних (тем более, что это запрещено), во-вторых, не пытаться отлавливать слишком юных детенышей, поскольку их все равно не удастся выкормить.

Между тем ва'лунда наглели с каждым днем. По ночам они подбирались так близко к лагерю, что круглые пули гладкоствольных ружей представляли

вполне реальную опасность. Но мы по-прежнему не принимали никаких ответных мер, и это обернулось для нас самым неожиданным образом.

Как-то раз двое людей из деревни Чевулы были схвачены в лесу нашими противниками. Затем их отпустили обратно, чтобы передать нам – разумеется, на словах – ноту следующего содержания:

"Чинделе, теперь мы знаем, что вы неуязвимы для пуль. Это вам не поможет – оружие наших предков сильнее власти колдунов. Мы убьем вас стрелами, а когда вы умрете, каждый человек нашего племени сделает себе амулет из кусочка вашего тела и тоже станет неуязвимым для пуль. Вы лжете, называя себя друзьями ва'лунда. Мы знаем, что вы дети Шаманкунгуло, пожирающего человеческое мясо, и такие же людоеды, как и он."

Выслушав свой приговор – а послы произнесли его с большим чувством и теперь смотрели на нас выжидательно – мы с Хэммингом сперва остолбенели, а потом чуть не свалились от хохота. Старина Ларсен заочно удружил нам! Но здесь требуется небольшое пояснение.

"Чинделе" означает "красные люди". Происхождение этого прозвища очень просто – под африканским солнцем наши лица, руки и ноги давно уже загорели до медно-красного оттенка. Что касается обвинения в людоедстве, то оно возникло следующим образом.

Однажды голодный Ларсен, придя в какую-то деревню, попросил продать ему козу. Поскольку языка ва'лунда он не знал, разговор велся с помощью жестов. Вождь, очень толстый человек, привел невероятно тощую козу, и рассерженный датчанин, показывая то на нее, то на вождя, стал объяснять, что ему нужна другая козы, поупитаннее – а в качестве примера упитанности служил опять-таки вождь. Жители пришли в ужас,

решив, что Ларсен задумал купить и съесть их почтенного предводителя. При этом лишним доказательством каннибальских наклонностей датчанина явилась его густая рыжая борода – вещь для ва'лунда невиданная и неслыханная. Было совершенно ясно, что борода служит лишь одной цели: прикрывать окровавленную пасть людоеда в те минуты, когда он пожирает человеческое мясо. В общем, Ларсен покинул деревню без козы и в страшном гневе – все от него попряталась, а по окрестностям вскоре разнесся слух о грозящей беде.

Что до нас с Хэммингом, то мы пришли в страну ва'лунда с юга, как и Ларсен, и наша кожа была такого же цвета. В дороге мы постоянно спрашивали, где находится таинственный "Чама Кунгуло", и, на взгляд ва'лунда вполне годились ему в сыновья. Впрочем, он и вправду был старше нас лет на двадцать. Сопоставив эти факты, ва'лунда сообразили, что теперь их дело дрянь – на помощь старому людоеду явились два молодых. А Ларсена они боялись панически – помимо возведенной на него напаслины, этому способствовали свойственные датчанину вспышки неукротимой ярости и слава бесстрашного истребителя слонов.

Отсмеявшись, мы обсудили положение. Честно говоря, я был не в восторге от решения ва'лунда сменить ружья на луки и стрелы. Ставшая уже привычной и безвредная до сих пор пальба казалась куда меньшей неприятностью, чем отравленная стрела, бесшумно летящая в спину из зарослей. Увы! Наше равнодушие к обстрелу убедило негров, что порох и свинец вообще неспособны причинить какой-либо вред "чинделе", и теперь нас собирались извести старинным испытанным средством. Все же мы сочли самым разумным не менять своего обычного поведения и по возможности игнорировать агрессивные вылазки

ва'лунда – если, конечно, они будут оставаться в границах терпимого.

17 сентября пришло известие о небольшом отряде слонов, замеченном в верховьях Лафизи, к северо-востоку от лагеря. Там, в густых джунглях между Лафизи и Макондо, росло много дынных деревьев, и не было сомнения, что слоны направляются именно туда – уже пришло время созревания плодов. Быстро собравшись, я в сопровождении пяти человек выступил в указанном направлении.

Солнце уже садилось, когда неподалеку от нас в зарослях послышался человеческий крик, повторившийся три раза. Я ответил, и через несколько минут мы встретились с Ларсеном. Он преследовал другое стадо слонов и, наткнувшись на наши следы, отправился выяснить, кто это. Я не отказал себе в удовольствии рассказать датчанину об ущербе для нашей репутации, проистекшим из-за знакомства с ним.

Мы раскинули лагерь. Большим неудобством было отсутствие воды в окрестностях нашего ночлега. Правда, во флягах и калебасах ее нашлось достаточно, чтобы напиться чаю, но с надеждой на умывание пришлось проститься. Выслушав мои сетования по этому поводу, Ларсен только фыркнул и заметил: "Подите вы в ваши ванны и души! Излишняя вода способствует лихорадке; лично я купаюсь лишь после того, как вырублю бивни у очередного слона." Поужинав, мы улеглись вокруг костра. Усталость взяла свое, и скоро мы заснули.

Наутро мы дружески простились, и мой маленький караван двинулся в прежнем направлении. Было еще очень рано, когда я увидел следы стада. Судя по всему, их оставили те самые слоны, которых мы искали.

Животные шли неторопливо, гуськом. Не успевшая просохнуть ночная роса на следах свидетельствовала, что они миновали эти места за пять-шесть часов до нас.

Определив, что в стаде есть по крайней мере один взрослый самец, я прибавил шаг.

Лес становился все гуще, и приходилось соблюдать осторожность – слоны могли неожиданно возникнуть прямо перед нами. Следы показывали, что временами животные останавливались, чтобы покормиться; в одном из таких мест остались обильные груды навоза.

Потрогав кучу босой ногой, Вильзони грустно сообщил: "Бариди" (холодный). Значит, нас по-прежнему разделяло не меньше трех часов пути. Мы шли целый день, но так и не увидели животных.

Ночью неожиданно хлынул дождь, и выспаться не удалось – сидя на мокрой траве вокруг костра, мы клевали носом и заботились лишь о том, чтобы согреться.

К утру дождь прекратился, и караван тронулся дальше. Я уже начал опасаться, что слоны каким-то непостижимым образом узнали о нашем присутствии. Характер следов изменился – животные пошли быстрее. Временами то одно, то другое совершало бросок в сторону от общего курса и затем, описав круг, присоединялось к стаду.

Снова стал попадаться навоз, и теперь он был теплым. Мы удвоили осторожность. Уставший и озлобленный столь долгим и безуспешным преследованием, я решил рискнуть. Впереди виднелись густые заросли. Оставив следы, я направился к ним кратчайшим путем. Обилие дынных деревьев позволяло предположить, что толстокожие находятся именно там.

Пробираясь меж переплетенных лианами толстых стволов, я слышал шорох. Это оказался догонявший меня Вильзони. "Назад, назад, господин! – отчаянно зашептал мой следопыт. – Слоны совсем близко, справа от нас, я их слышу. Скорее!" Мы поспешили в другую сторону, и через несколько минут увидели, как поодаль зашевелились ветки. Донесся громкий треск.

Я быстро зажег сигарету и выпустил в воздух струю дыма. К моему ужасу, она медленно поплыла по направлению к стаду. Значит, через минуту-другую животные почуют нас, если еще не почуяли. Медлить было нельзя. шепнув Вильзони: "Следуй за мной!" – я левой рукой заслонил лицо от веток и, пригнувшись, побежал к слонам, которых все еще не видел.

Треск прекратился. Остановившись на мгновение, мы огляделись и прислушались, и в этот момент сквозь листву в десятке метров от нас мелькнула темно-серая стена слоновьего бока; два длинных белых бивня распороли зелень кустарников и исчезли. Вскинув ружье, я заколебался – куда стрелять? О том, чтобы точно поразить убойное место за ухом, не могло быть и речи – в поле зрения попадали лишь небольшие участки огромной фигуры, да и то на несколько секунд. И тут вдруг над нашими головами прогремел трубный рев – слоны почуяли людей. Успев прикинуть по движению веток положение головы самца, я нажал на спуск. Оглушительные крики слонов наполнили лес, и стадо бросилось бежать. Мы с Вильзони прижались к самому большому дереву и замерли на месте. Дав животным удалиться на достаточное расстояние, я тронулся за ними. Надо было поскорее отыскать раненого слона.

Он оказался поблизости и предупредил мое намерение. Вильзони шел позади и чуть правее меня. Услышав его отчаянный крик, я повернулся и увидел, что бедный парень удирает во все лопатки, а в двадцати метрах за ним, круша кусты, мчится слон с поднятым хоботом. К счастью, здесь как раз был просвет между деревьями, и мне удалось всадить вторую пулю именно туда, куда нужно. Гигант умер мгновенно – колени его подломились, и он рухнул, с разбега перевернувшись через голову.

Итак, мое упорство вознаградилось. После того, как были извлечены бивни, мы переночевали и двинулись в

обратный путь. Через день нам встретились следы каравана. Это мог быть только Хэмминг. Действительно, скоро между деревьями показался его лагерь. Возвращаясь после безуспешного шестидневного преследования одинокого слона, мой друг решил дать день отдыха себе и своим людям. Он подстрелил большого буйвола, и теперь в лагере шел пир, к которому мы охотно присоединились.

Я думал, что ливень прошлой ночью был лишь досадной случайностью, но жестоко ошибся. Сезон дождей в этом году начался необычно рано, и нам пришлось поторапливаться, поскольку палатки остались в главном лагере у Чевулы.

Мы шли к нему напрямик, по компасу, и в пути пережили небольшое приключение, которое использовали с выгодой для себя.

На берегу одного из притоков Макондо караван наткнулся на незнакомую деревню. Жители, как обычно, приветствовали нас выстрелами и затем скрылись в лесу. В деревне нам досталась военная добыча – несколько десятков женщин, с любопытством ожидавших, как "чинделе" возьмут их в плен. Теперь, зная нравы и обычаи ва'лунда, мы не стали пренебрегать этой возможностью и прихватили оживленно болтавших красавиц к себе лагерь. Это дало отличный результат. Через пару дней здешний вождь – его звали Калеги – явился выкупать пленниц. В качестве платы нам была предложена корова с теленком и несколько свертков ситца. Молочная корова среди джунглей казалась истинным даром небес – молоко давно уже стало для нас забытым деликатесом. Отказавшись от ситца, мы щедро наделили вождя искусственным жемчугом и с большим облегчением вернули ему всех деревенских дам. Корова не вполне оправдала наши ожидания, поскольку надой не превышал двух стаканов в день, но все же это было

лучше, чем ничего. Мы порешили при первой же okazji захватить новую партию пленниц и потребовать в уплату самую дойную их всех коров Валундаленда.

Вождь Калеги при ближайшем знакомстве оказался неплохим и вполне доброжелательным человеком. Он объяснил, что обстрел нашего каравана произошел по недоразумению. Как бывало уже не раз, нас приняли за вездесущих мамбари. Впоследствии я вернул захваченные в его деревне ружья, и с того дня Калеги считал себя и своих подданных как бы нашими вассалами. Это было вполне естественно для ва'лунда – по их обычаям, победитель, получив выкуп, становился покровителем побежденного, помогает ему и защищает от нападений врагов.

Глава VIII

Лагерь у Чипавы

Наш лагерь не годился для периода дождей, да и ресурсы местных жителей были очень ограничены. Ввиду этого мы решили переместиться к покинутой деревне Чипавы – там, по крайней мере, имелись обширные поля маниоки, которые могли выручить в случае нужды. Подходящее место нашлось на берегу Макондо, в четверти часа ходьбы от деревни.

Вождь Чевула предоставил нам двадцать пять человек в качестве помощников для постройки нового лагеря. Но все они разбежались, едва были возведены каркасы хижин. С этого момента неприятности следовали одна за другой. Наутро к нам явилась депутация носильщиков-баротсе, сообщившая о желании всех баротсе вернуться на родину. Кроме них у нас оставалось лишь десять человек разных племен, в основном с берегов Луапулу. Они выразили готовность продолжить службу, пока не вернется Райт с новым караваном. Решение баротсе поставило нас в крайне затруднительно положение, но осуждать их было невозможно: люди не могли больше жить в этой стране, где нет ни молока, ни фруктов, ни какого-либо зерна. Поэтому мы не стали им препятствовать и, рассчитавшись, отпустили с миром.

В деревне Чевулы мы соорудили в свое время хижину, служившую продовольственным складом. Период дождей, наступивший раньше положенного срока, привел к тому, что все припасы подмокли. Правда, это не имело особого значения – когда вода проникла в хижину, продукты были уже на исходе. Соль

кончилась две недели назад, и с тех пор мы питались маниокой и непосоленным мясом.

Как-то раз я застал Хэмминга за тщательным вылизыванием плоской жестяной крышки. На вопрос, чем он занимается, мой друг с достоинством ответил: "Вылизывая крышку" – это я видел и сам. "В жестянке была соль, и несколько кристалликов застряло в углах – не пропадать же им." Я промолчал, но немного встревожился. Мелкие эпизоды, вроде этого, постепенно складываясь, могут создать довольно тяжелую атмосферу и свидетельствуют не только о физическом, но и о нервном истощении.

Особенно заметно сказывалось на нашем здоровье отсутствие овощей. Кровь пришла в плохое состояние, и малейшая царапина легко превращалась в труднозаживающий нарыв. Кроме того, не меньше трех раз в неделю нас трепала лихорадка. Все это невольно наводило на мысль, что здешний климат, как ни крути, не подходит для европейцев. Чтобы дать окончательную картину ощущений африканского путешественника, остается лишь напомнить о поведении туземцев, которое – в лучшем случае – определяется пассивной враждебностью.

Рассудив, что сидеть на месте в нашем положении гораздо тяжелее, чем двигаться, мы решили снова заняться поисками слонов. Оставив с грехом пополам достроенный лагерь на попечение старшего боя Джумы (Райт велел ему сопровождать нас до его возвращения), мы в конце октября вышли в противоположных направлениях – Хэмминг на восток, а я на запад.

Не успев перебраться через Макондо, я услышал выстрелы, доносившиеся со стороны лагеря. Пришлось повернуть обратно. Оказалось, люди Чипавы решили воспользоваться нашим отсутствием. Караван Хэмминга вышел за день до меня, и они полагали, что мы отправились вместе и теперь находимся достаточно

далеко. Когда я неожиданно появился в лагере, нападавшие мгновенно скрылись в джунглях.

Для верности мне пришлось задержаться еще на сутки. Через день мы выступили снова, и уже к полудню обнаружили следы небольшого стада. На второй день преследования слоны свернули в густые джунгли. Характер следов, петлявших из стороны в сторону, показывал, что животные собираются остановиться для кормления. теперь они могли возникнуть перед нами в любую минуту, и двигаться приходилось очень осторожно.

Вдруг послышался шорох. Шедший впереди следопыт остановился, поднял руку, и я тоже замер на месте, стоя на одной ноге, как журавль, и не смея опустить другую. Все обратились в слух, но виновником тревоги оказался всего лишь белоспинный дукер. мы перевели дыхание и последовали дальше.

Пробираться в подобных зарослях – удовольствие ниже среднего. деревья стоят сплошной стеной и густо заплетены лианами, меж которыми приходится ползти то на животе, то на боку. Временами путь преграждали огромные стволы упавших лесных великанов, и мы карабкались через них в полной тишине, обдирая руки и ноги об острые сучья и рискуя схватиться вместо ветки за древесную гадюку.

кругом царил влажный полумрак. Казалось просто невероятным, что совсем недавно это же дорогой шли слоны. На самом деле огромные толстокожие перемещаются в самых непроходимых зарослях совершенно свободно. Действуя хоботом и бивнями, они ловко раздвигают лианы; кустарники и молодые деревца раздаются в стороны под напором огромной твердой туши и затем выпрямляются снова. А упавшие деревья, доставлявшие нам столько хлопот, слоны легко перешагивают.

Но вот впереди послышался тихий, очень своеобразные рокочущий звук – обычно его называют слоновым урчанием. Многие охотники считают, что этот звук связан с пищеварением, то есть просто с бурчанием необъятного слоновьего брюха. На основании собственного опыта могу сказать, что это заблуждение. Звуки "желудочного" происхождения можно услышать, лишь подобравшись к слону почти вплотную. Они действительно имеют похожий тембр, но все же отличаются от знаменитого урчания, которое, почти не меняя громкости, распространяется почти на пятьдесят-шестьдесят метров. Существенным для охотника является то, что урчание издают только непотревоженные слоны – при первых признаках какой-либо опасности оно резко прекращается (еще одно доказательство отсутствия связи с пищеварением). В этом смысле слоновье урчание можно сравнить с мурлыканьем домашней кошки.

Вильзони достал ружейную гильзу с сухой мукой и, взяв щепотку, подбросил в воздух. Проследив за движением облачка, он повернулся ко мне: "Господин, надо скорее уходить в сторону. Ветер дует прямо от нас к слонам." Даже тихий шепот следопыта казался мне непереносимо громким – я представил десяток огромных ушей, чутко ловящих каждый звук. Мы свернули, и если до сих пор путь казался очень трудным, то теперь нам предстояло узнать, каким бы он был, если бы слоны не проложили тропу.

Около полусотни метров пришлось ползти на животе, толкая перед собой ружье.

Оказавшись с наветренной стороны, я выслал на разведку второго из моих следопытов – большеголового карлика Кабинду. Бесшумно, как ласка, скользнув между лианами, он уже через несколько секунд скрылся из вида.

Урчание не прерывалось, и это вселяло надежду. Кабинда вскоре вернулся и сообщил, что в стороне от стада, чуть левее, стоит старый самец с большими бивнями. Мы двинулись вперед.

На мне были теннисные туфли с подошвами из тонкой резины, позволявшие передвигаться совершенно бесшумно. Это была последняя пара – впоследствии я смастерил себе парусиновую обувь для охоты, пустив на нее полотнище палатки. Мы осторожно откладывали в сторону каждую валявшуюся на земле ветку, каждый сухой лист. Каких-нибудь десять-пятнадцать шагов отделяло нас от наших жертв. Урчание становилось все громче, но я по-прежнему ничего, абсолютно ничего не видел! Еще шаг, другой – и вот над зеленью мелькнули спины слонов. Я оглянулся, высматривая самца, и в этот миг словно беззвучная бомба взорвалась в стаде: хоботы взлетели вверх, трубный крик потряс джунгли, и животные, круша все на своем пути, обратились в бегство.

Что же произошло? Вскоре все разъяснилось. Прежде чем обходить слонов, я послал боя назад – остановить носильщиков. Парнишка разминулся с ними в густом лесу, и люди приблизились к стаду с подветренной стороны. Последствия не заставили себя ждать.

Еще два дня мы преследовали слонов, и не меньше полудюжины раз я подбирался к ним столь же близко, но сделать выстрел мне так и не удалось. Убедившись в бесполезности погони, я повернул караван в Чизерезере.

Лагерь Ларсена уже опустел. Оставленная записка сообщала, что он отправился в Нана-кандундо, чтобы оттуда двинуться к западному побережью. К сожалению, мне больше не довелось встретиться с рыжебородым датчанином, и я уже нигде о нем не слышал.

Провизия у нас практически кончилась, и я решил дойти до миссис Калунда-Хилл в надежде добыть там хотя бы самое необходимое. По пути туда мы увидели следы одинокого слона, и несмотря на голод, я не смог удержаться от искушения.

Было начало ноября – время созревания плодов "мапунда". Они растут на больших, могучих деревьях, чей ствол достигает полутора метров в поперечнике и разветвляется, лишь начиная с пятиметровой высоты. Мапунда похожи на маленькие яблоки; их сладкая, мучнистая мякоть очень вкусна и питательна. Слоны обожают эти плоды и никогда не оставляют без внимания дерево с созревшими мапунда. Сбор урожая в данном случае требует от толстокожих немало усилий и изобретательности, но они прекрасно справляются с этой задачей. Все происходит следующим образом.

Обнаружив дерево с созревшими мапунда, слон сначала тщательно и аккуратно собирает все паданцы, посылая их в рот один за другим – сама по себе большая работа, учитывая размеры и аппетит едока. Все равно как если бы человек насыщался отварным рисом, рассыпанным на земле, подбирая его по зернышку двумя пальцами. Затем, поглядев вверх, слон убеждается, что на ветвях осталось куда больше мапунда.

Поднявшись на задние ноги, ему удастся дотянуться хоботом до нижних ветвей и обобрать их, но много ли там? Не больше тридцати-сорока фунтов – так, легкая закуска. Самые спелые, подрумяненные солнцем плоды висят на недосыгаемой высоте. Как быть? И вот слон отступает на несколько шагов, разбегается и с размаха ударяет лбом в ствол. От страшного толчка огромное дерево содрогается до самых корней, и все спелые мапунда срываются в веток. А слон, стоя под дождем сладких плодов, с удовлетворенным видом покачивает головой. Теперь остается подобрать

угощение, и можно отправляться на поиски следующего дерева. Впоследствии мой друг Мак-Нейл рассказывал, что в Восточной Африке слоны точно таким же образом добывают плоды манго.

Старый самец, которого я преследовал, имел фору примерно в тридцать часов, но не сумел использовать свое преимущество. Мы догнали слона и подкрались как раз в тот момент, когда он пересекал небольшую прогалину в джунглях. Мне удалось сделать два точных выстрела, и слон, не издав ни звука, повалился на бок.

Последние дни дождь лили как из ведра, но вот наконец проглянуло солнце. Идя напрямик, по компасу, мы натолкнулись на деревню, где я стал свидетелем очень любопытного обряда, который можно назвать "праздником созревания" – он устраивается, когда одна из девушек достигает половой зрелости. После появления несомненных признаков виновницу торжества укладывают на деревенской площади, накрыв пестрой циновкой из пальмовых волокон. Все женское население деревни движется вокруг нее в медленном танце, поочередно сменяясь, и так продолжается до конца кровотечения. Девушка лежит неподвижно; они не должны ни есть, ни пить от восхода до заката. Только с наступлением темноты женщины отведут ее, с головы до ног закутанную в покрывало, к реке, где она сможет умыться и утолить жажду. И я могу заверить читателя, что это нелегкое испытание даже для юной негритянки – пролежать весь день под палящим солнцем, не имея возможности освежить пересохший рот глотком воды.

Миссионеры, естественно, всячески искореняют подобные обычаи, и потому туземцы стараются проводить эти праздники в тайне от белых. Но мы пришли в деревню слишком внезапно, а прерывать обряд строжайше запрещено. Желая вознаградить людей за оказанное мне доверие, я сообщил им, где

находится туша убитого слона. Мужчины помчались за мясом, а мы пошли дальше.

Уже на подходе к миссии меня опять одолела лихорадка, так что дружеский прием и сочувствие, оказанные мне преподобным м-ром Каннингэмом и его супругой, были как нельзя кстати.

Здание Калунда-Хилл построены на высоком холме. Это очень разумно, так как на открытой местности москиты не поднимаются выше нескольких метров. Я провел там два дня, отдыхая и набираясь сил. единственным не совсем приятным обстоятельством являлся религиозный пыл м-ра Каннингэма. Бывший столяр, он совсем недавно получил духовное звание и стал миссионером, и теперь со страстью новичка надоедал мне длинными проповедями о тернистом пути к спасению. Насколько я смог уяснить, некоторые шансы спастись оставались лишь у него самого и – в меньшей степени – у его паствы.

Надо заметить, что это был исключительный случай. В своих странствиях по Африке я встречался со многими миссионерами, и почти никто из них не пытался говорить со мной на религиозные темы.

Во время пребывания в Калунда-Хилл мы пережили великолепнейшую грозу, самую величественную и красочную из всех, когда-либо виденных мною. Тот день был необыкновенно жаркий и душный, и все обрадовались, увидев, что небо затягивают темные облака. Вскоре свет померк, словно наступили сумерки; иссиня-черные тучи, сомкнувшись, заслонили солнце. Через минуту громовой удар потряс горы, и началось! Я вышел на веранду. Зрелище было незабываемое. Сверкающие столбы молний падали один за другим, и гром перекатывался от горизонта до горизонта, не умолкая ни на миг. Часть туч шла почти над самой землей, ниже вершин холма, и их темная поверхность озарялась ослепительным мертвенно-белым светом.

казалось, что мы на острове, затерянном среди волнующегося призрачного моря.

Это гроза вознаградила меня за все проповеди преподобного Каннингэма. Наутро мы двинулись дальше. По дороге я нанял пару носильщиков – ва'лунда. Оба парня обещали не покидать караван в течение двух месяцев.

Как-то ночью я увидел необычайно реалистичный сон: будто ва'лунда напали на наш лагерь, разграбили и сожгли его дотла. Все это выглядело настолько правдоподобно, что я решил поскорее вернуться в Макондо. К тому же лихорадка по-прежнему не оставляла меня, и преследование слонов было бы сейчас не по силам.

Идя вдоль берега Лондоиши, мы увидели большое стадо буйволов. Свежее мясо у нас кончилось несколько дней назад, и мне давно хотелось испытать действие 600-го калибра на другой дичи, кроме слонов. Схватив двустволку, я стал подкрадываться к стаду.

Местность была открытой, и животные заметили меня слишком рано. Громко мыча, буйволы устремились к кустам. Бросившись за ними, я обогнул высокий термитник, и тут чуть не столкнулся со старым быком – он обходил его с другой стороны.

Буйвол, видимо, не собирался нападать, и встреча была для него столь же неожиданной, как и для меня. Но размышлять не приходилось. Не целясь, я почти в упор разрядил в него один из стволов, и пуля попала в шею.

Это была очень наглядная картина действия крупного калибра на ближней дистанции! Удар силой в четыре тонны подбросил огромного быка вверх и развернул кругом. Он умер, прежде чем коснулся земли, и теперь лежал почти у моих ног, хвостом ко мне.

Позднее я установил, что сокрушительный эффект 600-го калибра не менее очевиден при охоте на

носорога – первое же попадание в любую часть тела надежно останавливает даже атакующее животное.

Восхищенные носильщики столпились вокруг и рассматривали убитого буйвола. Эти моментом воспользовались оба ва'лунда, нанятые мной накануне – попросту говоря, удрали. Поразительные люди! Их никто не принуждал, они добровольно предложили свои услуги и дезертировали, как только возникла нужда в их помощи.

После того, как буйвола разделали, я поручил Вильзони с несколькими людьми, двигаясь ускоренным маршем, доставить голову с рогами в наш лагерь у Чипавы. Сам я из-за лихорадки мог делать не больше десяти-пятнадцати километров в день.

К моему удивлению, Вильзони снова предстал передо мной через двое суток, чтобы сообщить радостное известие: в лагере хозяйничают львы – людоеды. Они загрызли женщину из соседней деревни, а потом двух мужчин, пытавшихся отнять у зверей их несчастную жертву. Никто из наших людей пока не пострадал, но львы за одну ночь передушили всех коз – около двадцати голов – и всех кур в нашем лагере.

Нужно было спешить. По пути нам довелось пережить небольшое приключение, связанное не со львами, а с племенем ва'лунда.

До лагеря оставался всего, когда мы подошли к деревне вождя Магенды. В миссии Калунда-Хилл мне не удалось добыть почти никакого продовольствия, и я решил попытаться купить его здесь. При приближении каравана женщины и дети скрылись в лесу, а мужчины, против обыкновения, остались на месте. Это был дурной признак. Тем не менее мы вошли в деревню, делая вид, что не замечаем ружей, там и сям небрежно прислоненных к хижинам. хозяева сидели рядом и молча смотрели на нас.

Подойдя к Магенде, я велел поставить рядом с ним стул, сел и заговорил с вождем о покупке какой-нибудь пищи. Отвечал он нехотя, и было очевидно, что мысли его заняты совсем другим. Мой дружелюбный и спокойный тон ввел вождя в заблуждение. решив, что ему удалось усыпить мою бдительность, он внезапно схватился за мушкет. Никогда не видел более изумленного выражения, чем было у Магенды, внезапно растянувшегося на земле от крепкой затрешины. Мушкет лежал рядом, и я наступил на него ногой. испуганные столь быстрым и энергичным отпором, остальные воители замерли на своих местах.

В этой потасовке особенно отличился малыш Кабинда. Пока я обменивался любезностями с вождем, карлик заметил, что двое ва'лунда, взяв ружья, тихонько двинулись к лесу. Кабинда не растерялся. Схватив дробовик с патронами 303-го калибра, он кинулся за беглецами. Не знаю, как это ему удалось, но вскоре нашим глазам предстало удивительное зрелище: маленький Кабинда с кровожадной миной на физиономии конвоирует ко мне двух понурых здоровенных парней. Самым забавным было то, что Кабинда захватил двух вооруженных противников, сам будучи практически безоружным – выстрелить из дробовика пулевым патроном 303-го калибра так же трудно, как метнуть бумеранг из рогатки.

По законам ва'лунда за пленников полагался выкуп. Вождь привел Кабинде четырех коз, но мой практичный помощник тут же обменял их на ситец.

25 ноября мы добрались до лагеря. Было сыро и зябко. Хэмминг все еще не вернулся. Наша живность пошла на закуску львам, и между хижинами уже успела вырасти молодая травка.

мы соорудили махан, и по ночам, если позволяло самочувствие, я сидел в засаде. Львы неоднократно подавали голос, но не показывались. И вот однажды

вечером, человек, ходивший за водой, прибежал обратно с криком: "Тау!" ("лев" на языке баротсе). Я бросился в хижину за винтовкой. Задержавшись у двери, чтобы предупредить остальных людей, я оглянулся и увидел громадного густогривого льва – сопровождаемый львицей, он неторопливой рысцой трусил по лагерю, поглядывая по сторонам. Через две секунды я снова появился в дверях, и как раз в тот момент, когда щелкнул затвор винтовки, звери прибавили шагу и скрылись в зарослях. Начатое было преследование пришлось отложить из-за быстро спускавшейся темноты.

Обозленный неудачей, я вернулся в лагерь, и едва успел взять кружку с чаем, как где-то совсем рядом послышалось низкое раскатистое ворчание. Видимо, львы шли за мной по пятам.

Велев принести одну из купленных в дороге коз, я привязал ее к дереву в десяти шагах от хижины, а сам сел внутри с винтовкой в руках, слегка притворив дверь. Судя по поведению козы, львы были неподалеку, но так и не показались.

Утром выяснилось, что большую часть ночи оба зверя провели за углом хижины, в трех шагах от меня. На влажной земле виднелись четкие отпечатки их тел. Пролежав несколько часов совершенно неподвижно и беззвучно, львы так и не решились взять приманку и ушли. больше они нас не беспокоили.

Но жизнь была тяжелой и без львов. Дожди лили по-прежнему; стены и крыша протекали, и нередко на полк собирался двухдюймовый слой воды. Как-то раз Кабинда готовил мне ванну (эту походную ванну из прорезиненного брезента на складывающейся раме я брал во все путешествия). Налив туда горячей воды, Кабинда не стал утруждаться и ходить к реке за холодной, а взял черпак и принялся плескать в ванну воду из большой лужи на полу хижины. Застав его за

этим занятием, я заметил, что вода слишком грязная. "Конечно, господин, – ответил, нимало не смутившись, мой хитроумный карлик, – это грязная вода, но ведь ты не собираешься ее пить. Вода взбаламученного дождями Макондо тоже грязная и даже очень грязная – а ты пьешь ее каждый день."

Чтобы скоротать время в ожидании Хэмминга, я каждый день ходил на охоту, но без особых успехов. Дожди, лихорадка – редкий день обходился без приступа – и плохое питание основательно пошатнули мое здоровье, и я начал впадать в меланхолию. Сигареты давно уже кончились, и приходилось курить зеленые листья местного табака, просушив их перед огнем или на солнце, а затем в искрошенном виде набивая трубку. Этот зеленый табак кажется поначалу не очень приятным, но к его своеобразному вкусу быстро привыкаешь, и происходит удивительная метаморфоза: курить после него европейские или американские сорта становится совершенно невозможно. К счастью, почти во всех деревнях жители выращивают табак для собственных нужд, и его можно купить в любом районе Африки. Негры не только курят, но и нюхают табак, но я никогда не видел, чтобы они пользовались им для жевания.

Вскоре на лагерь обрушилась новая напасть – странствующие красные муравьи. Об этих существах, называемых "мпази" в Центральной Африке или "сиафу" в Восточной, следует рассказать подробнее.

Муравьи движутся колонной. Ширина ее не более десяти сантиметров, но длина может достигать километра и двух. В средней части колонны идут "рабочие", величиной примерно с европейского муравья, но отличающиеся от него тем, что не имеют глаз. По краям маршируют "солдаты" – они вдвое крупнее, с большой головой и мощными челюстями. Ужасная армия бесшумно и быстро движется через джунгли, сохраняя

строй, пока на пути не возникает какое-нибудь препятствие. В последнем случае поверхность почвы как бы вскипает, мгновенно покрываясь сплошным блестящим рыже-красным ковром из насекомых, и если препятствие было живым существом, то оно обречено. Жить ему осталось считанные минуты, и когда армия пройдет дальше, на земле будет лежать чистый, белый, досуха объединенный скелет. Такая участь ждет каждого – от замешкавшейся землеройки до буйвола, заснувшего на пути муравьев. Вместе с тем, если путь свободен, "мпази" не отклоняются в сторону и рыщут в поисках добычи. Можно стоять в трех футах от этой живой реки и быть при этом в относительной безопасности. Когда над лагерем разносится крик: "Мпази!" – нельзя терять ни минуты. Человека, облепленного муравьями, ждет злая смерть, особенно если он один. С посторонней помощью иногда удастся спастись, если моментально скинуть всю одежду и предоставить друзьям и слугам быстро стряхивать и обирать муравьев с голого тела.

Имеется лишь одно действенное средство, способное защитить от нападения полчищ "мпази" – рицинус. По неведомым причинам муравьи не желают иметь с ним ничего общего, и если выложить круг из свежесорванных листьев рицинуса, то можно стоять в центре, глядя, как река насекомых обтекает вас с обеих сторон. Жаль только, что в самый нужный момент этого растения обычно не оказывается под рукой!

Колонный проклятых муравьев дважды проходили через наш лагерь, выбирая для своих визитов ночные часы. Каждый раз, услышав крик часового, мы выбегали их хижин и до утра сидели в лесу у костра, под проливным дождем, пока последний муравей не исчезал в траве. А ночь под дождем во время приступа лихорадки не способствует хорошему самочувствию.

Я устроил небольшой охотничий лагерь на берегу Манинги, возле "слоновьего водопоя". Толстокожие обычно пьют в одном и том же месте, даже если берега реки доступны на всем протяжении. К водопю от слоновьих троп в зарослях ведет хорошо утоптанная дорога двухметровой ширины. Как-то раз, возвращаясь оттуда к деревне, я встретил в лесу группу охотников из племени мамбунда. Они были вооружены старыми мушкетами, но в дополнение к ним оснастились некоторыми традиционными африканскими средствами, очень заинтересовавшими меня.

Увидев у каждого из людей палочку с мелкими пилообразными зазубринами, я спросил, для чего она служит. Как ни удивительно, оказалось, что это... манок для слонов, вроде берестяной трубы, используемой в Европе и Америке при охоте на оленей! Подкрадываясь к стаду, охотники поочередно "играют" на этом своеобразном инструменте, проводя зазубринами взад-вперед отрезком сухого бамбука. Раздается звук, очень похожий на урчание слонов, и животные, слыша его, продолжают спокойно пастись.

Кроме того, охотники имели при себе некое снадобье, приготавливаемой из многих составных частей – туда входили моча антилопы, сок каких-то плодов с неизвестным мне названием и что-то еще. Мамбунда уверяли, что человек, намазавшись этим составом, может спокойно бродить посреди слоновьего стада – не попадаясь, конечно, на глаза животным; откуда бы ни дул ветер, слоны не почуют запаха врага.

Мне очень хотелось получить образцы этих остроумных туземных обитателей, но охотники наотрез отказались продать деревянный манок или калebas с зельем, хотя я всячески соблазнял их дорогими подарками.

В начале декабря к нам а лагерь явились посланцы вождя Калеги. Им требовалась военная помощь – кто-то

из соседних вождей угрожал их деревне. Тщетно уверял я депутатов, что не могу, не имею права вмешиваться в племенные раздоры – они стояли на своем: когда-то я победил их, принял выкуп за пленных, и теперь они находятся под моей защитой и покровительством. Не зная, как выпутаться из столь щекотливого положения, я долго ломал голову и наконец нашел выход. В лагере была старая винтовка системы Мартини-Метфорд. Вынув из нее затвор, я вручил гонцам грозное европейское оружие и даже прибавил для большего впечатления несколько патронов с дробью. Я велел передать винтовку моему чернокожему другу и одновременно сообщить вражескому вождю, что я, Чиаambi, посылаю пока – вместо себя самого – свое оружие моему брату, вождю Калеги. Обрадованные послы удалились.

Все устроилось как нельзя лучше. Через две недели Калеги сообщил, что винтовка помогла ему одержать без боя блистательную победу. Мои слова были переданы нескольким пленным из вражеского стана, а затем им предъявили винтовку, после чего отпустили. Вернувшись домой, они рассказали обо всем своему воинственному вождю, и тот не замедлил признать себя побежденным, прислав Калеги дары и прося в дальнейшем о покровительстве.

Вскоре после этого я нашел вблизи от лагеря гигантскую змею. Это был питон – он только что проглотил антилопу и теперь лежал, не в силах пошевелиться. Задумав некий дьявольский розыгрыш, я велел запихнуть огромное пресмыкающееся в большой мешок. Два человека взвалили на плечи палку с привязанным мешком, и мы отправились в лагерь. Придя, я объявил людям, что мне удалось сторговать сотню фунтов кукурузы, которую они могут разделить между собой, затем развязал мешок и отступил в сторону. Все, расталкивая друг друга, бросились к

добыче, но тут же с пронзительными воплями отпрянули прочь, увидев вместо золотистых зерен огромную плоскую голову с холодными глазами. Конечно, нехорошо шутить над голодными людьми, но я и сам был не менее голоден – все мы питались одним и тем же.

Когда прошел первый страх, змею вытряхнули на землю. Убедившись, что она обездвижена, носильщики дразнить несчастную тварь. В конце концов питону это надоело, и он начала судорожными движениями отрыгивать проглоченную антилопу. Мне удалось сделать снимок как раз в тот момент, когда добыча выходила из змеиной глотки. особенно поразительной была подвижность челюстей. Они разошлись чуть ли не на фут, и казалось, что голова змеи просто разделилась на две половины – верхнюю и нижнюю.

Длина питона составляла семнадцать футов, а вес антилопы в том виде, в как она появилась на свет – около сорока фунтов. На следующий день, возвращаясь с охоты, я увидел наконец следы каравана Хэмминга; то, что это именно он, доказывали отпечатки сапог среди босых ног носильщиков. Пospешив в лагерь, я обнял своего друга, возвращению которого был несказанно рад.

Все рождественские праздники мы встретили в подавленном настроении, и даже бутылка секта не смогла его изменить. Наши желудки пришли в полную негодность и не желали принимать местную пищу. Дожди продолжались, лихорадка тоже.

Посоветовавшись, мы решили дойти до крепости Нана-Кандундо, а оттуда, если позволят обстоятельства, направиться к Западному побережью. Окончательную выработку маршрута мы отложили до получения ответа на письмо, отправленного мною месяц назад в Германскую Восточную Африку.

Хэмминг начал готовить все для предстоящего большого перехода, а я тем временем, собравшись с илами, сделал еще одну попытку поохотиться на слонов. Эта восьмидневная вылазка оказалась очень неудачной. Обнаружив следы старого самца, я преследовал и догнал его, но сказалось изнурение последних недель. нервничая и боясь упустить слона, я выстрелил слишком рано. Патрон оказался неисправным, и отдача развернула и бросила меня на колена; пуля вошла в дерево. Прежде чем я успел разрядить второй ствол, слон был уже вне пределов досягаемости. Погоня продолжалась еще два дня, но 31 декабря я почувствовал, что силы покидают меня, и повернул обратно.

Это был самый грустный Новый год в моей жизни. Больной и измученный, лежал я ночью посреди буша, слушая, как потоки дождя хлещут по скатам палатки. Лихорадка не отступала. Хватит ли у меня сил дождаться солнца?

Глава IX

В стране валовале

Началась полоса неудач. В первый день нового, 1907 года, Кабинда с сияющим видом сообщил, что у нас вышли все продукты, осталось лишь немного риса. Пока я переваривал эту новость, меня в щеку ужалили шершень – и прошу поверить, что укус европейской пчелы покажется рядом с ним легкой щекоткой.

На следующий день недалеко от лагеря прошло стадо слонов. Кликнув пару слуг и своего оруженосца Вильзони, я бросился в погоню. Трое суток мы продирались сквозь джунгли, и лишь к вечеру третьего дня увидели животных. Но нас постигла жестокая неудача. Ветер изменился, и небольшая группа слонов, стоявших в стороне от стада, почуяла людей, и догнать их уже не удалось.

Наутро мы повернули к лагерю, но напряжение последних дней не прошло бесследно – меня опять свалила лихорадка. Двое суток я провел в буше, не в силах не то что идти, а даже пошевелиться. Растерянные и изголодавшиеся люди не могли мне помочь. Их положение было немногим лучше. у нас не было почти никакой еды – лишь немного риса и чая, но ни кусочка сахара, не осталось и сахарина. Наконец мне полегчало, и мы поплелись к лагерю. Я пробовал охотиться, но неудачно – руки дрожали, и даже подравнив антилопу, я не смог догнать и добить ее. Вильзони тоже сходил на охоту с моим ружьем и тоже вернулся с пустыми руками.

Колени ныли от ревматизма, а к лихорадке присоединились боли в желудке. Я шел как в бреду – напрямик, через джунгли, через буш, ориентируясь

лишь по компасу. Не знаю, как мне удалось выдержать эти три перехода. Добравшись до лагеря, я сразу погрузился в тяжкий сон, похожий на обморок. Выздоровление еще не наступило, и я был очень слаб.

Через день Вильзони снова попросил ружье и отправился в джунгли, но очень скоро вернулся: его всегда довольная физиономия посерела от страха. Оказалось, что неподалеку от лагеря он встретил крупного льва. Вечером, сидя у костра, он угощал пораженных слушателей красочным рассказом о великой битве с целой львиной стаей. С этим парнем вообще трудно было соскучиться – он всегда и везде делал то, чего не следовало делать в данный момент. Но все же Вильзони оставался единственным из моих людей, способным отличить следы слона от следов карликовой антилопы.

Пытаясь пополнить наш оскудевший рацион, кто-то из носильщиков принес из джунглей кучу грибов, похожих на перечные стручки. Поджаренные на слоновьем жире, они оказались довольно приятными на вкус. Кстати, должен сказать, что правильно обработанный слоновий жир по виду и кулинарным качествам ничуть не уступает свиному. Из одного животного его можно получить около пятидесяти фунтов; другие охотники, впрочем, называют куда большие количества. Важно начать вытапливание как можно скорее. Для этого мясо только что убитого животного, нарезанное большими ломтями, просушивают на солнце и затем осторожно жарят в котле. вытопившийся жир процеживают сквозь редкую ткань и сливают в приготовленные сосуды. Он не имеет запаха и, застывая, становится белоснежным и полупрозрачным. если эту процедуру провести не сразу, а хотя бы через несколько часов, то и жир, и мясо приобретают своеобразный "слоновий" запах и привкус.

Надо было как можно скорее добраться до крепости Нана-Кандундо, и мы разослали гонцов к соседним вождям, прося выделить несколько носильщиков. Нас выручил Чалока, приславший 14 человек. Гонцы принесли также весточку от Кубитта, который находился в бедственном положении. Вскоре после ухода Ларсена все его люди разбежались, и Кубитт застрял в селении Лумбва, отданный судьбой на милость туземцев. Видимо, лишь наше присутствие в том же районе спасло его от более серьезных неприятностей. Не обладая ни опытом, ни авторитетом, он не мог собрать и снарядить хоть какое-нибудь подобие каравана, чтобы добраться до цивилизованных мест. Разумеется, мы решили взять его с собой.

Лихорадка наконец отпустила меня, и 19 января мы с Хэммингом разошлись в разные стороны: он на запад, к Нана-Кандундо, а я на восток. Со мной был и Кубитт, так как оставлять его в лагере одного на длительный срок казалось мне неблагоприятным. Пройдя заболоченную равнину Черере, мы углубились в джунгли. Здесь была масса дичи, и на первой же вечерней охоте мне удалось без труда подстрелить двух ситатунг. Эти болотные антилопы, хотя и распространены в Центральной Африке, редко становятся добычей охотников, так как держатся в самых глухих и труднодоступных уголках джунглей.

Идя по течению Лунга, мы добрались до селения Камвангуа. Я решил устроить здесь временный лагерь и, оставив в нем Кубитта, совершить охотничью экспедицию на другую сторону реки, в направлении Кабомпо. Там простирался огромный лесной массив, площадью не меньше 600 квадратных миль. У местных жителей он пользуется дурной славой как постоянное обиталище злых духов. Меня больше интересовали слоны, а их там, по слухам, было великое множество. Настреляв несколько антилоп и создав в лагере

достаточный запас мяса, я со спокойной душой переправился через Лунгу.

Действительно, очень скоро мы увидели двух крупных самцов с большими бивнями, и началось преследование. Лес был очень густ, завален колодником и переплетен паутиной лиан, так что видимость оставляла желать лучшего. Продвигались мы медленно. Неожиданно в пятидесяти метрах от нас послышался громкий треск, и из зарослей вышла старая слониха со слоненком. Встречи такого рода всегда чреваты осложнениями. В данном случае рассвирепевшая мамаша не колебалась ни секунды – сопя, как разъяренный паровоз, она ринулась ко мне. За моей спиной была сплошная стена лиан, и вздумай я бежать, они задержали бы меня, но не слониху. Оставалось лишь прибегнуть к помощи ружья. До последнего момента я все же надеялся, что слониха ограничится угрожающей демонстрацией, и выстрелил, когда нас разделяло не более десяти шагов. Удал крупнокалиберной пули остановил животное. Слониха медленно осела на землю, но потом снова рванулась и почти достала меня хоботом. Вторая пуля окончательно усмирила ее. Выбрасывая из ружья стреляную гильзу, я крикнул Вильзони (он нес запасную винтовку): "Не стреляй, стой, там детеныш!" Не знаю, разобрал ли он мои слова или нет, но грянувший выстрел уложил бедного слоненка наповал. Редко кто из моих боев получал такую взбучку, какую я задал своему горе-следопыту, но что толку! И еще не менее двух недель Вильзони рассказывал всем об этой славной охоте. Героическая эпопея оканчивалась словами: "Так мы с бваной Чиамби (так негры произносили фамилию Шомбургк) уложили каждый по слону".

Вскоре я установил свой охотничий рекорд. В тот день, преследуя стадо, мы оторвались от носильщиков, и я отправил Вильзони и Кабинду назад, на розыски, а

сам прилег отдохнуть. Через несколько минут слышался шорох шагов по траве. Думая, что это подходят носильщики, я приподнялся и посмотрел в сторону звуков: ко мне быстро приближались четыре слона. Видимо, они почуяли людей и теперь спешили уйти в джунгли. Я схватил своей 600-й калибр, застегнул пояс с патронами и побежал навстречу животным. Оказавшись в двадцати метрах от них, я вскинул винтовку и быстро сделал один за другим четыре выстрела, каждый раз тщательно прицеливаясь. Три слона рухнули, словно пораженные молнией – думаю, они даже не успели понять, что произошло. Четвертый повернулся, сделал несколько шагов, затрубил и упал. Большого не мог бы желать ни один охотник – в течение минуты добыть четырех взрослых слонов, потратив на каждого по одной пуле! Гордый и счастливый, я возвратился в лагерь.

Кубитт был очень рад моему приходу. Мясо в лагере кончилось. Находясь на берегу реки, в окружении бесчисленных стад водяных козлов, он не сумел подстрелить ни одного и теперь сидел на диете из маниоки. Кроме того, он ухитрился перессориться с половиной моих людей, и атмосфера в лагере стала весьма напряженной. Ее разрядило мое возвращение в богатой добычей.

Теперь начались неприятности с носильщиками. Они принадлежали к племенам вакагонде и ва'лунда, и насколько верными и преданными людьми проявили себя первые, настолько же непостоянны и вероломны были вторые. Приходилось все время ожидать бегства части носильщиков, что могло обернуться для нас серьезными трудностями. Поэтому, когда несколько ва'лунда исчезли из лагеря, я не выдержал и, взяв с собой только Кабинду, отправился по следам беглецов. Через несколько часов мы подошли к деревне, где скрылись наши дезертиры. Неожиданно появившись в

кругу хижин, мы, действуя по всем правилам военной науки, взяли заложников – несколько оживленно болтавших женщин: увидев нас, они испуганно замолчали. Захват заключался в том, что я велел им оставаться на месте. Поручив Кабинде охрану пленниц, я хотел отправиться на поиск вождя, когда нас окружило около двух десятков туземцев с ружьями. Они требовали немедленного освобождения женщин.

Дружески улыбаясь, я предложил им испытать свое оружие на белом человеке, чтобы убедиться в невозможности причинить ему вред. "Люди Чипавы, – добавил я, – уже выбросили свои ружья, убедившись в их бесполезности. Они хотели убить нас стрелами, но из этого тоже ничего не вышло. А ведь Чипава – самый могущественный из вождей ва'лунда. Как видите, мы пришли к вам без оружия – неужели вы еще не поняли, что против нас бессильны пули и ружья?"

Ва'лунда заколебались, им не хотелось рисковать. Наконец мне предложили закончить дело миром: они возвращают беглых носильщиков, а я освобождаю женщин. Такой вариант меня, конечно, вполне устраивал. Через несколько минут воины привели моих молодцов, крепко связанных пальмовыми веревками. Я тотчас снял с них эту "фирменную упаковку", и они торжественно обещали верно служить еще шесть месяцев.

Вернувшись в лагерь, я слег в очередном приступе. Лихорадка разыгралась сильнее обычного, поднялась температура и начался бред.

Так продолжалось двое суток, и оба ва'лунда, воспользовавшись моим состоянием, опять удрали! Но тут уже не выдержали остальные носильщики. Под предводительством Вильзони они догнали беглецов, приволокли их в лагерь и жестоко отколошматили. У меня не было ни сил, ни желания вмешиваться в это дело.

8 февраля мы с Кубиттом перешли на берег Лунги. Здесь, в деревнях вакагонде, до нас дошел тревожный слух о великом сражении, в котором участвовали, с одной стороны, Хэмминг с его людьми, и чуть ли не все племя ва'лунда, с другой; упоминалось также о многочисленных жертвах. Не слишком доверяя этим сведениям, я все же решил поскорее возвращаться в основной лагерь.

Все припасы уже кончились, и надежда была только на охоту. Но дичи вокруг в последние дни стало довольно мало, к тому же меня то и дело валила лихорадка. В этой крайности Кубитт вызвался снабдить караван мясом, и когда неподалеку показался бородавочник, он взял ружье и поспешил к кустам. Я наблюдал за охотой в бинокль. Было видно, как мой друг медленно и осторожно подкрадывается к ничего не подозревающей жертве; как, оказавшись в полусотне шагов от животного, он для верности опускает ружье на небольшой термитник и тщательно целится; как пытается нажать на спуск. Именно пытается, так как в пылу охоты он забыл снять винтовку с предохранителя. Я видел, как бедный Кубитт в недоумении смотрит то на бородавочника, то на свое столь внезапно взбунтовавшееся оружие. Наконец, обнаружив причину отказа, он опустил предохранитель, снова прицелился и спустил курок. Увы – выстрела не последовало: патрон не был дослан в ствол. Услышав резкий щелчок, бородавочник метнулся в заросли и исчез.

На следующий день мне удалось подстрелить белоспинного дукера. Это животное встречается почти столь же редко, как знаменитый окапи, также живет в самых глухих уголках джунглей и также имеет странный вид. Сгорбленная спина и низко опущенная безрогая голова делают его похожим на некую причудливую смесь антилопы с дикой свиньей; это

впечатление еще усиливает широкая желтовато-белая полоса вдоль хребта.

Как раз теперь, когда я торопился, на то и дело попадались свежие следы слонов. Один раз я не выдержал и потерял полдня, догоняя трех прекрасных самцов с большими бивнями. Мне удалось подкрасться к животным на пятьдесят метров, когда в спину подул порыв ветерка. Через секунду лишь удаляющийся треск ветвей свидетельствовал, что здесь только что паслись толстокожие. Ни времени, ни сил на преследование не было, и я, ругаясь, вернулся к каравану.

После напряженного четырехдневного перехода мы достигли лагеря, где нас уже ожидал живой и невредимый Хэмминг. Оказалось, что великая битва с ва'лунда выглядела следующим образом. Два человека из племени попытались красть купленных в Нана-Кандундо коз, и бой Хэмминга, заставы обоих на месте преступления, поколотил воришек. Других батальных эпизодов не было.

Хэммингу удалось добыть в Нана-Кандундо немного провизии. Мука и сахар обошлись по две с половиной марки за фунт, чай и кофе – соответственно. Все покупки осуществлялись при посредничестве тамошнего миссионера Шиндлера. Святой муж взялся также отправить на побережье все добытые нами бивни, запросив за эту услугу 80 фунтов стерлингов, то есть 1600 марок.

Утром 24 февраля мой друг обрадовал меня известием об очередном дезертирстве. На этот раз удрали его бой, Вильзони и Кабинда. Вот уж положение – хуже не придумаешь: ни слуги, ни повара, ни следопыта. Попытка настичь беглецов осталась безрезультатной, поскольку бой Хэмминга знал дорогу к низовьям Кабомпо.

На обратном пути я повстречал моего юного друга Чангонго – он направлялся в гости к кому-то из

родственников. Узнав о нашей беде, Чангонго обещал помочь носильщикам, но смог прислать лишь двух человек. Один из них, по имени Макаманда, отрекомендовался старым охотником на слонов, что меня несколько подбодрило.

Тем временем Кубитт почувствовал, что сыт по горло прелестями Валундаленда, и решил вернуться в Европу. Взяв с собой несколько людей, он двинулся к крепости. С помощью португальских миссионеров ему удалось собрать небольшой караван, достаточный, чтобы добраться до Западного побережья. Однако уже через несколько месяцев он вернулся в Центральную Африку – и очень скоро умер от черной лихорадки. Я очень горевал, узнав эту печальную, но такую обычную в Африке весть. при всей своей неприспособленности Кубитт всегда оставался благородным и самоотверженным человеком, готовым отдать голодному последний кусок хлеба. Во время совместных экспедиций я не редко ворчал на него, но в глубине души неизменно радовался, что он просто находится рядом.

В марте 1907 года мной была предпринята довольно затяжная вылазка, на этот раз с географическими целями – мне хотелось определить местонахождение истоков Уизаки. Путешествие оправдалось – через полторы недели я обнаружил безымянную гору, у вершины которой выбивался из земли прозрачный ручей. Низвергаясь по каменистому склону десятками миниатюрных водопадов, он постепенно расширялся, принимая в себя все новые источники, и в конце концов становился рекой. Но это была самая тяжелая из моих экспедиций по Валундаленду. Не так-то легко, вернувшись в лагерь после целого дня в зарослях, в сумерках приниматься за стряпню. К лихорадке присоединились сильными боли в желудке. Дожди лили по-прежнему, уже седьмой месяц подряд.

Впрочем, нет худа без добра. В то время я обогатил свои кулинарные познания новым рецептом, которым охотно поделюсь с читателями. Чтобы приготовить настоящие пирожные "а la Валунда", поступают следующим образом. Сперва делают жидкое тесто из маниоковой муки и воды ближайшей речки. Затем, зачерпнув ложкой, его понемногу добавляют в котелок с кипящим слоновым жиром. Капли как бы взрываются, образуя легкие круглые белые шарики. когда они поджарились, их вываливают из котелка, обмакивают в мед диких пчел и подают к столу. Жаль только, что в сезон дождей набрести на дупло с медом удается крайне редко. Обычно соты оказывались пустыми, иногда – с молодыми личинками, которых мои носильщики с наслаждением поедали, но я не решался последовать их примеру.

На обратном пути мы зашли в деревню старого Мтамбо, знакомого мне еще со времени путешествия с Маколеем. Прокаженный вождь тотчас узнал меня и казался искренне обрадованным; более того, он по собственному почину даже выделили восьмерых носильщиков.

Последние четыре дня я еле плелся. Колени распухли, и было мучительно больно сгибать ноги. Макаманда, в свою очередь, наступил на острый шип, и в результате мы – два охотника – являли собой весьма жалкое зрелище, когда, прихрамывая, ковыляли по тропинке, по привычке продолжая озираться в поисках дичи.

Единственное утешение в подобных путешествиях – возможность сказать себе, выйдя к какому-нибудь неизвестному холму или затерянной в джунглях реке: "Ты первый европеец, который видит все это!"

Когда до лагеря остался один переход, люди слышали где-то поблизости чириканье птицы-медоведа. В тот день моя лихорадка приняла какую-то

причудливую форму: мучительно, неудержимо хотелось чего-нибудь сладкого. Голова туманилась и перед глазами то и дело проплывали пирожные, взбитые сливки с сахаром, фруктовый салаты и прочие давно забытые чудеса немецкой праздничной кухни. тут слуги стали просить меня задержаться – они хотели проверить, куда поведет их медовед. Я согласился, нисколько не веря в успех этого предприятия, но радуясь законной возможности прилечь на мокрую траву и передохнуть. Через полчаса вернулись люди – и о чудо! Им посчастливилось найти дупло с прошлогодним медом. Не помня себя от восторга, я впился зубами в большой кусок сладкого сота. Мы возвратились в лагерь первого апреля. Дождь прекратился, и все обрадовались, надеясь, что наконец-то наступает сухой сезон. Увы! Как скоро выяснилось, воды на небесах оставалось более чем достаточно.

Письмо из Германской Восточной Африки еще не пришло, и я, передохнув, решил совершить еще одну, теперь уже чисто охотничью, экспедицию в район реки Лунга. Хэмминг тоже собрался на охоту.

Одиннадцатого апреля я с десятком носильщиков покинул лагерь. В первую же ночь пятеро из них – люди Мтамбо – исчезли, не попрощавшись. Впоследствии я узнал, что щедрость Мтамбо объяснялась вполне практическими соображениями, и люди, посланные со мной, являлись разведчиками. Старому вождю надоело близкое соседство форта Челенда – английские патрули постоянно мешали ему обделывать дела с португальцами. Прослышав, что мы усмирили грозного Чипаву, он задумал переселиться со всеми своими подданными в окрестности Нана-Кандундо, и восьмерым юношам было поручено оценить обстановку на месте. Теперь они поспешили с докладом к прокаженному повелителю.

Делать нечего, приходилось продолжать путь вшестером. Половину груза мы припрятали в джунглях, рассчитывая забрать его на обратном пути, и тронулись дальше. По счастью, выдался день без лихорадки, и я смог поохотиться на водяных козлов. Тремя удачными выстрелами из винтовки 303-го калибра мне удалось свалить двух животных на дистанции около двухсот метров, так что голод нам уже не грозил.

Мы сделали остановку, чтобы наготовить впрок сушеного мяса: буры в Южной Африке называют этот продукт "бельтонг". Над костром устраивается примитивная сушильня – широкая решетка из тонких палочек, укрепленная на четырех кольях метровой высоты. Мясо режут тонкими ломтями и раскладывают на решетке: одновременно коптятся и провяливаясь, оно становится твердым, как камень, и пригодным к долгому хранению. Перед высушиванием ломти полагается посолить, но позволить себе такую роскошь мы не могли.

В ночь с 12 на 13 апреля хлынул ливень, подобного которому мне не доводилось переживать за все годы в Африке. казалось, что с неба низвергается сплошной водопад; парусина палатки не выдерживала напора, и сквозь нее брызгали тонкие струйки воды. Спать в эту ночь никому из нас, конечно же, не пришлось.

В последующие дни все мои познания в географии потеряли всякий смысл. Местность стала неузнаваемой. Небольшие безымянные ручейки превратились в стремительные потоки, а что до рек, то было просто неизвестно, где они – прежние русла скрылись под водной гладью шириной в полтора-два километра. В одной из заводей мне посчастливилось подобраться к старому слону с огромными бивнями. После двух выстрелов он рухнул в воду, и поднятая волна окрасилась кровью. Бивни его достигали шести с

половиной футов в длину и весили по шестьдесят фунтов.

Довольный удачной охотой после долгой полосы неудач, я повернул обратно. Мы возвращались другой дорогой, и по пути встретили незнакомую деревню племени вакагонде; в момент нашего появления там происходили похороны сына вождя. не знаю, какими подвигами он отличился при жизни, но, во всяком случае, жители явно прилагали особые усилия, чтобы помешать его духу выйти из могилы. Помимо обычных погребальных атрибутов вакагонде – двух кольев, вбитых в землю в ногах и в головах умершего – над могилой насыпали целый холм из больших камней.

Придя в лагерь, я, к своему изумлению, нашел там Хэмминга – одного, в обществе нескольких наполовину одичавших коз. Проснувшись на следующий день после нашего ухода, он позвал боя, но не получил ответа. Все слуги и носильщики сбежали, и Хэмминг остался в джунглях один как перст. Худшее положение трудно представить. Ему приходилось самому выполнять все лагерные работы, а также пасти и доить коз. Они доставляли кучу хлопот и неприятностей – уследить за всеми было невозможно, и стоило Хэммингу заняться, скажем, приготовлением пищи, как козы забредали в хижины и жевали все, до чего могли дотянуться.

Потеряв терпение, мой друг решил дать рогатым вредителям хороший урок на всю жизнь. Высыпав дробь из нескольких патронов, он набил их солью; затем, положив поблизости дробовик, занялся своими делами, зорко поглядывая по сторонам, чтобы вовремя пресечь первую же попытку мародерства. Ему пришлось ждать недолго. Одна из коз, увлекаемая своим злым жребием, направилась к кухне. Убедившись в ее намерениях, Хэмминг прицелился, выстрелил – и преступница, испустив жалобное "мэ-э-э!", опрокинулась на бок и издохла. Оказалось, впопыхах он оставил в стволе

последний патрон с дробью. Хэмминг был очень удручен этим происшествием. В придачу ко всему, теперь ему предстояло обдирать и разделывать козью тушу.

Известий из Восточной Африки еще не поступало, и мы решили свернуть лагерь и отправиться к Западному побережью.

В конце апреля тучи наконец рассеялись, и проглянуло солнце. Дождь лил почти без перерывов в течение восьми месяцев. На мой взгляд, одно это доказывает полную непригодность здешнего климата для жизни европейцев.

Проходя через миссию Калунда-Хилл, я узнал, что там хранят для меня долгожданное письмо из Нойлангенбурга. Ознакомившись с его содержанием, мы изменили планы – теперь наш маршрут шел не на запад, а на восток. но сначала следовало посетить Нана-Кандундо, пополнить запасы и снаряжение и завербовать новых носильщиков. Хэмминг вернулся назад, в лагерь, чтобы дожидаться там моего возвращения.

Возле Замбези я встретил старых моих друзей, знакомых еще по Родезии – Веста и Кинга. Сейчас они направлялись в Государство Конго, на шахты "Концессии Катанга", куда подрядились доставить шесть фургонов с продовольствием и девять сотен голов скота. До крепости нам было по пути, и их фургоны очень облегчили моему маленькому каравану переправу через великую реку.

Рядом с португальской крепость Нана-Кандундо находится миссия Кавунго, руководимая преподобным Шиндлером, а чуть поодаль – столица королевства Валовале, Ньякаторо; там находится резиденция чернокожей королевы, носящей то же имя. Таким образом, одно и то же место носит три различных названия, но в Африке это обычное дело.

В крепости меня радушно встретил комендант-лейтенант Линдо и тут же пригласил отдохнуть под его кровом. там я вскоре познакомился с миссионером Шиндлером. Это была весьма любопытная личности, и положение, которое он сумел занять в тех краях, являлось беспрецедентным. Ни в германских, ни тем более в британских колониях никогда не возникало – не могло возникнуть – ничего подобного.

Швейцарец по рождению, Шиндлер предпочитал выдавать себя за англичанина. Ему удалось монополизировать все торговые операции на десятки миль вокруг, и он пользовался своей властью/ очень свободно. Мне говорили, что Шиндлер не раз отменял распоряжения коменданта, если они шли вразрез с его планами.

В руках предприимчивого миссионера сосредоточивалась торговля продовольствием и оружием, каучуком и слоновой костью – и подозреваю, что в сферу его деловых интересов входили также рабы. Вы обращении не был сама любезность, но это отнюдь не мешало ему соблюдать собственную выгоду. Он купил – из уважения ко мне – бивни большого слона, убитого мной возле Лунги, и заплатил по пять шиллингов за фунт. Слоновая кость в те времена была в цене, и в Родезии бивни шли по двенадцать шиллингов за фунт, а то и больше, в зависимости от качества. Но Шиндлер отлично понимал, что я, собираясь в новое большое путешествие, не захочу тащить с собой через всю Африку два тяжелых бивня.

На следующий день нас удостоила своим посещением престарелая королева Ньякаторо. Она пришла посмотреть на фургоны, а заодно полюбопытствовать, как выглядит белый охотник на слонов. Мой возраст и безбородое лицо ошеломили ее чернокожее величество, и она в недоумении обратилась к преподобному Шиндлеру, спрашивая, неужели этот

ребенок действительно убивает больших слонов? Я преподнес королеве громадную связку сушеного мяса, и мой дар был благосклонно принят. Дело в том, что бесконтрольная торговля оружием и боеприпасами в португальских владениях привела к полному истреблению дичи. За несколько десятилетий местные охотники выбили все подчистую, и теперь даже земляная крыса становится предметом рьяного преследования.

В прежние годы королева Ньякаторо проводила весьма активную и жесткую политику, постепенно расширяя владения своего племени. основными соперниками были ва'лунда. После ряда сражений воины Ньякаторо захватили и сожгли вражескую столицу, убив верховного вождя ва'лунда – предшественника Чипавы. Любопытно, что советники убитого не только остались в живых, но даже вошли – по желанию королевы – в состав ее "государственного совета". Впрочем, нынешнее влияние повелительницы валовале на когда-то побежденное племя очень невелико и касается лишь тех ва'лунда, которые живут в непосредственной близости от Нана-Кандундо; Чипава и его люди не подчиняются ей ни в коей мере.

Земля здесь очень плодородная, и валовале прилежно занимаются садоводством. Отсутствие слонов – равно как и других диких животных – дает возможность разводить обширные банановые рощи, не боясь потерять весь урожай в течение одной ночи. Но желудки большинства охотников не перестают тосковать по мясной пище, и валовале, хотя и не признаются в этом, тайком отлавливают и едят собак.

Сделав минимум необходимых закупок (цены, назначенные преподобным Шиндлером, не позволяли особенно развернуться), я посвятил два дня отдыху, воспоминаниям и умеренной выпивке среди друзей-

родезийцев, под гостеприимным кровом лейтенанта Линдо.

Глава X

От Нана-Кандундо к озеру Бангвеоло

Как ни хотелось мне отдохнуть еще несколько дней в дружеском кругу, нужно было продолжать путь – в лагере ждал Хэмминг.

Простившись с гостеприимными хозяевами, я покинул крепость. Незадолго до этого Вест и Кинг закупили большую партию маниоковой муки. Продавцов оказался, конечно, преподобный Шиндлер, предоставивший муку по цене 4 пенса за фунт – разумеется, только из любезности. За день до этого туземцы предлагали мне муку по пенсу за фунт в количестве, достаточном, чтобы нагрузить три фургона.

Когда образованный человек, да еще в миссионерском облачении, становится торговцем – дело дрянь! Любая покупка обойдется вам втридорога, и к тому же под маской дружеской услуги. Этот нехитрый прием действует безотказно. Покупатель с вымученной улыбкой благодарит за оказанное благодеяние и мечтает лишь об одном – убраться подальше, в края, где торговцы менее культурны и не столь богобоязненны.

Всего в одном переходе от Нана-Кандундо я имел возможность увидеть в действии – вернее, в бездействии – колониальную политику португальцев. Жители одной из деревень подвергались нападению соседей, а теперь собирались нанести им ответный визит и за все расквитаться. Они обратились ко мне с просьбой о военной помощи и очень огорчились, получив отказ. Я поинтересовался, почему бы им не сообщить о случившемся в крепость, чтобы

португальские власти сами наказали виновных. Мне коротко ответили, что это бесполезно. Уже впоследствии я узнал, что по существующим правилам, комендант Нана-Кандундо, прежде чем вмешиваться в туземный конфликт, должен сперва известить свое начальство в Мохико, в трехстах милях к западу, и запросить соответствующее разрешение. Переписка тянулась бы не меньше полутора месяцев, а за это время необходимость срочных мер исчезнет сама собой. В общем, неповоротливость и равнодушие португальской бюрократической машины достойны удивления. Насколько я могу судить, В Африке португальцы добились ощутимых успехов лишь в торговле оружием и рабами.

На ночь караван остановился возле большой деревни, рядом с миссией Калунда-Хилл. Раньше я уже бывал в этих местах, но сейчас потребовался проводник, чтобы обойти гору кратчайшим путем. Можно было ожидать, что здешние ва'лунда, успев привыкнуть к обществу белых людей, поведут себя более дружелюбно, чем лесные жители. Ничего подобного! Наутро, когда я обратился к старейшине деревни с просьбой о проводнике, он привел не меньше дюжины взаимно исключавших друг друга причин, по которым не может удовлетворить мою просьбу. Все это показалось мне каким-то нахальным идиотизмом, и я, потеряв терпение, схватил за шиворот – точнее говоря, за ужо – какого-то парнишку, выглядевшего посмышленнее прочих, и приказал своим людям трогаться в путь.

В густом подлеске на склоне горы было много ярких, крупных, очень красивых попугаев, и я взял с собой дробовик. ему, однако, нашлось довольно неожиданное применение, не связанное с птицами. Тропинка петляла меж кустов, и на одном из поворотов наш проводник, вроде бы вполне смирившийся со своей

участью, внезапно прыгнул в сторону и бросился наутек. Это было уже слишком! Выхватив у боя ружье, я дал беглецу удалиться на полсотни метров и разрядил один из стволов в наиболее выпуклую часть его тела. Расстояние было великовато, но несколько дробинок, очевидно, все же достигли цели: схватившись обеими руками за пораженное место, парень завопил и с удвоенной скоростью помчался к родной деревне. В это время я услышал за спиной какие-то странные, всхлипывающие звуки, оглянулся и увидел, что носильщики, побросав грузы, валяются на земле, задыхаясь от смеха. Поскольку дальнейший путь был уже более или менее известен, мы сочли инцидент исчерпанным.

Дорога проходила через селение вождя Лумбвы, отношения с которым оставались весьма натянутыми. Приблизившись, мы услышали дробь барабанов. Деревня оказалась пустой – все население собралось неподалеку, на опушке леса, где происходили устрашающие военные танцы. Признаюсь, я без особого удовольствия думал о том, как мы будем идти мимо многих десятков враждебно настроенных вооруженных людей, разгоряченных пивом и пляской. Но страхи оказались напрасными. Увидев караван, отважные воины бросились врассыпную, как кролики, и остановились только на почтительном расстоянии. Оставаясь под прикрытием деревьев, они храбро обстреливали нас из ружей. Эти выстрелы не могли причинить нам вреда, и я велел людям не обращать внимания и идти дальше. Приводить в чувство ораву хмельных вояк у меня не было ни времени, ни желания.

К вечеру, когда мы остановились на ночлег, я нашел следы и навоз слонов. Следы были старыми – это подтверждалось и тем, что жуки-навозники успели почти полностью ликвидировать обильные отходы слоновьего пищеварения.

Африканские жуки примерно в три раза крупнее своих европейских собратьев. Наблюдать за их работой очень интересно. Они появляются сразу же после ухода слоновьего стада и, не мешкая, принимаются за дело. Закопавшись с головой в навозную кучу, каждый жук отрывает себе кусочек в соответствии со своим вкусом и аппетитом. Оттащив добычу в сторону, он принимается катать ее по земле задними лапками, и катает до тех пор, пока не получится идеально круглый навозный шарик около полудюйма в диаметре. Все это время жук стоит вниз головой и двигается задом наперед. Наконец, когда желанная форма достигнута, он переворачивается, встает на задние лапки и катит шарик, как бочку, к своему убежищу где-нибудь под корнями дерева.

Четвертого июня караван достиг лагеря, где меня приветствовал здоровый и невредимый Хэмминг. Теперь предстояло покинуть негостеприимный край ва'лунда. Правда, для этого нам пришлось пойти на большие жертвы. Мы надеялись нанять носильщиков из племени валовале, но еще в Нана-Кандундо выяснилось, что это безнадежная затея: никто из местных жителей не хотел идти на восток. Сердце обливалось кровью, но ничего не поделаешь – приходилось бросить почти все охотничьи трофеи, равно как и интереснейшие этнографические коллекции, собранные в этой совсем неисследованной стране. Моим честолюбивым надеждам доставить их в Европу не суждено было сбыться. И все же двенадцать носильщиков были очень перегружены. Чтобы как-то воодушевить людей, мы роздали им большую часть нашей одежды и разного мелкого скарба, а также невероятное количество искусственного жемчуга, взятого в свое время в расчете на торговлю с ва'лунда. Ошалев от радости, они немедленно украсились множеством ожерелий. Побросав в реку ружья, конфискованные у ва'лунда, мы

тронулись в путь в лучах утреннего солнца наш маленький караван сверкал и переливался всеми цветами радуги.

Перейдя Макондо, мы пошли знакомой дорогой в сторону селения Махангвы. По пути нам встретился старый знакомый – Чангонго. Он продолжал вести светскую жизнь, расхаживая по гостям. Чангонго шествовал гордо, как и подобает члену королевского дома баротсе. Браслет из слоновой кости на левой руке напоминал всем о его высоком происхождении.

На переправе через Кабомпо нас догнал гонец с радостной вестью: старшему бою, посланному в Луапуле в слабой надежде завербовать новых носильщиков, удалось нанять людей, и они выступили навстречу. Мы уже раскаивались, что так поспешно выбросили свое добро, но когда на следующий день прибыли новобранцы, выяснилось, что их всего одиннадцать человек, из которых один – повар, двое – юные повара и трое – слуги. Все же это было лучше, чем ничего, и теперь перегрузка людей, хотя и оставалась значительной, но уже не внушала опасений за будущее.

Увеличившийся караван следовало обеспечить мясом. Заметив свежие следы бородавочника, я вооружился малокалиберным винчестером и пошел на охоту. У же по пути мне пришло в голову, что это ружье, хотя и удобное, легкое и скорострельное, все-таки слишком сужает выбор доступной дичи. На равнине, среди обильных стад, всегда есть возможность подстрелить несколько дукеров или водяного козла. В лесу обзор невелик, и разумнее было бы прихватить более универсально оружие. А вдруг попадется канна или большая лесная свинья? Занятый этими мыслями, я продолжал идти по следу. Вскоре он привел меня к дереву, за которым поблескивала обширная лужа – самое подходящее место для бородавочника. Еще

несколько шагов; тут раздалось громкое хрюканье, и из-за дерева выскочил... взрослый носорог. Нас разделяло не более двадцати шагов, и мы смотрели друг на друга одинаково пристально. Разница заключалась в том, что у меня тряслись колени, а носорога нет. толстокожий колосс дернул ужами и опустил голову. бежать не имело смысла – прежде чем я достигну ближайшего дерева и вскарабкаюсь на ветку, он подденет меня рогом. Мелькнула мысль: "Как жалко, что вместо малокалиберки я не захватил с собой камеру!" Освещение прекрасное, расстояние – в самый раз; прежде чем он добежит до меня, я успел бы сделать великолепный снимок и отбросить аппарат в сторону. А какие будут заголовки в газетах: "Погибший охотник сфотографировал своего убийцу!" Надо полагать, что при всей нелепости эти размышления спасли мне жизнь – окаменев от растерянности и страха, я не сделал ни одного резкого движения. А попытка вскинуть ружье или отступить в сторону стала бы моим смертным приговором.

Наконец носорог рассмотрел меня во всех подробностях и пришел к выводу, что опасности нет. Он хрюкнул еще разок и удалился, победоносно помахивая хвостиком, а я перевел дыхание и опустился на землю. Ноги стали какими-то ватными, и прошло некоторое время, прежде чем мне удалось собраться с силами и вернуться в лагерь.

Следующие два дня мы шли по долине Луфупа. Здесь собралось такое множество дичи, что трудно было понять, как все эти бесчисленные зебры, гну, импалы и другие копытные животные находят достаточно корма. Создавалось впечатление какого-то огромного естественного зоопарка. Хищные звери были представлены в основном леопардами и гиенами; львиных следов почти не встречалось.

Дойдя до очередной деревни, мы решили дать людям день отдыха, поскольку дальше предстоял большой переход до фактории Ульманна на Кафуэ. Этот отрезок пути нам хотелось пройти без остановок.

По выражению одного английского путешественника, "исследование Африки состоит в том, что вы ковыляете по невообразимой дороге от одной грязной деревушки к другой, еще более грязной". Спорить с этим мнением трудно, но все же мои дорожные впечатления оказывались, как правило, богаче.

В ночь перед выступлением к нам забралась большая гиена. Со свойственным этим зверям нахальством она тихонько направилась прямо к лагерной "кухне", где лежали большие куски мяса (на утренней охоте я подстрелил гну). Сожрав все, что попало ей на глаза, ненасытная тварь обратила внимания на большой чугунный горшок, в котором были остатки нашего ужина. решив отведать на десерт человеческой пищи, гиена сунула морду в горшок, и это оказалось большой ошибкой: вылезти обратно она не могла, угодив, как волк в сказке, в неожиданную ловушку. тут началась невероятная суматоха и крик. Гиена, невзвидев света, в ужасе кинулась бежать с горшком на морде и налетела на спавших у огня носильщиков. Те спросонок решили, что к ним пожаловал голодный лев, и повели себя соответственно. Разбуженные воплями, мы с Хэммингом выскочили из палаток и долго не могли понять, кто на нас напал и есть ли раненые. Особенно странным казался доносившийся из леса беспорядочный звон – это гиена, не разбирая дороги, улепетывала прочь, натываясь горшком на деревья. Мы зажгли факелы и, осмотрев следы, постепенно восстановили ход событий. Страх носильщиков сменился весельем, и скоро все улеглись спать. Утром мы предприняли исследование

ночной гостыи, но не нашли ни гиены, ни горшка. быть может, она до сих пор бегаёт в чугунном наморднике, звеня и завывая, словно четвероногий призрак.

Во всяком случае, если кому-то из читателей, охотясь на африканских равнинах, посчастливится подстрелить эту гиену, то я прошу переслать мне горшок. Он займет почетное место среди моих охотничьих трофеев.

Десятого июня мы достигли берега Кафуэ и вскоре подошли к фактории. Это было очень кстати – одежда наша совсем износилась, а запасы провианта также подходили к концу. кроме того, меня здесь ждал подарок – ирландский терьер, сучка по имени Бобзи. Брат владельца фактории, уезжая в Европу, оставил ее мне, вспомнив, видимо, о моем пристрастии к собакам. Особенно ценным качеством Бобзи была невосприимчивость к сонной болезни – проведя уже полтора года в царстве мухи цеце, она не обнаружила никаких симптомов заболевания.

Идя вдоль Кафуэ, через несколько дней мы остановились возле туземной школы, организованной преподобными Филипсом и Мастерсом. Это своеобразная школа входит в систему "Духовно-промышленной миссии Ньясаленда" и вполне заслуживает подробного описания.

Должен признаться, большинство африканских миссий вызывает у меня двойственное отношение. Отдавая дань мужеству и терпению самих миссионеров, я в то же время считаю, что их деятельность приносит вред. Причина кроется в незнании святыми отцами психологии местных жителей.

Как правило, негры, независимо от племенной принадлежности – отчаянный лгуны, если не по убеждению, то по натуре. Установить мотивы вранья бывает нелегко – сплошь и рядом приходится сталкиваться в совершенно бескорыстной ложью, не

сулящей автору никакой выгоды. Понятно, что в таких условиях общение с туземцами было бы крайне затруднено, не будь они так наивны. Нелепость их выдумок бросается в глаза, и это помогает выделить из потока небылиц несколько крупинок правды.

Все сказанное относится лишь тем, кто еще сохранил первобытное простодушие своего племени. В условиях миссионерской школы картина меняется – туземцы привыкают лгать ради выгоды и очень скоро достигают в этом искусстве больших высот. Принадлежность к христианской церкви связана со многими льготами: новообращенные освобождаются от всех государственных повинностей, получают бесплатную еду и одежду и т.д. В результате крестик на шее рассматривается ими как могущественный амулет, обладание которым сильно облегчает жизнь. Взамен миссионеры требуют соблюдения определенных формальностей, в простоте душевной предполагая наличие у своей паствы и соответствующих чувств. В действительности негры остаются теми же язычниками, что и прежде, но приобретают вкус и привычку к лицемерию. И если раньше их можно было считать просто детьми, то теперь это испорченные дети.

Чтобы убедиться в справедливости такого взгляда, достаточно понаблюдать за ходом каких-нибудь работ, порученных миссионером своим беспечным духовным чадам. Сначала они хором поют псалмы, и делают это с большим увлечением – почти все негры очень музыкальны. Затем растроганный священник читает проповедь. Слушатели переговариваются, обмениваются шутками, а временами затевают короткие молчаливые потасовки, ухитряясь при этом сохранить серьезное и внимательное выражение лиц. Так проходят утренние часы. Солнце поднялось уже высоко, и работа идет вяло; лишь когда миссионер оказывается поблизости, люди принимаются усердно

копать огород и забивать колья ограды, не забывая громко кряхтеть и постанывать от непосильного напряжения. Скоро приходит время обеда, затем отдых, пение, еще часок-другой имитации тяжелого труда – и рабочий день закончен.

Однажды я поделился своими впечатлениями с неким миссионером. "Жизнь коротка, – с глубоким вздохом ответил святой отец, – и мы должны постараться хотя бы спасти их души, а все остальное придется предоставить Божьему промыслу." Ну что тут скажешь...

По моему глубокому убеждению, христианином может быть лишь человек, привыкший к ответственности за себя и свое дело. И такого же взгляда придерживается руководство "Духовно-промышленной миссии". Все здесь поставлено на разумную основу. Не гонясь за количеством новообращенных, Филипс и Мастерс установили незыблемое правило: каждый, кто хочет быть принят в школу при миссии, должен овладеть каким-нибудь ремеслом. Сами они умели делать все на свете, а потому могли предложить желающим обучение по любому профилю, от кузнечного дела до садоводства. тех, кто оказывался ленив или тупоумен, отчисляли из школы, равно как и показавших слишком низкий нравственный уровень. Я уверен, что именно подобные заведения принесут – и уже приносят – наибольшую пользу диким племенам Африки.

С особой благодарностью я вспоминаю преподобного Мастерса – он с виртуозной ловкостью починил одно из ружей, которое мы уже собирались отправиться на ремонт в Европу.

Простившись с энергичными миссионерами, мы двинулись дальше и вскоре пересекли границу Государства Конго. Здесь со мной произошел

небольшой эпизод, который я теперь вспоминаю с удовольствием, но тогда повергший меня в ярость.

Тропинка, хотя и узкая, была ровно и прямой, так что появилась возможность прокатиться на велосипеде. Вскочив в седло, я нажал на педали и в сопровождении Бобзи неторопливо поехал вперед. Мысли были заняты недавно полученным письмом из Германии, и все привычные инстинкты африканского охотника отступили на второй план. Их приятной задумчивость меня вывело тихое ворчание, перемежавшееся поскуливанием и визгом. Глянув вниз, я увидел, что Бобзи прыгает у колес, всячески стараясь привлечь мое внимание. Умная собачка старалась не зря: в нескольких десятках метров впереди через тропу неторопливо шествовало стадо слонов.

Осторожно притормозив, я соскочил с велосипеда и тут вспомнил, что ружье осталось в караване. В это время справа зашевелились кусты, и два длинных бивня сверкнули на фоне густой зелени. Вслед за первым самцом появился второй; перейдя тропу, они присоединились к стаду.

Ветра не было, и животные пока не обнаружили присутствия врага. Слоны спокойно паслись. Оба самца отошли в сторону и принялись посыпать спины песком. Закончив свой песчаный душ, они во внезапном порыве дружеских чувств переплелись хоботами и теперь стояли рядом, покачиваясь из стороны в сторону и тихонько бурча.

Меня охватило бешенство – оказаться безоружным чуть ли не посреди слоновьего стада, рядом с двумя великолепнейшими самцами! как ни удивительно, в тот миг мысль о собственной незащитности даже не пришла мне в голову – слоны давно уже стали для меня прежде всего желанной дичью. Я сошел с тропы, и сухая ветка громко хрустнула под ногой. Бурчание разом смолкло, а хоботы поднялись вверх. Видимо,

толстокожие почуяли мой запах, но, не видя человека, не очень встревожились. После минутного замешательства старый слон возглавил движение, и все стадо бесшумно и неторопливо скрылось в зарослях.

Успокоившись, я понял, что отсутствие винтовки сослужило мне в данном случае хорошую службу. Мы еще не успели получить разрешение на охоту на территории Государства Конго, и убитый слон мог обернуться штрафом и конфискацией оружия. А будь ружье у меня в руках, я наверняка не сумел бы избежать искушения.

Через день караван достиг Луапулы, которая по справедливости должна была бы считаться второй по длине – после Нила – рекой на Земле. Здесь требуется пояснение. недалеко от озера Танганьика среди болот находят истоки небольшой реки, известной под именем Чамбеши. Вбирая в себя множество ручьев и постепенно расширяясь, она впадает в озеро Бангвеоло и вытекает из него уже под другим названием – Луапула. Становясь все больше и больше, река достигает озера Мверу и опять-таки вытекает из него. Отсюда она несет воды к Атлантике, получив свое третье, всемирно знаменитое имя – Конго.

Переправившись через Луапулу – здесь она уже достигает двухсот пятидесяти метров ширины, и потребовалась целая флотилия каноэ, чтобы перевезти караван – мы решили разделиться. На следующий день Хэмминг с несколькими людьми отправился в форт Розберри, чтобы получить разрешение на охоту для нас обоих, а я с остальными пошел, не торопясь, к озеру Бангвеоло, где мы собирались устроить лагерь.

Этот отрезок пути доставил мне и моему велосипеду немалые трудности. Местность вокруг была заболочена, и в период дождей слоны обычно пользовались той же дорогой, по которой шел караван. не исключено, что именно толстокожие и проложили ее сотни лет назад –

многие караванные пути в Африке идут по старым слоновьим тропам. как бы то ни было, вся дорога представляла собой сплошную цепь ям, и в них одинаково хорошо застревали как ноги носильщиков, так и колеса велосипеда.

Глава XI

На озерах Центральной Африки

Мы достигли Бангвеоло 31 июля 1907 года. Это было первое из великих центральноафриканских озер, увиденных мною.

В последний день пути дорога с каждым часом становилась все хуже – местность была заболоченной, и мы то и дело увязали в грязи. Люди уже совсем выбились из сил, когда впереди замаячила гряда холмов. Болота кончились. Мы прибавили шагу, и вот с вершины холмистой гряды перед нами открылась сверкающая гладь Бангвеоло. Все вздохнули с облегчением, и хотя солнце палило, как прежде, нам показалось, будто от огромного водяного зеркала веет прохладой.

Я подумал о Ливингстоне – как должно было забиться его сердце, когда полвека назад, преодолев бесчисленные опасности, он вышел в эти края, получив наконец доказательство того, что через Центральную Африку протянулась цепь непересыхающих больших озер.

На берегу виднелась деревня, хижины которой отражались в сверкающей спокойно воде. Караван направился к ней. Нас встретил Казома, местный вождь – или, как он себя именовал, султан – представительный мужчина около пятидесяти лет. Он держался спокойно и доброжелательно. Место для лагеря сейчас же нашлось – большая хижина, сооруженная на холме в пяти минутах ходьбы от деревни и служившая местом ночлега путешественникам, выходившим на берег в районе деревни.

Людям требовался отдых после трудного перехода, и несколько дней мы провели в лагере. За это время мы вычистили и починили хижину, построили неподалеку еще одну – для Хэмминга, которого я ждал со дня на день, и завязали первые знакомства. По моей просьбе Казома разослал несколько молодых людей для сбора сведений о слонах. Судя по старым следам, они нередко бродили по берегам озера.

Тем временем я занялся тщательным осмотром своего оружия. После того, как всего ружья были вычищены и смазаны, мне показалось, что боек у 600-го калибра немного стерся. На это можно было бы не обращать внимания, но еще со времен службы в Горной полиции я привык содержать винтовку в идеальном состоянии, а потому заменил боек новым. Увы! Лучшее – враг хорошего, и мне предстояло лишний раз убедиться в справедливости этой поговорки.

Юноши, посланные на разведку, вернулись к вечеру с обнадеживающими известиями, и наутро мы выступили из лагеря. В казанном месте на земле были видны свежие следы крупного слона-самца. Ночью он приходил на водопой к озеру, а перед восходом солнца ушел в заросли.

Уже в дороге я вспомнил, что сегодня пятница. Как и многие другие охотники, я верю в приметы – можно называть это суеверием; во всяком случае, дела, начатые именно в этот день недели, обычно приносили мне одни лишь неприятности. Но возвращаться тоже не хотелось, а увидев следы, я, конечно, позабыл обо все на свете, кроме слонов.

Через полчаса мы оказались в местности, столько же подходящей для охоты, как болото – для верховой езды. Здесь начинались заросли десятифутовой слоновой травы. Велев носильщикам оставаться на месте, мы вошли в узкий проход между зелеными стенами – я, проводник и недавно поступивший ко мне

на службу старый охотник по имени Монгоза, из племени авемба.

Видимость упала до полуметра, и приходилось рассчитывать больше на слух, чем на зрение. К счастью, вскоре мы набрали на термитник. Наверное, во всей Африке охотники – белые и черные – бесчисленное число раз поминали добром этих трудолюбивых насекомых, сумевших создать такие удобные наблюдательные вышки. Они есть в любом уголке, в саванне и в джунглях, и всегда оказываются кстати.

Взобравшись на термитник, мы увидели слона – до него было около полутора сотен метров. Над травяным морем поднималась лишь спина и голова животного; я оценил его рост примерно в двенадцать футов.

Запомнив направление, мы осторожно двинулись вперед, пока не подобрались к нему шагов на тридцать. Трава здесь немного реже, и сквозь нее уже смутно виднелись очертания огромного тела. Но в подобных условиях игра света и тени создают такую причудливую картину, что нередко куст или скала выглядят живым существом.

Я сделал еще несколько шагов. Хруст сухих стеблей под ногами казался громче пистолетных выстрелов. Видимо, слон почувствовал что-то подозрительное: хобот быстро поднялся, ловя ветер, и характерное бурчание – признак того, что животное продолжает пастись и ничем не обеспокоено – смолкло. Ждать не имело смысла, и хотя точно прицелиться было невозможно, я рискнул выстрелить. Слон с шумом пустился в бегство: бросившись вперед, я успел разрядить в него второй ствол. Как выяснилось позднее, мной была допущена ошибка, очень частая при стрельбе в высокой траве – охотник непроизвольно поднимает дуло ружья, и пуля уходит выше, чем следует.

Перезарядив винтовку, около десяти минут я шел по следам. крови на земле не было, но участвовавшие шаги слона показывали, что он тяжело ранен. Мне не хотелось слишком затягивать охоту в высокой траве, и теперь требовалось сделать верный убийный выстрел. Когда впереди мелькнул огромный темный силуэт, я замер, пытаюсь определить направление, которое избрал слон. Хруст и шорох прекратились – он стоял на месте. Стараясь двигаться бесшумно, я для верности описал полукруг и подкрался поближе. От животного меня отделяло не более двадцати шагов, и я надеялся, что выйду к нему с фланга.

Здесь была небольшая прогалинка. еще шаг – и слон передо мной, стоит именно так, как требуется. Внимательно прицелившись, я плавно нажал на спуск.

Послышался резкий металлический щелчок. Осечка! В ту же секунду слон неуловимым мгновенным движением развернулся ко мне: огромные уши определили направление звука с точностью до градуса. хобот взмыл вверх, яростный трубный крик прорезал воздух, и он бросился в сокрушительную атаку.

Выражение "трубный крик" не слишком точно описывает голос разъяренного слона. единственный похожий звук – тот, который издает тяжелый автомобиль, мчавшийся с большой скоростью и резко затормозивший на мокром асфальте. Уже вернувшись в Европу, я не раз по привычке шарахался в сторону, услышав на улице столь знакомый протяжный "громовой визг", чем очень смешил моих знакомых.

Толстые трехметровые стебли на пути слона стлались по земле, как трава под порывом урагана. Два сверкающих белых тарана бивней мчались прямо на меня, и земля дрожала под тяжестью исполинских ног. Выбора не оставалось – вскинув ружье, я выстрелил ему в лоб из второго ствола и отпрыгнул в сторону. Удар силой в восемь с половиной тысяч фунтов не остановил

слона, а лишь слегка затормозил его атаку. Не знаю, задел ли он меня ногой или хоботом – скорее всего, нет. Последняя мысль, мелькнувшая в моей голове уже во время падения, была довольно странной: вот так, наверное, чувствует себя человек, попавший под паровоз. Вскочив, я уже не увидел слона, а проследив взглядом за медленно выпрямляющимися стеблями примятой травы, понял, что он свернул вбок. Это означало, что правила игры изменились – из преследователя я стал преследуемым. Описав круг, слон повторит атаку: тонкий слух и прекрасное обоняние помогут ему точно установить, где находится враг. А я не смогу ничего предпринять, пока не увижу, как двух-трех метрах трава со свистом разойдется в стороны и передо мной, закрывая полнеба, вырастет разъяренный колосс. А что, если слон окажется сзади? Успею ли повернуться и выстрелить?

Размышляя над этим любопытным вопросом, я стал перезаряжать ружье – и тут почувствовал, как меня заливают холодная волна страха. В поясе оставался только один патрон.

Удивительное дело! В эту минуту я внезапно осознал, что совершенно не интересуюсь слонами, сыт ими по горло и мечтаю лишь об одном: никогда больше не видеть ни одного толстокожего. Я прямо-таки горел желанием подарить этому слону жизнь. Африка велика – разойдемся каждый своей дорогой, залечивай раны, приятель, и пасись на свободе. Но, похоже, приступ миролюбия охватил меня слишком поздно, и одному из нас не выйти живым из травяных зарослей.

Неподалеку возвышался большой и толстый пенёк, вселивший в меня некоторый надежды. Этот пенёк можно использовать в качестве естественного укрепления, и если не отходить от него дальше чем на десять шагов, то я успею добежать и спрятаться за ним,

с какой бы стороны не появился слон. Как знать – может быть, даже удастся сделать убойный выстрел.

Послышался шорох, и из травы вылез посеревший от страха Монгоза. Мы оступили к пню, затаились и прислушались. но вокруг было тихо, слишком тихо.

Сильный шум, раздавшийся примерно в сотне метров от нашего укрытия, заставил меня вздрогнуть. Это был топот слона. казалось, он кружится на месте или даже валяется на земле. Я немного воспрянул духом – не исключено, что предыдущие выстрелы оказали наконец свое действие. Напряженно прислушивавшийся Монгоза перевел дыхание и тихо произнес: "Он умирает, бвана".

Скоро звуки смолкли. Прошла минута, другая, вдруг старый охотник прошептал, схватив меня за руку: "нет, он идет сюда". теперь уже и я слышал тяжелые шаги слона. И вот в двадцати шагах кусты раздвинулись, и огромная темная фигура двинулась прямо на нас. Слон, видимо, решил изменить тактику и действовать наверняка. Он шел медленно, тщательно обследуя хоботом пространство вокруг каждого деревца, встречавшегося на пути. Не было сомнения, что через минуту один из нас будет вытащен из-за пня и превратится в кровавое месиво под ногами животного. А тратить последнюю пулю на выстрел в лоб – бесполезно. "Пига, бвана, пига! (Стреляй, господин, стреляй!)", – отчаянно зашептал Монгоза, не понимая, чего я жду. Показав на ружье, я понял один палец, Монгоза, беззвучно ахнув, прижался к пню.

Четырнадцать шагов. Исполин приближался все так же неторопливо, прямо к нашему укрытию, не отклоняясь ни на метр ни вправо, ни влево. Вид слона с близкого расстояния всегда потрясает – а особенно, если известно, что он ищет именно вас.

Двадцать, десять шагов. Я чувствовал, что Монгозу рядом со мной бьет крупная дрожь. Нас обоих уже

можно считать покойниками, и на меня напало какое-то оцепенение. Внимательно и равнодушно смотрел я на плывущий над землей вытянутый вперед хобот, на белые бивни, запятнанные кровью, на отвесную стену надвигающегося на нас лба.

Осталось восемь шагов. И тут огромные уши чуть дрогнули – какой-то звук привлек внимание слона, он остановился и чуть повернул голову. В ту же секунду, действуя как автомат, я поднял винтовку. В памяти мелькнуло: точка прицеливания – в двух дюймах над ухом. Грянул последний выстрел, и прежде чем отзвучало эхо, слон уже лежал на земле. Он рухнул так стремительно, словно ему разом подрубили все четыре ноги – это значит, что прицел был абсолютно точен и пуля поразила мозг.

Что ж, игра велась честная, и я мог гордиться победой. Но отдыхать было некогда – с востока надвигалась стена огня. Вчера жители одной из деревень начали выжигать сухую траву, и теперь мы оказались на пути пожара. Следовало принимать срочные контрмеры, иначе через десять минут заросли превратятся в сплошной костер.

Взобравшись на убитого слона, мы послали вдаль пронзительное "Коу!" этот призывный клич одинаково понятен всем – и белым, и черным – как в Африке, так и в Австралии. Носильщики не промедлили, и мы, быстро расчистив большой участок вокруг туши, пустили встречный пал. Теперь я мог наконец присесть и закурить, заново переживая события минувшего часа.

Тем временем Монгоза повел ритуальный танец. те из носильщиков, кто принадлежал к племени авемба и в прошлом охотился на слонов, построились в круг; остальным отводилась роль хора и оркестров. Ритмично хлопая в ладоши и напевая, он задавали темп, а охотники, подпрыгивая, двигались вокруг слона. Это была целая пантомима, изображавшая битву с

толстокожими в те времена, когда порох и свинец еще не сделали слонов просто "крупной дичью".

Кто-то из людей, не занятых в танце, отправился в заросли, чтобы осмотреть кровавые следы. Через несколько минут он прибежал обратно, и брошенные им слова остановили торжество. Все сбились в кучу, и я понял, что произошло нечто серьезное. В этот момент Монгоза, задав окружающим несколько вопросов, обратился ко мне и произнес: "Господин, слон убил человека". Я знал по опыту, насколько туземцы склонны к преувеличениям, и поначалу не очень встревожился. Но картина, открывшаяся перед нам через сотню шагов, была поистине ужасной. На земле лежал нанятый всего лишь два дня назад носильщик – вернее то, что от него осталось. Он нес мои постельные принадлежности и должен был вместе со всеми остановиться у границы зарослей и ждать, не отходя ни на шаг. Движимый любопытством, это несчастный пренебрег приказом, бросил груз и тихонько пошел за нами. На него-то и наткнулся слон, описав круг и выйдя на старый след. Страшный удар хобота швырнул человека навзничь. Опустившись на колени, огромный зверь дважды пронзил его тело бивнями. Затем наступил ему на ноги и, обхватив хоботом его туловище, разорвал пополам, как тряпку. Этой жуткой трагедией объяснялся тот странный шум, который мы с Монгозой приняли за агонию слона. Но до нас не долетело ни крика, ни стона – ничего, похожего на человеческий голос. Видимо, бедняга был убит или оглушен первым же ударом, избежав, по крайней мере, ужаса и страданий перед смертью.

Предав земле останки несчастного, мы вернулись в лагерь, и по дороге я не раз вспоминал, что сегодня пятница. Примета, увы, оправдалась, и самым убедительным образом.

Следующие два дня я провел в лагере, ожесточенно ремонтируя и испытывая двустволку, чтобы в дальнейшем уже не приходилось расплачиваться своей или чужой жизнью за неисправный боек. на третий день мне попались свежие следы слонов, но они снова вели в гущу травяных зарослей, а мне не хотелось вторично испытывать судьбу. Слоновой травой заросло все побережье, поэтому я предпринял двухдневную вылазку в сторону от озера, надеясь поохотиться в более приемлемых условиях. мне удалось встретить слонов, но это были молодые самцы со слабыми бивнями. Поскольку охотничья лицензия давала право на отстрел лишь трех животных на территории округа, я ограничился наблюдением. Слоны проводили свою обычную гигиеническую процедуру – избавлялись от кожных паразитов. Искупавшись в речке, они выходили на сушу и щедро осыпали себя сухой белой глиной, ловко зачерпывая ее хоботом из прослойки на береговом обрыве. При этом глина впитывает воду с влажной кожи, схватывается и скоро высыхает на солнце. Покрытый белым панцирем, словно только что вылупившийся из какого-то чудовищного яйца, слон энергично трется о термитники или ствол баобаба, и глиняная корка отваливается, унося с собой замурованных клещей.

Седьмого августа я возвратился в лагерь, где меня уже ждал Хэмминг. Он побывал в форте Розберри и был очарован приемом, оказанным ему окружным комиссаром Хьюзом. Слушая Хэмминга, я не немного приободрился – ведь мне самому предстояло явиться в форт, чтобы дать объяснения по поводу гибели носильщика. Сообщение о происшедшем несчастье я отправил в тот же день и теперь не без тревоги ждал официального приглашения на следствие. Нервничал я не потому, что бы виноват, а просто из-за сознания самого факта гибели одного из моих людей – до тех пор

мне удавалось обеспечивать их безопасность в любых передрягах.

Вскоре посыльный-аскари доставил адресованную мне бумагу из форта. Снарядив небольшой караван, я отправил его вперед, так как хотел воспользоваться велосипедом.

Дорога оказалась нескучной. местность была густо заселена, и через каждые пять-шесть километров встречалась новая деревня. Здесь живет племя ватузи – очень высоки, стройные люди с гордой осанкой и темно-медным цветом кожи. Многие из них отличались красотой и благородством черт, а лица молодых девушек были прелестны даже по европейским меркам.

Озеро Бангвеоло – район мухи цеце, и единственный вид домашнего скота, способный здесь выжить, это овцы, невосприимчивые к сонной болезни. Ватузи разводят только курдючных овец, а прядение шерсти им неизвестно.

Люди общительны и дружелюбны, что свидетельствует о разумном управлении местной администрации. Пожалуй, единственной неприятной чертой этого путешествия было ужасное состояние самой дороги – во многих местах она проходила по заболоченным участкам, которые приходилось преодолевать ползком на животе, толкая перед собой велосипед.

С самого начала нашего пребывания на озере меня удивляло почти полное отсутствие бегемотов, обычно населяющих любой африканский водоем. Это выглядело особенно странным с учетом того, что берега Бангвеоло, казалось бы, должны удовлетворять запросы самого привередливого бегемота – песчаные пляжи, тростники, обильные пастбища. И лишь случайно, в разговорах с местными жителями, выяснилась причина, показавшаяся мне довольно интересной, хотя и похожей на сказку.

Ватузи рассказали, что в озере обитает какой-то зверь. Он меньше бегемота, но невероятно силен. Нападая на плывущих толстокожих, он разрывает их на куски и пожирает. Таинственный зверь никогда не выходит на сушу, так как никто не видел его следов; лишь очень немногим охотникам удавалось заметить его в водах озера. Впоследствии, обсудив эти сведения с Карлом Гагенбеком, я пришел к убеждению, что в Бангвеоло сохранился какой-то хищный вид древнего ящера. Гагенбек, получивший подобные сообщения из нескольких независимых источников, был чрезвычайно заинтригован и даже снарядил на озеро специальную экспедицию. К сожалению, она вернулась ни с чем – обнаружить неведомого пожирателя бегемотов не удалось.

В форт Розберри я прибыл вечером того же дня, и меня тепло встретили комиссар Хьюз и его сестра, отважная охотница, сопровождавшая брата как в служебных поездках, так и в походах за слонами. Хьюз был еще совсем молодым человеком, и чувствовалось, что он смущен предстоящими ему обязанностями в отношении меня. Впрочем, все разрешилось уже на следующее утро. Опрос носильщиков, бывших со мной в день той злосчастной охоты, показал, что человек погиб по своей собственной вине. Все подозрения были сняты, и дело закрыли. По решению Хьюза, высказанному в виде дружеского совета, я заплатил пять фунтов вдове погибшего (для сравнения укажу, что овца стоила четыре шиллинга). Надо заметить, что горевала она недолго и уже через три дня стала женой одного аскари из гарнизона форта.

Вернувшись в наш лагерь у Казомы, я обнаружил, что Хэмминг отбыл на охоту, вооружившись моим 600-м калибром. В ожидании друга и оружия я вел мирную и деятельную жизнь – по утрам, пока было не слишком жарко, благоустраивал и укреплял наше жилье, потом

читал, дописывал дневник, а вечером отправлялся за антилопами, чтобы люди не грустили без свежего мяса. как всегда, половина добычи шла на пользу жителей деревни.

Хэмминг возвратился через неделю, с пустыми руками и ужасно раздосадованный. он горел желанием повторить попытку, и мы решили, что отправимся за слонами оба, но в разные стороны. В субботу, 17 августа, наши караваны одновременно вышли из лагеря.

Никаких известий о слонах пока не поступало, а все встреченные следы были многолетней давности. первая ночь застала меня у истоков Капары – одной из впадавших в Бангвеоло рек.

Как всегда во время сухого сезона, я пустился в дорогу налегке, без палатки и кровати. Постель состояла из нескольких охапок травы и пары тонких одеял, а сверху навешивалась противомосkitная сетка. В тот вечер я задержался на вечерней охоте, и лагерь пришлось устраивать уже в темноте. Расчистив кустарник, мы разожгли костры. Моя постель находилась на краю поляны, а перед ней полукругом улеглись носильщики. После ужина все скоро заснули.

В два часа ночи меня разбудил громкий лай Бобзи. Вскочив, я увидел, что костер почти погас. Бобзи, вздыбив шерсть, металась от тлеющих углей к краю поляны и обратно. Быстро растолкав спящих людей, я велел поскорее раздуть огонь, так как не сомневался, что поблизости бродит какой-то хищник. Мы всматривались и вслушивались в темноту, но ничего не видели, и ни один звук, кроме стрекотания цикад, не доносился из леса.

Калулу, мой бой, проследив за действиями Бобзи, уверенно заявил: "Раз такая маленькая собачка не боится отбегать далеко от костра, значит, зверь не страшнее гиены". Он зевнул, обернулся, чтобы

подбросить ветку в огонь, и в ту же секунду издал душераздирающий визг – раньше я думал, что лишь свинья в последний миг своей жизни может исторгнуть такие звуки. И было отчего: огромный черногривый лев, одним прыжком вымахнув на поляну, очутился среди нас. Он замер, прижав уши и оскалив клыки, ослепленный светом костра, а бесстрашная Бобзи носилась вокруг зверя, заливаясь яростным лаем. Видимо, лев не рассчитал прыжок, к тому же его смутили крики, лай и огонь. Прежде чем я успел вскинуть винтовку, он звучно фыркнул, круто повернулся и исчез во мраке.

Оглянувшись, я с изумлением обнаружил, что нахожусь в одиночестве. Оказалось, носильщики в мгновение ока взлетели на единственное дерево, росшее посреди лагеря, и теперь качались на ветках, как спелые сливы. Вдоволь повосхищавшись богатым урожаем, я велел всем плодам падать на землю, а сам сел у костра с винтовкой в руках. Просидев два часа, я не заметил ничего подозрительного. Бобзи тоже успокоилась, и поскольку до рассвета оставалось не больше часа, я рассудил, что новых тревог, скорее всего, не последует, подбросил в костер несколько сучьев, залез под сетку и уснул.

Но выспаться в эту ночь не удалось. Через полчаса я снова проснулся от сильного толчка, сбросившего меня на землю. Вокруг творилось что-то невообразимое. Опять лай, крики, мелькание теней – и все это в сером утреннем полумраке, на фоне пляшущих языков костра. Больше мы уже не ложились.

Восстановить картину происшедшего удалось лишь с рассветом. Следы показали, что к краю поляны подкралась львица. Убедившись, что кругом тихо, она прыгнула на немня, но в тот же миг была замечена и атакована храброй маленькой Бобзи. Видимо, это и спасло мою жизнь: чуть отклонившись в сторону,

львица не успела вонзить в меня зубы, а лишь задела лапой, сорвав сетку и одеяло. Испуганная поднявшейся суматохой, она не решилась повторить нападение и удрала.

Продолжать охоту в таких условиях было невозможно. Я не мог днем разыскивать слонов, а по ночам караулить лагерь. Хуже всего было то, что львы действовали бесшумно, не подавая голоса – это означало, что они голодны. Раскатистый львиный рык, хотя и наводит ужас на все живое, свидетельствует прежде всего о сытости и благодушном настроении зверя – в той мере, а какой это возможно для льва. А глубокая тишина – всегда признак целенаправленной охоты, и дичью в данном случае являлись мы.

С той памятной ночи все носильщики преклонялись перед Бобзи, спасшей жизнь по крайней мере двоим – мне и Калулу. Я тоже очень гордился своей бесстрашной собачкой, но собственные нервы на ближайшую неделю пришли в полное расстройство. Моей впечатлительности могла бы позавидовать юная барышня – от малейшего шороха я вздрагивал, испуганно озирался и жался к огню. А поскольку свежих слоновьих следов мы так и не увидели, я решил возвращаться в лагерь.

Хэмминга все еще не было. Через день он прислал весточку, где сообщал, что с ним все благополучно и ему удалось подстрелить буйвола. Это вывело меня из бездействия, и наутро я опять покинул лагерь, чтобы попытать счастья в юго-западном направлении.

В этот раз успех сопутствовал мне с самого начала. Не прошло и полчаса, как я увидел в сотне метров трех канн – в предрассветной дымке они показались мне огромными, как слоны. Соскочив с велосипеда, я снял притороченное к раме ружье и первым же выстрелом свалил одну антилопу. Тушу быстро разделали и, отправив половину мяса в деревню Казомы, двинулись

дальше. Мое настроение заметно улучшилось, так как первая удача всегда предвещает успешную охоту.

Действительно, еще до полудня я увидел свежие следы крупного слона. Вскоре они соединились со следами небольшого стада, и после недолгого преследования мы увидели слонов. Они паслись на открытой местности не более чем в двухстах метрах от нас. Взобравшись на дерево, я рассмотрел животных в бинокль и убедился, что двое из них – старые самцы с большими бивнями. Остальные восемь были еще очень молоды и не представляли интереса. Спустившись с дерева, я в сопровождении оруженосца направился к слонам. Прячась за кустами, мы подобрались к ним на полсотни шагов и остановились под прикрытием большого термитника – как всегда, он подвернулся очень кстати. Подходить ближе было опасно.

К этому времени слоны переместились, и группа молодняка заслонила старых самцов. Оставалось только ждать. Я сел на землю. Рядом, на корточках, примостился Кабомо. Сегодня был его дебют в высоком звании оруженосца – до этого дня он исполнял обязанности старшего боя.

Прошло несколько минут, и вдруг из-за ближних кустов вышла слониха, повернулась к нам и остановилась, расправив уши и высоко задрав голову. серая колонна хобота покачивалась из стороны в сторону, но ветер дул к нам, и слониха ничего не почуяла. Мы сохраняли полную неподвижность. Зрение у слонов довольно слабое, и старая дама, пробуравив нас подозрительным взглядом, удалилась обратно. Какие-то сомнения у нее, видимо, оставались, судя по резким и возбужденным взмахам хвоста, но отсутствие запаха решило дело в нашу пользу.

Выглянув из-за термитника, я увидел, что слоны разбрелись в стороны, и оба старых самца пасутся невдалеке от нас. Позиция была самая выгодная, и я

быстро сделал четыре выстрела – по два в каждое животное, успев перезарядить винтовку еще до того, как стадо охватила тревога. Один слон, убитый наповал, рухнул сразу. Второй сделал пару шагов и остановился. Стреляя на открытой местности, а не в зарослях, я видел, куда вошли пули, и знал, что жить ему оставалось недолго. Между тем другие слоны, трубя, носились вокруг, как стадо овец, потерявшее барана-вожака. В это время я случайно поглядел на Кабомо – и вовремя. Впервые оказавшись посреди стада возбужденных слонов, оглушенный их криками – непривычному человеку они всегда кажутся исполненными непримиримой ярости – и до полусмерти перепуганный зрелищем огромных животных, бедный парень потерял всякий контроль над собой. Его лицо перекосил страх, тело напряглось, еще секунда – и он бросится наутек. Свободной рукой я быстро отвесил ему пару пощечин, заключив их крепким щелчком по носу. Лечение помогло: Кабомо обмяк и, глубоко вздохнув, присел на траву. Пока что, скрываясь за термитником, мы были в безопасности – слоны не увидели и не почуяли нас. Но заметив бегущего человека, животные сразу поймут, откуда пришла беда, и из растерянности сменится яростью. Я спастись от атакующего стада слонов невозможно.

Тем временем молодые самцы, пометавшись по саванне, начали успокаиваться. Такое положение дел меня устраивало, и я разрядил в воздух одновременно оба ствола. Грохот двойного выстрела побудил, наконец, одного из них к решительным действиям – приняв на себя роль вожака, он затрубил и бросился прочь. За ним последовали остальные. В этот момент колени старого слона надломились и, грузно опустившись на землю, он испустил дух.

Перезарядив ружье, я вышел из укрытия, но тут послышался громкий треск, и на сцене появилась наша

приятельница – слониха. Было очевидно, что она сильно разгневана возникшей суматохой и настроена воинственно. Окинув взглядом мертвых самцов, слониха остановилась, затрубила и нанесла несколько быстрых ударов бивнями по кустам. Сломанные ветки и листва посыпались на землю, А кабомо опять затрясся, прижавшись к термитнику. Я стоял, вскинув ружье, и ждал дальнейшего развития событий. Лицензия уже была исчерпана, к тому же охота на слоних запрещена сама по себе. Но если животное перейдет в наступление – выбора не будет – термитник слишком крут, и мы не успеем вкарабкаться на безопасную высоту. Лучше уплатить штраф, чем стать кровавой грязью под ногами толстокожего. В этот миг я вспомнил носильщика, убитого три недели назад.

Но все обошлось миром. Потоптавшись на месте, слониха повернулась и затрусила в сторону. До половины скрытая кустарником, с растопыренными огромными ушами, высоко поднятым хоботом и задранным хвостом, она удивительно напоминала какой-то причудливый двухмачтовый парусник. По дороге ей попало небольшое дерево, и слониха, не останавливаясь, расщепил ствол ударом бивня, словно показывая, как она обошлась бы с нами, будь у нее побольше свободного времени.

Теперь можно было возвращаться уже не с пустыми руками. Четыре полновесных бивня – очень неплохой результат для однодневной охоты. Я велел известить жителей соседних деревень, и скоро целые толпы сбежались к убитым слонам, чтобы забрать мясо. Небольшую часть мы взяли с собой.

В нашем лагере у Казомы обычно хватало и всякой другой дичи – мясо антилоп или цесарок гораздо вкуснее слонятины. Но последнее время нас стали донимать непрощенные нахлебники, чье соседство было совсем небезопасно. дело в том, что мы

заготавливали часть мяса впрок, провяливая его на солнце. Слуги развешивали длинные ломти на ветвях большого тамариндового дерева, росшего посреди лагеря, и для всех окрестных леопардов это дерево выглядело чем-то вроде рождественской елки с подарками. По ночам, а иногда и среди бела дня, они совершали воровские визиты в лагерь. С потерей части запасов можно было бы примириться, но очень действовала на нервы постоянная мысль о возможной встрече с пятнистым убийцей. Надо сказать, что в большинстве районов Африки леопард внушает туземцам гораздо больший страх, чем лев, хотя фактически это и не оправдано: от нападений львов люди погибают намного чаще.

Итак, вернувшись в лагерь, я основательно нашпиговал стрихнином большие куски слоновьего мяса и разбросал их вокруг колючей изгороди. Утром обнаружилось, что леопарды и гиены обрадовались ядовитому угощению, как манне небесной, и сожрали все до последнего кусочка. И как ни удивительно – без всякого ущерба для здоровья! Я остался в дураках, а впоследствии имел случай убедиться, что львы также невосприимчивы к действию стрихнина.

В ожидании Хэмминга большую часть времени я являлся поводом на озеро. В нем водилась масса рыбы. Особенно хорошо клевала щука. В качестве наживки использовались кусочки мяса, и Калулу, сидя в лодке с короткой удочкой в руках, вытаскивал полуметровых рыбин одну за другой с механическим постоянством. Казалось, они выстроились в очередь под днищем лодки. Однажды мне довелось рыбачить со старшим братом Казомы, и в разговоре случайно выяснилось, что он был хорошо знаком с Ливингстоном. Отважный первопроходец Африки известен в этих краях под именем "Ингреси" (Англичанин).

Наскучив продолжительным сидением на одной месте, я совершил небольшое водное путешествие к миссис Лукомба. Святые отцы приняли меня ласково, как блудного сына, и вручили на прощание пакет с сахаром, чему я очень обрадовался – наш запас кончился уже две недели назад, а меда здесь не было.

Жители селения, расположенного неподалеку от миссии, попытались заняться выращиванием бананов и теперь на все лады проклинали слонов. Толстокожие регулярно навещали плантацию, вытаптывая то немного, что не успевали съесть. Как раз накануне моего приходы слоны – их было трое – уничтожили полсотни саженцев в течение одной ночи. Люди пробовали окружить банановые посадки рвом, но это помогло ненадолго. Хитроумные обжоры несколькими ударами могучих ног обрушивали край рва и, сгладив таким образом откос, спускались вниз. Затем, действуя бивнями и хоботом, они взрыхляли и сгребали землю с другой стенки рва, пока не получался достаточно пологий склон, по которому можно было подняться наверх.

К сожалению, я уже не мог помочь этим людям – лицензия позволяла убить на территории округа не более трех слонов. Вернувшись в лагерь, я застал там страшно разочарованного Хэмминга. Ему по-прежнему не везло. Он ранил большого слона, но тот оказался на редкость проворным, и догнать его не удалось. На обратном пути Хэмминг едва спасся от рассвирепевшей слонихи – она напала на него, и он, отпрыгнув в сторону, запутался в зарослях вьюнков и упал, выронив ружье. Слониха промчалась в нескольких шагах, но, к счастью, не стало его разыскивать. Передохнув пару дней, мой друг решил сделать еще одну попытку; он уже начал подозревать всех окрестных слонов в некоем заговоре, направленном лично против него. Я снова остался в лагере и вскоре свалился в очередном

приступе лихорадки. Хэмминг вернулся через две недели с пустыми руками и кипя от негодования. Мне к тому времени стало полегче, и мы решили перебраться на восточный берег озера. Любопытно, что в водах Бангвеоло нет не только бегемотов, но и крокодилов – туземцы часто и безбоязненно купаются на мелководье, и я не раз следовал их примеру. Если рассказы о таинственном страшном звере, живущем в глубинах озера, не миф, то отсутствие крокодилов можно считать дополнительным аргументом в пользу его существования. В самом деле, ведь тот, кто питается бегемотами, наверняка способен закусить крокодилом.

Двадцатого сентября наш караван покинул лагерь; Казома был очень огорчен расставанием. Дружески простившись с жителями, мы тронулись в тридцатимильный путь к Луэне – административному центру соседнего округа. Я опять воспользовался велосипедом и вечером того же дня ужинал в доме комиссара Осборна.

Форт Луэна, как и Розберри, построен недавно и очень основательно. Все здания сложены из обожженного кирпича – большая редкость во внутренних районах Африки. Постройкой руководил тот же архитектор, по замыслу которого создан памятник Ливингстону возле Читамбо.

Осборн был прекрасным охотником, и искать тему для разговора нам не пришлось. Правда, служебные обязанности оставляли ему мало свободного времени, и о многодневных экспедициях не приходилось думать. Но в них и не возникало особой надобности – как раз перед моим приходом он подстрелил буйвола, решившего попасться на огороде позади дома.

К своей работе Осборн относился очень серьезно и внимательно. ему удалось наладить контакт с племенем бватва, и он по праву гордился своим достижением. Это замкнутое, осторожное племя живет

в свайных хижинах среди болот. В течение долгого времени бватва избегали любого общения с белыми. Много дней Осборн провел в лодке, среди несущих лихорадку болотных испарений, под палящим солнцем, окруженный тучами москитов – и все ради того, чтобы убедить людей выйти из изоляции и воспользоваться в случае любой нужды его помощью и защитой.

В тот вечер мы с Хэммингом устроили военный совет, на котором разработали следующий план: он движется к селению Лутикиша и устраивает там основной лагерь, а я с легким караваном пройду до Кассамы, откуда можно будет послать телеграмму в Тете и узнать, прибыло ли заказанное нами новое снаряжение. В случае положительного ответа я сажусь на велосипед и один, без носильщиков, мчусь в Тете через форт Джемстон, получаю грузы, формирую новый караван и возвращаюсь обратно.

На следующий день, отправив людей вперед, я весело покатил по дороге. Огибая группу деревьев, я налетел на острый сучок, валявшийся на земле, затормозил и в ту же секунду увидел в тридцати шагах большого буйвола. Трудно сказать, кто из нас испугался больше. Соскочив с велосипеда, я метнулся было к ближайшей акации, но в это время бык всхрапнул, затряс головой, словно отгоняя страшное наваждение, и тяжелым галопом поскакал прочь, взметая копытами фонтаны красноватой пыли. Я перевел дух и занялся починкой камеры. Следовало благодарить судьбу – ведь никакого оружия у меня при себе не было.

Возле селения Нгомба я догнал караван, и мы остановились на ночлег.

Здесь начинались земли племени авемба. Это одно из ответвлений семьи зулусов, перешедшее Замбези в ходе великой экспансии на Север, предпринятой во времена Мозеликатце. Осев на захваченных землях, они продолжали непрерывно теснить своих соседей,

победив в грандиозной битве даже таких прославленных воинов, как вангони.

до прихода в страну европейских торговых компаний авемба беспрепятственно вели красочную, привольную жизнь, чередуя пиры и охоту с разбойничьими набегами. Муха цеце сделала невозможным скотоводство в этих местах, но потомки зулусов легко вышли из положения – они просто грабили соседние племена, отбирая у них не только коров, но и девушек. Угнетенным пришлось смириться со своей участью.

И это многотысячное, буйное и свирепое племя было приведено к покорности и мирному образу жизни горсткой европейцев, не располагавших никакими войсками, кроме нескольких десятков аскари.

Имена Юнга, Маккиннона и Маршалла неизвестны широкой публике, хотя этим людям, их бесстрашию, хладнокровию и такту, мы обязаны таким грандиозным делом, как бескровное усмирение Центральной Африки. Все могло обернуться совсем иначе, и если бы отношения белых с авемба направлялись менее опытными и твердыми руками, здесь возникло бы не меньше трудностей, чем с матабеле – на юге.

Внешне авемба сохранили все характерные черты зулусов. Это люди могучего сложения, с темно-бронзовой кожей и не слишком негроидным типом лица. С окончанием межплеменных войн их энергия в основном сосредоточилась на охоте, но поскольку администрация бдительно следит, чтобы к авемба не попадало огнестрельное оружие, они нередко идут на службу в караваны европейцев. Это дает им возможность охотиться на слонов, хотя и на вторых ролях.

В прошлом племенем деспотически управляли великие вожди; имена двух последних – Мамба и Читумакулу. Основным инструментом власти была

невероятная жестокость, проявлявшаяся при малейших признаках ослушания, а иногда и без оных. Так, например, каждый вождь держал собственную хоровую капеллу (авемба – очень музыкальный народ). Когда владыка замечал среди своих подданных человека с красивым голосом, то немедленно приказывал взять его в число певцов. Затем с новичком заключался своеобразный "контракт": ему выкалывали глаза. Это операция, не влияя на голосовые связки, гарантировала пожизненное пребывание несчастного на новой должности – убежав, он бы умер с голоду. Иногда певцам, в виде особой милости, сохраняли зрение и всего лишь отрубали пальцы рук.

Нередко казни устраивали в профилактических целях. когда Читумакулу казалось, что где-то зреет недовольство, он приказывал схватить там несколько первых попавшихся людей. Их убивали или, искалечив, отпускали обратно – просто чтобы показать, кто остается хозяином страны и всех живущих в ней.

Но самая страшная участь ждала того, кто осмеливался посягнуть на святая святых – гарем вождя. Я видел старика, уличенного когда-то в преступной связи с одной из бесчисленных жен Читумакулу. У этого несчастного отсутствовали уши, нос, губы и кисти обеих рук. Кроме того, он был кастрирован. А женщине в подобных случаях отрезали груди.

Вожди авемба обычно не унижались до того, чтобы ходить пешком. Даже в пределах собственной деревни черный властелин передвигался на носилках. В путешествиях вождя, кроме охраны, сопровождала домашняя челядь, и в том числе ослепленные певцы.

По обычаям племени, глава каждого рода рано или поздно должен был основать новую деревню, в которой, естественно, становился старейшиной. Этим достигалось заселение завоеванных территорий и,

таким образом, постоянное расширение пределов власти великого вождя.

Надо заметить, что авемба – это единственное мне племя, где принято соблюдать траур по покойнику. После смерти одного из членов семьи остальные в течение месяца носят темно-серую повязку из древесной коры.

Смерть великого вождя отмечалась тризной с многочисленными человеческими жертвоприношениями. Владыку погребали в сидячем положении, закутанным в набальзамированные покрывала. у ног его клали тела убитых – их души должны были служить вождю в загробном мире.

После кончины последнего из вождей произошла любопытная история. некий патер из миссии Каямби, возле Кассамы, попытался установить в Авембаленде что-то вроде теократического правления. Он объявил себя верховным владыкой и Божьим помазанником, а всю страну – собственностью миссии. В своих притязаниях святой отец опирался на поддержку новообращенных членов племени. История грозила обернуться большим скандалом, но, к счастью, в это время в Аберкорне еще находился Маккиннон. Действуя, как всегда, спокойно и быстро, он явился в Кассаму, утихомирил не по разуму усердного миссионера и, не прибегая к насилию, восстановил порядок в окрестностях.

Отправив из Кассамы посыльного на телеграфную станцию в Аберкорне, я слег в постель – снова начиналась лихорадка. Через пару дней мне полегчало, и одновременно пришел ответ, что заказанные грузы еще не получены. Я решил вернуться в Луитикишу, в лагерь Хэмминга.

Октябрь 1907 года я провел частью в зарослях, скрадывая антилоп, частью в Луэне, под гостеприимным кровом Осборна. Как-то раз его посетил один бельгиец,

представитель "Концессии Катанга", горевший желанием посвятить свой отпуск охоте на крупную дичь. Это был очень живой и говорливый господин. Мы слушали его и поддакивали, пока он не упомянул о своем намерении поохотиться на слона, вооружившись лишь браунингом – дескать, мишень велика, промахнуться невозможно. Другое дело птицы: тут уж не обойтись без ружья.

Осборн поперхнулся пивом и отчаянно закашлялся, а я осторожно поинтересовался, видел ли мсье Р. африканского слона – живым или мертвым? – "Конечно", – с энтузиазмом отвечал мой собеседник. – "Я внимательно осмотрел слона, издохшего в Антверпенском зоопарке." Мне осталось лишь умолкнуть и поскорее откланяться.

27 октября мы впервые в жизни испытали землетрясение. Около полудня внезапно поднялся ветер, через пару минут превратившийся в ураган. к завыванию ветра присоединился глухой, низкий гул – казалось, он доносится со всех сторон, потом задребезжали стаканы на столе, и мы бросились вон из дома, сообразив наконец, что происходит. Небо от горизонта до горизонта затянуло черная мгла; земля под ногами тряслась мелкой, частой дрожью. Это продолжалось всего несколько секунд, но произвело достаточно сильное впечатление. Через полчаса после землетрясения солнце уже сияло, как прежде.

Хэмминг все еще не использовал свое лицензионное право на отстрел двух слонов, и я задумал отправиться вместе с ним и попробовать принести ему удачу. Поначалу мой друг отнесся к этому предложению без восторга, заподозрив меня в недоверии к его охотничьим способностям, но в конце концов согласился. Все прошло как по маслу. Уже на второй день мы нашли следы, а к исходу третьего дня уложили двух отличных самцов. Куда больше переживаний, чем

сама охота, доставил нам эпизод, в котором главным действующими лицами были Хэмминг и слониhi.

Следуя за стадом, мы обнаружили, что слишком оторвались от носильщиков. Подобное положение опасно, так как после выстрела испуганные животные, убегая, могут наткнуться на безоружных людей. решив подождать, мы улеглись в тени под деревом. день был очень жаркий, и всех клонило в сон. Но не успел я задремать, как был разбужен громким утробным бурчанием. Приоткрыв глаза, я посмотрел на Хэмминга – он сидел, уставившись в одну точку, а рядом спали наши оруженосцы.

"Чем без толку глазеть по сторонам, лучше уgomонили бы свой желудок, – вяло произнес я, удрученный прерванным сном. – Вот я, например, сохраняю тишину, хотя и голоден не меньше вашего."

"Отстаньте от моего желудка. Он здесь ни при чем... Внимание, тембо!!" – с этими словами мой друг вскочил и бросился к ближайшему дереву. И действительно, в пятнадцати метрах от нас заросли раздвинулись и показали пять огромных силуэтов – но, как назло, одни слониhi.

Я немного замешкался, расталкивая пинками оруженосцев. Надо отдать им должное – продрав глаза, они не издали ни звука и через пару секунд уже сидели на ветвях в нескольких метрах от земли.

Слониhi направлялись прямо к Хэммингу. Не было сомнения, что поравнявшись с деревцем, за которым спрятался мой друг, они увидят его, а менять укрытие уже поздно. Я поднял ружье, собираясь для начала выстрелить в воздух, и как раз в этот момент Хэмминг пронзительно свистнул. Слониhi остановились. Десять громадных ушей быстро задвигались, определяя направление звука, а хоботы взмыли вверх. Но возникшее напряжение тут же разрешилось самым невероятным образом. Побагровевший от гнева Хэмминг

выскочил из-за дерева и заорал: "Убирайтесь, сукины дочери! Какого дьявола!.."

Потрясенные такой грубостью со стороны английского офицера и джентльмена, все пять толстокожих дам, как по команде, повернулись кругом и удалились мелкими шажками, возмущенно задрав хвосты. Это выглядело до того забавно, что даже наши оруженосцы, соскользнув с деревьев, распластались на траве, корчась от смеха. Ни они, ни слониhi не знали английского языка, но все было понятно без перевода.

Вернувшись в Кассаму, мы простились с друзьями и продолжили путь на восток. Рождество нам удалось встретить под кровом, на ферме Скоттсдейл. Несколько дней мы провели в окрестностях фермы, охотясь в долине Лоангвы. Здесь произошла моя первая встреча со знаменитым родезийским охотником Мак-Нейлом – он решил проводить нас до Каронги.

На Лоангве обитает немногочисленное лесное племя вассенга. Ни земледелием, ни скотоводством они не занимаются, добывая пропитание охотой и сбором диких плодов. Зажатые между гораздо более сильными и воинственными народами – авемба на севере и вангони на юге – люди вассенга издавна влачат весьма жалкое существование, являясь для соседей постоянным источником рабов и наложниц.

Дичь, хотя и встречалась не очень часто, была исключительно разнообразной. За две недели мне удалось добыть не меньше пятнадцати различных видов антилоп, включая большого куду. Кроме того, здесь водились буйволы, носороги и слоны.

Начались дожди, и надо было спешить. местность на пути к Каронге довольно холмистая, и последний десяток миль дался нам с большим трудом. С неба низвергался холодный ливень, ручьи вышли из берегов, превратившись в бурлящие грязевые потоки, и мы почти вслепую карабкались по крутым глинистым

берегам. Люди оступались и падали в воду, и лишь мысль о близком отдыхе в тепле и под крышей придавала сил и заставляла идти вперед. Наконец, уже вечером, впереди мелькнули огни, и за пеленой дождя проступили очертания старинных стена Каронги. Когда-то она была крепостью арабских купцов, одним из бастионов мусульманской экспансии в Центральной Африке. Через полчаса, разместив носильщиков, мы уже потягивали виски с содовой в кругу новых друзей – комиссара Пальмера, капитана Харди и мистера Росса, владельца ближайшей фактории. В тот уютный вечер трудно было предположить, что двоим из шести человек, собравшихся за столом, предстоит в скором времени переселиться в "леса счастливой охоты".

Глава XII

В Германской Восточной Африке

В Каронге мы задержались на неделю, отдыхая перед вылазкой в глубь Германской Восточной Африки. Заказанное в Лондоне снаряжение еще не прибыло, но нас выручил Росс, вызвавшийся быть нашим уполномоченным агентом. С благодарностью переложив на него все заботы, связанные с перепиской и получением грузов, восемнадцатого января мы простились с друзьями и выступили из Каронги.

Пальмеру хотелось развлечь нас зрелищем туземной охоты на бегемотов, но это не удалось по очень своеобразной причине. Дело в том, что люди племени ванконде, живущие на берегах озера Ньяса, отличаются – даже от всех других племен – совершенно несравненной, непобедимой ленью. Ни уговоры, ни плата не в состоянии заставить ванконде заняться чем-либо, кроме того, чего им хочется в данную минуту. Носильщики из этого племени, нанятые неопытным путешественником, очень быстро доводят его до иступления и умопомешательства – выедь помимо феноменальной лени, они просто не умеют ходить. Это следует понимать буквально: подобно многим приморским жителям, люди ванконде передвигаются в основном по воде, на каноэ, и пешая ходьба для них – дело непривычное и утомительно. Впрочем, лень и сибаритские наклонности ванконде легко объяснимы. Они живут в благодатном краю с очень плодородной землей и сравнительно мягким климатом. Не требующие ухода банановые рощи окружают каждую деревню; на прибрежных холмах пасутся стада коров.

Здесь не нужно ни сеять, ни жать, чтобы добыть пропитание – все само валится в рот. К тому же основная (и любимая) пища ванконде – бананы и молоко. Будучи вынужденными изменить рацион, они быстро слабеют и даже заболевают.

Как и масхукулумбве, ванконде предпочитают не пользоваться никакой одеждой. Обнаженными ходят дети и взрослые, мужчины и женщины. Но надо сказать, что селения их выглядят опрятными и ухоженными.

Страна вокруг богата дичью, но ванконде охотятся только на бегемотов – это позволяет добыть много мяса при сравнительно небольшой затрате сил и времени. Охота происходит следующим образом.

Несколько лодок, в каждой из которых по пять-шесть человек, осторожно подплывают к стаду. Бегемоты чаще всего собираются на отмелях или в теплой воде маленьких бухт. Приблизившись, охотники поднимают шум – кричат, бьют в барабаны, хлопают по воде. Испуганные животные ныряют в озеро и кидаются в рассыпную. Этого и добиваются люди – ведь атаковать бегемотов, пока они вместе, очень опасно. Наметив одного, лодки бросаются в погоню. Теперь на носу каждого каноэ стоит кто-нибудь из охотников, вооруженный гарпуном, вроде тех, что применяются на китобойных судах, с привязанной к древку прочной веревкой. когда бегемот оказывается в трех-четырех метрах, в него летят гарпуны. Несчастный зверь мечется, волоча за собой лодки, но скоро ослабевает от потери крови, и его добивают длинными тяжелыми копьями. Затем добычу буксируют к берегу и разделывают. теперь все селение – несколько сотен человек – пару дней будет объедаться мясом.

Сами бегемоты почти никогда не нападают на людей, но, будучи ранеными, способны к яростной обороне. Я видел лодки, выглядевшие так, словно часть их трехсантиметрового борта грубо вырублена большим

топором. Нередко такие же провалы зияли в днищах, толщина которых вдвое больше. Это следы огромных передних зубов и могучих челюстей бегемота. Но на руку охотникам играет то обстоятельство, что зверь, потопив каноэ, обычно не обращает внимания на барахтающихся в воде людей. Видимо, в его мозгу не укладывается мысль, что столь мелкие существа сумели причинить ему вред, и он рассматривает в качестве достойного противника только лодку. Бесспорно, такая охота была бы интересным и волнующим зрелищем, но увы! Как раз во время нашего пребывания в Каронге ванконде не имели желания охотиться на бегемотов, и все старания резидента остались безрезультатными.

Впадающая в озера река Зонгве образует естественную границу между Германской Восточной Африкой и британским Ньясалендом. Здесь еще сохранилось здание поста Зонгве, необитаемое уже несколько лет. Мы остановились на ночлег рядом с ним. Ночевать внутри было бы слишком рискованно, и мы предпочли, несмотря на дождливый сезон, провести ночь под открытым небом. дело в том, что в тростниковых крышах покинутых домов, как правило, обитают целые полчища знаменитых "папази" – клещей, чей укус вызывает перемежающуюся лихорадку. симптомы этой болезни похожи на малярию, но хинин и другие лекарства бессильны против нее. Однажды попав в кровь, возбудитель болезни живет годами, и человек, подхвативший перемежающуюся лихорадку, время от времени валится в очередном приступе, причем каждый последующий тяжелее предыдущего. Хуже всего, что болезнь дает осложнения, поражающие различные органы: такова, например, "танганьикская слепота" – потеря зрения, вызванная перемежающейся лихорадкой.

Наша предосторожность была вполне оправданна. Вечером, зайдя осмотреть станцию, при свете

карманного фонаря я сам увидел множество клещей. Эти мерзкие безглазые твари, похожие на клопов, активизируются с наступлением темноты и выползают в поисках добычи.

Мы провели трудную ночь – весь день шел дождь, и негде было набрать сухой травы для постелей. Поднявшись с восходом, мы простились с "постом клещей" и к десяти часам уже подходили к Муэйя, не встретив по дороге никого, кроме нескольких бегемотов.

Муэйя – типичная восточноафриканская деревушка, населенная неграми и арабами. Течение жизни определяют базар и мечеть. Не успев толком осмотреться, мы угодили в лапы местной администрации, и хотя приняли нас довольно любезно, здесь в полной мере проявился немецкий бюрократизм. Все было обставлено серьезно и внушительно. По песчаной улице перед зданием инспекции расхаживал чернокожий полицейский: красный шарф свидетельствовал о его высоком звании. Наши ружья и боеприпасы торжественно опечатали и отправили в Нойлангенбург, административный центр округа – там, после уплаты въездной пошлины, выдавались разрешения на охоту.

Решив дать отдых ногам, мы купили у одного сомалийца пару мулов. Эти белые мулы выглядели весьма почтенными животными, и с их морд не сходило выражение грустной покорности. Но сколько внутреннего жара скрывалось под их флегматичной внешностью! Они отстаивали свои убеждения с упорством средневековых еретиков. Мул Хэмминга отличался особенным злонравием. Временами, без всяких видимых причин, он неожиданно останавливался как вкопанный; седло съезжало ему на шею, и мой друг летел на землю. И все время, пока он сидел в траве, потирая ушибы и изрыгая проклятия, мул смотрел на

него с тем же смиренно-скорбным выражением. Моя скотина была немногим лучше, но все же я был рад, что приобрел ее – сказывалась привитая с юности любовь к седлу. Как всякий кавалерист, я считаю, что лучше плохо ездить, чем хорошо ходить.

От Муэя до Нойлангенбурга проложено отличное шоссе. Единственную трудность представляла переправа всего каравана через Мпаку – строительство моста, уже поглотившее огромные средства, еще не завершилось, а ежегодные наводнения успешно сводили на нет усилия рабочих и инженеров.

На следующее утро мы были в Нойлангенбурге, где нас радушно принял начальник округа.

Город расположен довольно высоко, и по ночам мы с непривычки мерзли. В остальном он не представляет ничего примечательного. Неприятной чертой, бросавшейся в глаза, являлся принцип расовой обособленности – деление на черных и белых пронизывало все сферы жизни. Мне, проведшему пять лет в африканском буше, было трудновато привыкнуть к этому, а также к духу наживы, сильно заметному в речах и поведении белых жителей города.

Накануне нашего прибытия на площади состоялась публичная казнь. Осужденного повесили за убийство. Я не любитель подобных зрелищ, но надо признать, что они производят, в общем, благотворное действие на туземцев и способствует установлению более мирной и спокойной жизни в сельских районах. Все смертные приговоры вступают в силу лишь после утверждения губернатором в Дар-эс-Саламе.

Мы покинули Нойлангенбург восьмого января и, пройдя всего несколько километров, становились переночевать в немецкой католической миссии у подножия горы Рунгве – до меня доходили слухи о замеченных в этих местах стадах слонов. Сведения не подтвердились, но мы повели очень приятный вечер.

Обстановка в миссии так живо напоминала Германию, что я как бы перенесся на четыре тысячи миль на северо-запад. Впечатление усиливалось еще и тем, что из-за высокогорного климата погода последних дней очень походила на европейскую весну.

Наутро, подгоняемые холодом, мы двинулись дальше, и через два дня перед нами открылась долина Уссангу. После осторожного спуска, занявшего несколько часов, наш караван снова очутился в тропиках.

В тот вечер мы разбили лагерь на берегу ручья, неподалеку от деревни Мерере-младшего, племянника главы племени вассангу, старого "султана" Мерере, умершего в 1906 г. Говорили, что он был отравлен.

Ночью не обошлось без переполоха. Я забыл упомянуть, что еще до прихода в Каронгу Бобзи одарила нас пятью щенятами. Кроме того, один знакомый в форте был настолько любезен, что подарил мне свою собаку. Эта несчастная беспородная тварь, угловатая, как дверной косяк, видела в жизни, судя по всему, мало радости. Ее ожидала горькая участь. Став счастливой матерью, Бобзи вместе со щенками переселилась под мою раскладную кровать, и на привалах все семейство отдыхало именно там. Подозрительная Бобзи всегда выгоняла новую собаку из палатки, и та спала снаружи, у входа. И вот среди ночи лагерь огласился душераздирающим воплем. Схватив ружья, мы с Хэммингом выскочили из палаток и услышали удаляющийся жалобный визг, который вскоре затих. Утром, после осмотра следов, выяснилось, что бедная собака стала жертвой голодной гиены, пробравшейся в лагерь. Этот случай показывает, что гиена не столь трусливое животное, какой ее рисует молва, и далеко не безобидна.

В этот день Мерере удостоил нас своим посещением и с большим энтузиазмом принял предложение распить

бутылку виски. Любопытная деталь: в английских колониях одинаково наказуемым деянием является как продажа спиртного туземцам, так и преподнесение его в подарок; в немецких же запрещено продавать, но дарить можно. Это очень существенная разница, и ее с выгодой используют и европейцы, и негры.

Следующим пунктом нашего маршрута был Новый Утенгуле – резиденция "султана" Мерере. Это крупнейший город чисто туземной постройки, виденный мною. Он производит очень занятное впечатление. Здесь мы познакомились с особым типом строительства, называемым "тембе". Тембе – это как бы один большой одноэтажный дом с внутренним двориком, сооруженный по периметру четырехугольника; отдельные хижины имеют, таким образом, по две общих стены. Внутренний двор используется в качестве загона для скота. Впрочем, многие жители предпочитают держать своих коров и коз в хижинах – так надежнее, ведь для леопарда не составляет большого труда пробраться в загон. крыша плоская, ее делают из земли, навоза и глины. Эту смесь укладывают на переплетенные тростником деревянные стропила и плотно утрамбовывают. Иногда на крышах рассыпают зерно, чтобы оно посушилось на солнце. Отдельные зерна и занесенные ветром семена диких растений забираются в щели и со временем порастают. Постепенно крыша превращается в пышный газон. Издали кажется, будто целый сан – правда, сильно заросший сорняками – парит в воздухе.

Новый Утенгуле состоит из нескольких десятков таких тембе, и в сухой сезон, вероятно, довольно удобен для жизни. Но во время дождей истоптанная стадами земля на улицах и в окрестностях превращается в жидкую грязь, и всякое передвижение становится очень затруднительным. Если добавить сюда еще гиен и грифов, по-братски разделивших

заботы по очистке улиц от съестных отбросов, то станет ясно, почему этот городок в целом не произвел на нас особенно приятного впечатления.

Прежний, Старый Утенгуле, был расположен в Руахе, в глубине страны. После восстания 1904 года он был скрыт по распоряжению правительства.

Сам глава племени, сын старого Мерере, отсутствовал, и нам не удалось с ним познакомиться.

Вассангу живут в долине Руахи на обоих берегах. Это очень богатое племя. Здесь – впервые после Зулуленда в дни моей юности – я увидел бесчисленные стада ширококорогих коров. Мужчины племени, как правило, хорошо сложены и довольно красивы, чего нельзя сказать о женщинах. Должен признаться, что сам я недолюбливаю вассангу. Меня всегда раздражала их непоколебимая спесь по отношению ко всем смертным, не имеющим чести принадлежать к этому племени. Вообще, жизнь в буше сделала меня убежденным сторонником простоты и демократизма в общении с людьми. Когда я встречаюсь с каким-нибудь "мчензи"^[4], важно шествующим в сопровождении боя, несущего над ним зонтик, у меня является неодолимое желание дать ему хорошего пинка под зад. Бывало, что некоторые из подобных господ окидывали презрительным взглядом мою запыленную одежду – и тогда я уступал своему желанию.

Примерно такой же комплекс чувств вызывали у меня вассангу. Поистине, они держались нагло, даже слишком нагло. Это способствовало еще и то, что мы не принадлежали к числу "бвана мкубо" (чиновников), а были обычными "вазунгу" (европейцами). Впрочем, мне удалось довольно быстро переломить такое отношение, не прибегая к столь радикальному средству, как пинки – хватило слов. Я добился не только уважения, но и, в определенной степени, дружелюбия со стороны

вассангу, и за все время нашего пребывания в Утенгуле на меня не было ни одной жалобы.

Для Хэмминга оставалось загадкой, как я ухитряюсь находить общий язык с этими "чернокожими снобами". его британские представления о чести и честности подверглись тяжелым испытаниям и несколько раз приводили к неприятным конфликтам, которые мне приходилось улаживать.

Два арабских купца, приходившие в наш лагерь покурить и обменяться новостями, усиленно рекомендовали охоту в горной местности Дзям-Дзям, находившейся в двух переходах от Утенгуле. Совет был разумен, и мы решили последовать ему, тем более что значительная часть долины все равно оказывается под водой в период дождей.

Четвертого февраля мы подошли к предгорьям. Дорога становилась все круче, и травяные заросли постепенно сменялись светлыми редколесьями. Здесь вполне можно было встретить слонов, и скоро стали попадаться следы, правда, довольно старые.

Дойдя до селения Мангоро, караван остановился. Тут жил мой старый знакомый Ассани, из племени суахели. В молодости его похитили арабские работорговцы и увезли на Западное побережье, но через несколько лет ему удалось бежать. Подробности его жизни в рабстве и счастливого освобождения мне неизвестны – Ассани всегда обижался, когда речь заходила о тех временах, и старался перевести разговор на другую тему. Но годы, проведенные у арабов, сделали его правоверным мусульманином: он ходил в чалме и арабской галабии, ежедневно творил намаз, не употреблял свинины и даже читал Коран. Но при всей своей религиозности Ассани оставался отличным парнем, и нас с ним связывала искренняя дружба.

Разместив багаж в двух наспех сооруженных хижинах и передохнув, мы собрались на поиски слонов. Хэмминг решил пойти на восток, по направлению к Руахе, а я – на север. Вместе со мной отправился вождь деревни – или, как он себя называл, султан – Манкунья; сей высокородный охотник сам вызвался сопровождать меня.

Помимо охотничьего азарта, нас подгоняла необходимость пополнить запасы продовольствия. Рис, купленный в Нойлангенбурге, подходил к концу, а новый урожай еще не был собран. караван включал больше сотни носильщиков, и только на еду приходилось тратить по шиллингу на человека в день. Добыть необходимые средства мы могли только охотой и последующей продажей бивней. Кроме того, не мешало создать в лагере запас сушеного или вяленого мяса – я хотел провести возле Мангоро весь период дождей.

Во время ливней, спасаясь от наводнений, большинство животных уходит в горные районы, и, казалось бы, охота должна быть удачной. Но увы – неделя, проведенная с Манкуньей, стала одной из наиболее тяжелых и бесплодных экспедиций. Все началось с очередного приступа лихорадки. Через день, когда я немного оправился, мы обнаружили следы слонов, и после напряженного марша под поливным дождем настигли стадо. К моей радости, здесь было по крайней мере двое взрослых самцов. В отличие от людей, дождь доставляет толстокожим лишь удовольствие, и слоны, придя в хорошее настроение, занимались чем-то средним между борьбой и фехтованием. Сцепившись хоботами, огромные животные покачивались взад-вперед; временами то один, то другой самец делал резкий выпад головой, словно наносил удар, но "противник" успевал парировать его своими бивнями. Движения бойцов

поражали сочетанием силы и своеобразной тяжеловесной грации. Длинные бивни, блестящие от дождя, мелькали, как рапира в руке умелого фехтовальщика – а ведь каждый их удар мог бы расщепить ствол дерева! Зрелище оказалось таким захватывающим, что я, забыв об охоте, несколько минут наблюдал за слонами, укрывшись в кустарнике. Это задержка сыграла роковую – для меня – роль: неожиданный порыв ветра известил животных о присутствии человека. Стадо, трубя, ринулось вниз по склону горы и исчезло за пеленой дождя, прежде чем я успел разрядить винтовку.

Попытка догнать слонов осталась безрезультатной. В тот вечер мы ночевали под большой скалой, нависшей над открытой поляной – это была хоть какая-то защита от воды. Но усталость и огорчение взяли свое, и меня снова настигла лихорадка. Утром стало ясно, что до лагеря в таком состоянии я не доберусь. К счастью, неподалеку находилась миссия Кипембабве, и мы, собрав остатки сил, поплелись туда.

Преподобный Бюттнер и его супруга встретили меня как родного. Виски, тепло, сухая постель и хорошая порция хинина оказали живительное действие, и через два дня, напутствуемые бесчисленными добрыми пожеланиями, мы тронулись в Мангоро. В лагере уже был Хэмминг – он вернулся днем раньше после очередной безуспешной охоты. Почти одновременно с нами явился посыльный, принесший долгожданную весточку от Росса; наши грузы начали прибывать, и кому-нибудь следовало отправиться в Каронгу. Передохнув, мы решили, что Хэмминг с частью людей пойдет в форт, а я попытаю счастья на охотничьих тропах.

Между тем Манкунья пришел к выводу, что сыт по горло такой охотой. Я не удивился. Преследование слонов – очень выматывающее занятие. мы дружески

простились, и он вернулся в свой "султанат" – попросту говоря, в селение, которым правил.

На этот раз мой караван пересекли следы крупного одинокого самца, и мы пошли за ним. Дорога была трудной – глинистая красная почва размокла от дождей, люди скользили и оступались. Это внушало мне некоторую тревогу: шум, создаваемый караваном, мог донестись до огромных чутких ушей слона, и все труды опять пойдут насмарку. Поэтому, когда заросли стали гуще, я остановил носильщиков и осторожно проследовал дальше в сопровождении Булиа.

Небо затянули тучи, но ветра не чувствовалось. до наступления темноты оставалось не более двух часов, и я уже хотел возвращаться, когда заметил, как в просвете между деревьями затряслись ветки. Через несколько минут мы увидели слона. Он стоял возле высокой акации, методично обдирая с нее кору. Это было очень странно – вокруг имелся богатый выбор свежего зеленого корма, но слон, не обращая на него внимания, с меланхолическим видом пережевывал длинную полоску коры. Вот очередная порция исчезла в глотке; следует ленивое, словно бы небрежное движение бивней, треск – и слон опять жует свою жесткую трапезу, а голый ствол акации, белый, как скелет, резко выделяется на фоне влажной темной зелени. Во время сухого сезона мне не раз доводилось видеть целые рощи, засохшие на корю – слоны сняли с деревьев всю кору, обрекая их на гибель. Но я не знал, что толстокожие склонны устраивать себе "древесную диету" и при наличии другой пищи.

Воспоминание о неудаче неделю назад было еще слишком свежим. Я решил не увлекаться наблюдениями и не ждать, пока порыв ветра известит слона о моем присутствии. Кусты позволяли приблизиться к животному достаточно близко, и мне удалось сделать два точных выстрела с расстояния не больше двадцати

шагов. Гигант грузно повалился головой вперед, упершись лбом в ободранную акацию. дерево, не выдержав напора, переломилось, как щепка, и тоже рухнуло наземь.

Довольный первой удачей после долгой полосы невезения, я отправил Булиа с носильщиками, а сам стал раскладывать костры вокруг убитого слона. В это время где-то невдалеке слышались человеческие крики; они доносились совсем не с той стороны, где оставались мои люди. Крикнув в ответ, я поспешил на голос и вскоре столкнулся с маленькой сморщенной старушонкой. Она сперва испугалась, увидев меня, а потом обрадовалась. Пока мы выбирались из джунглей, Булиа уже привел караван к туше слона, и все были удивлены моим появлением в обществе невесть откуда взявшейся "мамми".

Поговорив со старухой, Лонгома сообщил, что она заблудилась. Оказывается, слоны, которых я спугнул неделю назад, буквально стерли с лица земли старую лесную тропу, давно известную жителям этих мест, проложив взамен нее широкую просеку. Старая дама, возвращаясь в родную деревню, сбилась с пути и пошла по слоновьей тропе, уводившей ее все дальше в джунгли. Больше двух суток блуждала она под дождем, в полном одиночестве среди густого леса, питаясь какими-то корешками. Услышав выстрелы, старуха собралась с силами и стала кричать и звать на помощь. таким образом, смерть слона привела на этот раз к спасению человеческой жизни.

Ночью я проснулся и несколько секунд лежал в темноте, еще не понимая, что происходит, но чувствуя какое-то напряжение. Тишина вокруг стала слишком глубокой. Вдруг до меня дошло, что лагерь погружен во мрак – отсветы огня уже не плясали на брезентовых стенках палатки. Схватив ружье, я осторожно вылез наружу и тут же наткнулся на темную фигуру,

стоявшую у входа. Это оказался Лонгома. Тихий, еле слышный шепот: "Тембо, бвана" и раздавшееся со всех сторон "урчание" прояснили ситуацию – мы удостоились ночного визита целого стада слонов.

Надо сказать, что со мной такой было впервые; Хэмминг, напротив, уже не раз переживал подобные посещения и как-то притерпелся к ним. Мне же так и не удалось полностью избавиться от неприятного чувства полной беспомощности, охватывающего в такие минуты даже хорошо вооруженного человека. Не знаю, видят ли слоны в темноте, но ориентируются они прекрасно и передвигаются так же бесшумно, как днем. Стрельба в ночном лесу, особенно когда небо затянуто тучами, практически невозможна. Лишь урчание да изредка треск сухой ветки показывает, что в двух-трех десятках шагов стоит серый колосс, способный в считанные минуты истребить все живое вокруг, если что-нибудь приведет его в ярость. Сознание собственного бессилия усугубляется темнотой. дело в том, что слоны не боятся огня и к тому же очень любопытны, так что костры не отпугивают, а скорее приманивают толстокожих. Поэтому, услышав ночью шепот: "Тембо!", люди быстро забрасывает огонь землей, и лагерь погружается во мрак и молчание. Все сидят, затаив дыхание, боясь случайным звуком привлечь внимание слонов.

Я опасался, что животные придут в нежелательное возбуждение, обнаружив поблизости своего мертвого сородича, но этого не произошло. стадо последовало дальше, то ли почуяв убитого слона, то ли не заинтересовавшись им. Утром выяснилось, что в стаде были только самки и детеныши. Забрав бивни и часть мяса, мы повернули назад. Но ночной визит не остался без последствий – исчезла моя верная Бобзи. Осмотрев следы вокруг лагеря, я понял, что произошло. Испуганная темнотой и близостью огромных животных, Бобзи кинулась в сторону и угодила в когти леопарда –

видимо, пятнистый хищник подобрался к лагерю, когда мы потушили костры, и притаился, увидев слонов. Потеря Бобзи была для меня очень тяжким ударом.

Когда до Мангоро остался один переход, мы увидели свежие следы нового стада. Несмотря на усталость, я захотел догнать животных. Эти планы не вызвали особого восторга у моих носильщиков – людям надоели долгие марши под проливным дождем. Начался ропот. Твердо решив не возвращаться в лагерь без двух пар бивней, я приказал всем замолчать и следовать за мной. В другой ситуации такой шаг был бы безусловно ошибочным, но здесь, в незнакомой местности, страх заблудиться служил гарантией против бегства носильщиков.

Я не предусмотрел лишь маршрут, выбранный слонами – он пересекал дорогу к нашему лагерю возле Мангоро. Все тропы в джунглях, в общем, похожи одна на другую, и заблудиться, особенно при желании, очень легко. так и поступили мои молодцы. Вечером, устраиваясь на ночлег, я обнаружил, что пятеро носильщиков скрылись. Досаднее всего, что их груз состоял из провизии, палатки, кухонной утвари и моих постельных принадлежностей. Это был невеселый вечер: ни кружки, ни ложки, ни крыши над головой. Да и каша из лежалой кукурузу с сушеным слоновым мясом вряд ли может считаться таким уж деликатесом. Ночью пошел сильный дождь.

Утром мы двинулись дальше. лес становился гуще. Нам попадалось очень много следов жирафов, но самих животных не было видно. Мой оруженосец Булиа уверенно заявил, что жирафы страны Дзям-Дзям – духи; они оставляют на земле отпечатки своих копыт, но недоступны человеческому взору. Мне осталось только надеяться, что здешние слоны не обладают таким неприятным для охотника свойством, как невидимость.

После полудня мы вышли на открытое плато; вдали, закрывая горизонт, поднимались горы Кипембабве. Местность была не самая подходящая для слонов, но, оглядев в бинокль доступную глазу часть ландшафта, я увидел стадо – животные паслись в кустарнике в двух-трех километрах от нас.

Остановив караван, я велел людям сесть на землю и хранить молчание, а сам в сопровождении Булиа и Лонгомы поспешил вперед, стараясь двигаться как можно тише и избегать открытых участков.

Приблизившись к стаду, мы укрылись за высоким термитником. Ветер дул от слонов к нам, так что имелись хорошие шансы на удачный выстрел.

К моей великой досаде, здесь также не было взрослых самцов – только слонихи с маленькими слонятами, всего около сорока животных. Они спокойно паслись, медленно уходя в прежнем направлении.

Перебежав поближе, я спрятался за большим камнем, надеясь, что с нового наблюдательного пункта смогу высмотреть хоть одного самца. Вскоре мое внимание, как всегда, привлекли слонята. Малыши были невероятно забавны, и временами мне лишь с трудом удавалось подавить громкий смешок, неуместный в подобной ситуации.

Слонята старались во всем подражать поведению взрослых. когда какая-нибудь слониха принималась посыпать себе спину песком, они тоже вскидывали свои короткие хоботки, но не знали, как действовать дальше, и по несколько секунд наблюдали друг за другом, надеясь, что кто-то случайно догадается, какую пользу можно извлечь из этого движения. Мягкие кончики хоботов, предоставленные самим себе, крутились и болтались во все стороны. Временами, увидев, как взрослое животное встряхивает могучей головой, малыши принимались раскачиваться взад-вперед и в

эти моменты напоминали игрушечных слоников на каминной полке.

Один из слонят, нагуляв аппетит, направился к матери. Но час его кормления, видимо, еще не наступил. Огромная толстокожая матрона отодвинула бэби и продолжала трапезу. Решив, что главное – прорваться к материнской груди, а там будь что будет, слоненок атаковал мамашу, словно живую крепость. Заходя с разных сторон, он неожиданно кидался вперед, пытаясь проскользнуть у нее под брюхом. Слониха как будто не обращала на детеныша никакого внимания, но гибкий хобот неизменно успевал остановить малыша, а под конец даже наградил его шлепком.

Обиженно гудя, слоненок отошел, с минуту постоял в задумчивости... и направился к моему камню. Не успел я опомниться, как на меня уже уставились любопытные глазки. Судя по довольному бурчанию, он очень обрадовался новому знакомству и теперь прикидывал, какую бы нам затеять игру.

Я похолодел от ужаса. Вот положение! Стоит мне повести себя хоть сколько-нибудь неучтиво – и слоненок поднимет крик; страшно представить, что тогда начнется. А если ничего не предпринимать, он задержится здесь, в стороне от стада, и вскоре обеспокоенная мать пожалует за ним. В таком случае мне придется стрелять.

Осторожно отпихнув слоненка, я пригнулся и, прячась за кустами, побежал к термитнику. малыш попытался было догнать и боднуть меня, но заплетающиеся ножки помешали ему осуществить это намерение. Надо думать, мы являли довольно забавную картину: человек с винтовкой 600-го калибра – выстрел из нее разорвал бы слоненка на куски – во все лопатки удирает от маленького безобидного звереныша. Я надеюсь, что это слоненок благополучно вырос и

рассказал своему потомству, как когда-то, еще в раннем детстве, он обратил в бегство белого охотника.

Из-за термитника выглянули ошеломленные физиономии Булиа и Лонгомы – они видели весь спектакль. Затем Булиа, коротко вздохнув, показал куда-то вбок. Я посмотрел и увидел трех взрослых самцов, неторопливо приближающихся к стаду; до них оставалось около трехсот метров.

Слоны подходили с наветренной стороны и могли почуять нас при самом незначительном изменении ветра. В этот день мне пришлось хорошо побегать! Сделав небольшой крюк, чтобы зайти с фланга, я сумел подобраться к животным примерно на пятьдесят шагов. Две пули, выпущенные одна за другой в ямку за ухом, уложили крайнего слона наповал, но еще прежде, чем прозвучал второй выстрел, уцелевшие самцы обратились в бегство. Перезарядив ружье, я кинулся за ними, но тут сзади послышались трубные крики стада. Оказывается, слонихи помчались в том же направлении, не заметив меня в высокой траве.

Юркнув за дерево, я дал им пробежать мимо и уже хотел возобновить погоню, когда со стороны термитника раздались выстрелы. Убитый слон, казалось бы, не мог воскреснуть, но, быть может, там появился другой и сейчас сводит счеты с моими оруженосцами? Через несколько минут, задыхаясь, я прибыл на поле битвы, и все разъяснилось. Состав действующих лиц оставался прежним, просто оба героя решили поразвлечься и тратили драгоценные патроны, паля в мертвого слона. Они видели, как вслед за мной пронеслось стадо, и были очень удивлены моим возвращением. Но несколько увесистых затрещин окончательно убедили их, что я жив и невредим.

Это очень характерный случай, показывающий, насколько бесполезно доверять туземцам современное оружие и боеприпасы. Но выхода нет, если

чернокожему не дать ружья – которым он все равно почти не умеет пользоваться – для него исчезает весь интерес охоты, и он будет лишь отбывать ее, как скучную и утомительную повинность.

Догнать слонов уже не представлялось возможным, и я решил вернуть в Мангоро, куда мы и прибыли четвертого марта. Все люди, сопровождающие меня в этой экспедиции с начала и до конца, получили хорошие подарки. Дезертиры, удравшие на полдороге вместе с едой и посудой – они, конечно, преспокойно дожидались нас в лагере. О также не остались без гостинцев, но несколько иного свойства.

Больше трех недель я оставался в лагере. Все деньги и товары для обмена подошли к концу. Основным источником пропитания стала охота – мне приходилось убивать по несколько антилоп в день. От Хэмминга не поступало никаких известий, и это уже начинало меня тревожить. Наконец, тридцатого марта я не выдержал и небольшим караваном двинулся в Утенгуле, в надежде узнать что-нибудь определенное и по возможности запастись продовольствием.

Это путешествие походило на кошмарный сон. Грязь на дорогах была по колено, и я убедился, что местные жители поступают разумно, воздерживаясь от любых передвижений в сезон дождей. Единственным живым существом, встреченным в пути, был принадлежавший одному немецкому колонисту бык – он взбесился и, как говорили, уже покалечил несколько человек. Я еле успел увернуться от проклятой скотины, оставив при этом в грязи оба сапога.

Никаких вестей о Хэмминге в Утенгуле не доходило. Продав два бивня арабским купцам и закупив необходимое продовольствие, я вернулся в Мангоро.

Уже на подходе к лагерю мне встретились следы крупного одинокого самца. Они казались совсем свежими. Отправив людей на отдых и велел им

дождаться моего возвращения, я бросился в погоню, взяв с собой одного только Булиа. Нам действительно удалось быстро догнать слона, но птица-медовед предупредила о приближении людей, и он побежал прочь. Преследование продолжалось еще сутки, и в конце концов, убедившись в его бесполезности, я повернул обратно. Интересно другое: в первый день следы слона пересекли следы какой-то слонихи – разница во времени, судя по всему, составляла пять-шесть часов – а к тому моменту, когда мы прекратили погоню, оба следа уже шли рядом. Таким образом, животные нашли друг друга, хотя первоначально их разделяло около полутора десятков километров. Чтобы окончательно прояснить картину происшедшего, я вернулся по следам слонихи – и убедился, что она побежала в тот же самый момент, когда обратился в бегство испуганный нами слон, и лишь через тридцать километров они встретились. Этот эпизод подтвердил впечатление, давно уже сложившееся у меня и подкрепленное свидетельствами многих других охотников – впечатление о том, что слоны владеют каким-то особым способом обмена мыслями на значительных расстояниях.

Вернувшись в лагерь и передохнув пару дней, я собрался идти в Нойлангенбург – там непременно должны были быть какие-нибудь сведения о Хэмминге. Но утром прибежал Лонгома – он только что видел большого слона совсем недалеко от нас, в лесу на склоне горы, на восток от лагеря. Искушение оказалось слишком велико, и я, схватив ружье, поспешил за ним.

Слон пасся в зарослях акаций; это был могучий самец с огромными бивнями. Мы без особого труда подобрались на двадцать-тридцать метров, но как раз в тот момент, когда я поднимал винтовку, он почуял людей и рысью двинулся прочь. Зная, что догнать бегущего слона уже не удастся, я выстрелил ему в

плечо. Сквозь кусты было видно, как старый гигант остановился и глянул в нашу сторону. Наступил ответственный момент. Слон ранен серьезно, но не смертельно, и к тому же знает, кому обязан постигшей его неприятностью. И тут Лонгома, у которого оставалось запасное ружье, нажал на спуск. не знаю, попал ли он, но в любом случае пуля калибра 8 мм может причинить взрослому слону не больше вреда, чем человеку – укол булавкой. Огромные уши чуть дрогнули, засекая направление звука, колосс мгновенно развернулся, и в следующую секунду серая стена его лба прорвала заросли кустарников. Бросив ружье, с истошным криком "Э-э-мама!" Лонгома пустился наутек, но слон на короткой дистанции легко догоняет даже лошадь, скачущую галопом.

Спрятавшись за деревом, я оставался незамеченным, но не мог стрелять – они находились на одной линии. Вытянув хобот, слон поймал Лонгому за край развязавшейся набедренной повязки. От резкого рывка юноша споткнулся и упал. У меня сжалось сердце. К счастью, слон не растоптал Лонгому, а схватил хоботом и вздернул высоко в воздух, собираясь наколоть на бивень. В этот момент успел разрядить в него оба ствола. Перезаряжая ружье, я от волнения слишком резко закрыл затвор, и слон успел услышать лязгнувший после выстрела металл. Отшвырнув Лонгому, как тряпку, он бросился к моему дереву. Нас разделяло не более пяти шагов, и через секунду огромный белый бивень расщепил ствол в том месте, где только что была моя голова. Стоя на колене, я выстрелил вертикально вверх, в нижнюю челюсть животного, и скользнул за дерево с другой стороны.

Выстрел оказался удачным – выпущенная снизу пуля поразила мозг, и слон рухнул, как подкошенный. Стоя рядом с гигантской тушей, я дрожащими пальцами пытался свернуть сигарету, когда ко мне приблизился

посеревший от страха голый Лонгома. Кусты смягчили удар, и парень отделался царапинами и синяками. "Нам повезло, бвана... Все было уже очень близко," – пробормотал он, глядя на слона. В этот момент я почувствовал, что ноги отказывают мне, и поспешил опуститься на землю.

Начался ливень, но мы не чувствовали потоков холодной воды, возвращаясь в лагерь. И вот – вторая великая удача: там уже поджидали вернувшиеся из Каронги люди Хэмминга. Они принесли письмо, провизию, товары для обмена, а также особый подарок для меня – новый "Маннлихер-Шенауэр" калибра 9 мм. Я был счастлив, узнав, что с Хэммингом все в порядке, но радость быстро сменилась скорбью – оказалось, наш друг, резидент Пальмер, три недели назад скончался в Каронге. Он умер после ужасных мучений из-за паралича мышц гортани, вызванного столбняком.

Глава XIII

Малыш Джумбо

В своей знаменитой книги "С ружьем при свете молний" Шиллинг пишет: "Множество раз я бывал близок к своей вожаделенной цели – поймать и доставить в Европу африканского слона. Казалось, что с завершением постройки железной дороги Уганда – Нил устраняются главные трудности. И все-таки задача осталась невыполненной. Причина тому – бич Африки, муха цеце, делающая невозможным использование любых вьючных животных в караванах, отправляющихся вглубь страны. А довести молодого слона из джунглей до ближайшей станции – дело, требующее наличие постоянных больших запасов воды и корма. Выполнить это в условиях пешего каравана представлялось мне совершенно невозможным, и я отказался от своей затеи."

Будучи простым охотником, я, конечно, был далек от честолюбивой мечты доставить в Европу африканского слона. В то же время эти строки, как видно, все-таки запали мне в душу, поскольку мысль о поимке слоненка посещала меня все чаще. печальный опыт, приобретенный в ходе первой охоты с Ларсеном, показывал, что ловить юного детеныша не имеет смысла – его все равно не удастся выкормить. С другой стороны, слоненок-подросток уже слишком силен, и справиться с ним будет нелегко даже многим людям. Значит, нужен какой-то промежуточный вариант. Я решил положиться на волю случая и посмотреть во время охотничьих экспедиций, не подвернется ли подходящая литература.

Получив весточку от Хэмминга и успокоившись, я занялся благоустройством и расширением лагеря. Вскоре новые хижины были готовы, наш нехитрый быт вошел в нормальную колею, и двадцатого апреля я смог наконец выступить на охоту.

Уже на следующее утро мы увидели следы очень большого стада, а к полудню догнали и самих слонов. Они спокойно паслись в густом подлеску у подножия холма. Одно из животных стояло в стороне поодаль: из-за больших бивней я принял его за старого самца. Однако первый же взгляд в бинокль показал, что это слониха, причем – вот удача! – рядом с ней стоял слоненок-сосунок, уже достаточно окрепший. В Уссангу можно было купить корову, так что со скормливанием малыша не возникло бы никаких проблем. Вопрос заключался в другом – какие действия следует предпринять в данный момент? Если я сейчас застрелю слониху, то слоненка тотчас же усыновит какая-нибудь другая. Поскольку стадо состояло почти исключительно из слоних, мне пришлось бы устроить настоящую бойню, чтобы в конце концов заполучить детеныша. О таком варианте не могло быть и речи. Оставалось лишь продолжать преследование в надежде на более выгодное стечение обстоятельств.

Поскольку никто из носильщиков не удрал, я решил рискнуть и отправиться за стадом.

Слоны скоро двинутся в пути, и мы вслед за ними. Через шесть часов, когда караван остановился на ночлег, расстояние между нами и животными не сократилось, а скорее увеличилось. Так прошли еще сутки.

Развязка наступила на третий день. Идя по следам, мы вступили в заросли слоновой травы, и стебли высотой с дом ограничили видимость до двух метров. Но до стада, судя по всему, было не меньше двух миль, и я шел, не принимая особых мер предосторожности.

Неожиданно потянул слабый ветерок. не успел я забеспокоиться по этому поводу, как огромный хобот раздвинул зеленые стебли совсем рядом со мной. В проеме промелькнули бивни, и слониха – а это была она – затрубив, перешла в наступление. Успев отскочить в сторону, я упал на колено и с дистанции в несколько метров разрядил один за другим оба ствола в убойное место за ухом животного. Споткнувшись на бегу, она грохнулась наземь и больше не шевелилась. Перезарядив ружье, я прислушался. Вокруг царила тишина – значит, остальные слоны где-то достаточно далеко впереди. Но вот в траве раздался приближающийся шорох, и на пробитую слонихой посеку вышел... тот самый слоненок! Не видя вблизи никого из взрослых, осиротевший малыш остался у тела матери.

Я тут же отправил оруженосца и носильщика с приказом – всем идти ко мне и помогать в поимке слоненка, а сам остался наблюдать за ним. Несчастный детеныш бродил вокруг мертвой слонихи и похлопывал ее хоботом, словно побуждая встать и продолжить путь. Замирая от страха, я каждую минуту ждал, что он решит в одиночку догонять стада – тогда я не смогу ему помешать, слоненок слишком велик и тяжел, чтобы удержать его в одиночку. Но вот, наконец, послышались возбужденные голоса, и показались носильщики. Они явились в полном составе и в придачу во всеоружии: с копьями, ножами, дротиками – каждый схватил, что подвернулось под руку. Потребовался весь мой авторитет, чтобы убедить их сложить оружие, так как молодой слон должен быть взят живым и невредимым.

Одновременно выяснилось бчто ни у кого из присутствующих нет при себе веревок, хотя последние недели, именно на случай поимки слоненка или детеныша носорога, каждый человек в караване

постоянно носил с собой пятиметровый отрезок прочного тонкого каната.

Пришлось пренебречь стыдливостью моих людей и настоять, чтобы в дело были пущены набедренные повязки. Связав их, мне удалось получить нечто вроде веревки. После этого мы окружили слоненка со всех сторон и начали сходитьсь. Казалось, маленькое толстокожее ничуть не обескуражено нашими маневрами: оно тут же развернулось и бросилось на ближайшего носильщика. Опасаясь, что наш фронт будет вот-вот прорван, я кинулся вперед и повис на шее у слоненка, сцепив руки и крича людям, чтобы они держали его за хобот. Но желающих рискнуть не нашлось, и слоненок ринулся в сторону кустарника; я висел на нем, как пиявка, а мои чернокожие ассистенты метались вокруг, подбадривая друг друга криками.

Мы с ходу врезались в заросли колючки. Я ощутил во рту солоноватый вкус крови, но не чувствовал боли – было не до того. Наконец, когда слоненок выбрался из кустов, положение спас четырнадцатилетний поваренок Мунони, не побоявшийся ухватиться за хобот. еще кто-то вцепился в хвост, и мы все повалились в одну кучу; я оказался под слоненком и зарылся головой в мягкую землю. Но все же это была победа: набедренные повязки пошли в ход, и слоненка привязали к дереву.

Пока мои люди спешно плели путы из лиан и коры, я восстановил дыхание и убедился, что остался цел, хотя выглядел на лучшем образе – одежда в клочьях, на носу глубокая царапина, и весь в грязи и в слоновьем навозе. Однако это были мелочи, не стоящие внимания. Теперь главное – сохранить слоненка и доставить его к побережью.

Я знал, что нахожусь где-то недалеко от лагеря (слоны, которых мы преследовали, двигались по дуге), но уже темнело, и пришлось заночевать на месте охоты. Лили дождь, но я остался рядом с малышом и всю ночь

охранял его, стараясь по возможности развлечь разговором.

Наутро выяснилось, что до лагеря всего четверть часа ходьбы. Мы без всяких трудностей преодолели этот путь, и пленник был с торжеством водворен в одну и хижин.

Теперь мне предстояло освоить ремесло кормилицы. Приучить слоненка пить молоко из бутылки оказалось нелегко. Но вскоре я заметил, что он обожает жевать мой шейный платок, и задача облегчилась. Для начала я предложил ему платок, один конец которого был засунут в бутылку. Так состоялось его первое знакомство с этим предметом.

Затем в бутылку налили молока, и платок стал выполнять роль соски. Сообразительный малыш уже уяснил взаимосвязь между молоком и бутылкой, и вскоре его можно было поить, не прибегая ни к каким хитростям.

Пользуясь случаем, хочу дать совет всем, кому придется выкармливать любого звериного детеныша: употребляйте кипяченое молоко. Во-первых, как показала практика, он охотней пьют его, чем сырое; во-вторых, гарантия от болезней.

Слоны вообще неизмеримо более впечатлительные звери, чем, скажем, носороги. А наш сирота был к тому же капризен в силу своего юного возраста. Очень быстро выяснилось, что он категорически не желает спать в одиночестве, причем соседство коз и коров его не устраивает: требовалось человеческое общество. Но ночевать рядом с ним было не слишком удобно. Я испытал это на себе.

Представьте, что к вашей походной койке старается потеснее подвалиться годовалый бычок – и вы поймете, что убаюкивание малыша – дело довольно обременительное. Поэтому был выбран компромиссный вариант: самую большую хижину в лагере мы

разгородили редкой, но прочной решеткой. В одной половине спал слоненок, в другой – кто-нибудь из людей. Когда наступала ночь, слоненок ложился, привалившись к решетке, и просовывал хобот между жердями, стараясь по возможности касаться спящего человека. Так он себя чувствовал спокойнее.

Через несколько дней один араб, остановившийся в нашем лагере на пути в Кебелу, рассказал мне, что встретил европейца, который направляется сюда из Утенгуле. Я воспрянул духом.

На следующее утро люди, посланные нарезать травы для мулов, ворвались в лагерь с криками: "Бвана кэптен!" и действительно, через несколько минут появился Хэмминг. Он прибыл прямо из Каронги, где принимал наше долгожданное снаряжение и одновременно занимался подготовкой нового каравана. Мне была преподнесена еще одна новая винтовка – штуцер 450 калибра.

Хэмминг уже слышал о моих успехах и жаждал испытать свое охотничье счастье. Поэтому, проведя несколько дней за распаковкой грузов, он отбыл на равнины Уссангу-Ньика. Там, по слухам, собрались особенно многочисленные стада.

При всем желании я не мог составить ему компанию, так как боялся оставить без присмотра своего воспитанника. Зато у меня было время для экскурсий в окрестностях лагеря.

С наступлением сухого сезона слоны ушли, и на смену им из горных лесов спустились жирафы. Стада этих великолепных животных бродили вокруг и лакомились своим излюбленным кормом – цветками акации. Однажды, когда мы с Лонгомой отдыхали, сидя в кустарниковых зарослях, слышался характерный шорох и потрескивание ветвей. Мы притаились, как мыши, и огромный жираф-самец величественно прошествовал в двадцати шагах от нас. На какой-то миг

прекратив свое удивительное, как бы замедленное, движение, он застыл на месте, выпрямившись, насторожив уши и глядя в направлении лагеря. Как назло, в этот день я не взял с собой камеру.

В другой раз моя карьера чуть не оборвалась самым печальным и бесславным образом. Возвращаясь в лагерь, я пробирался сквозь густой подлесок. Лонгома шел в нескольких шагах впереди. Тропа проходила мимо высокого дерева. Мой оруженосец миновал его без всяких неприятностей и ничего не заметил, когда же я поравнялся со стволом, с одной из ветвей бесшумно соскользнула и качнулась навстречу мне голова большой змеи. Это была черная мамба – самое опасное из всех живых существ Африки. Расстояние между нами не превышало трех футов. я не помню, каким образом успел вскинуть ружье и взвести курок: как бы то ни было, это оказалось вовремя. 8-миллиметровая пуля разорвала пополам ядовитую тварь, а я вытер со лба холодный пот.

Впоследствии при сходных обстоятельствах я убил подобным образом около трех десятков змей. Интересно, что выстрелы в этих случаях всегда оказывались абсолютно точными, хотя мне случалось промахнуться по канне с дистанции не больше двухсот метров.

Забыл упомянуть, что с прибытием Хэмминга мы устроили "крестины" нашему толстокожему бэби. его нарекли звучным историческим именем Джумбо. Мы, в качестве крестных, отпраздновали это событие, откупорив бутылку шампанского.

Весть о слоненке быстро разнеслась по окрестным селениям, и множество людей приходило издалека, чтобы посмотреть на него. Временами такой наплыв посетителей немало раздражал меня. Обиднее всего, что никому не приходило в голову захватить с собой горшок с молоком для Джумбо. А молока требовалось

много, аппетит у слоненка был отменный. Манкунья не пожелал предоставить нам во временное пользование нескольких дойных коз, но на помощь неожиданно пришел Мерере: он в знак своей дружбы послал мне богато украшенное копье вождя и отличную корову. Это было тем более удивительно, что мы с Мерере, вообще говоря, не были близкими друзьями.

В это время произошел довольно забавный эпизод. Уже несколько дней окрестные селения будоражили слухи о некоем белом человеке, как передавали, греке, ведущем насильственную вербовку рабочих. Обеспокоенные жители, хорошо помнившие арабских работорговцев, обратились ко мне с просьбой защитить их, если возникнет такая необходимость. Разумеется, я обещал сделать все от меня зависящее.

И вот как-то вечером к деревне Ассани подошел "караван" из трех носильщиков, ведомый одним из моих знакомых, неким господином М. Люди были страшно перегружены. когда они устроили лагерь, я отправился в гости, будучи заинтригован – как это М. сумел забраться так далеко, обходясь услугами столь малого числа людей? Выяснилось следующее. Он путешествовал, так сказать, "на перекладных" – шел от деревни к деревни, нанимая по несколько человек только на один переход и выигрывая при этом стоимость прокорма. если никто не соглашался или в селении было слишком мало людей, то М. просто оставлял там большую часть своего багажа, приказывая вождю переправить все в следующий населенный пункт. Туземцы подчинялись, не зная, могу ли они отказаться и какими неприятностями им это грозит. Платил ли М. носильщикам – я не знаю. В общем, передо мной был один из тех господ, которые наносят величайший вред престижу европейца в Африке, подрывая успешную цивилизацию великого континента – и все ражи сиюминутной выгоды.

К моему облегчению, М. говорил по-английски, так что не было нужды объясняться на кисуахили в присутствии слуг. Дружелюбно, но достаточно твердо я объяснил ему, что не потреплю подобных мер "разумной экономии" в окрестностях моего лагеря. М. принял эти слова довольно близко к сердцу, и расстались мы не наилучшим образом. Однако назревавший конфликт неожиданно предотвратил Манкунья, прислав нескольких носильщиков с приказом – сопроводить М. до Утенгуле.

Теперь я отправился к озеру Уссангу-Ньика. Джумбо остался в лагере, получившем отныне название "Тембовилль". Первая остановка произошло у селения Ньямаконгве, где лихорадка снова взялась за меня. Такого приступа не было со времени путешествия в Бангвеоло. Я бредил, но каким-то необычным образом. Так, однажды ночью я обнаружил себя – вместе с мулом – в насквозь промокшей пижаме посреди густых джунглей; до деревни было, как потом выяснилось, около часа ходьбы. Лонгома описывал события следующим образом: "Господин, ты проснулся среди ночи и велел сворачивать лагерь и заседлать мула, потому что ты отправляешься на охоту. Мы видели, что ты стал "вазиму" (безумным) и пытались тебя отговорить, но ты повторил приказ и пригрозил нам. Мы испугались и больше не спорили. Когда мула оседлали, ты вскочил на него и, не оборачиваясь, поскакал в лес. Мы побежали следов и скоро увидели, как ты слез, сел под деревом и уснул. Тогда мы осторожно отнесли тебя обратно, в постель." Слушая все это, я благодарил Бога, что в ту ночь мне под руку не подвернулось ружье – страшно подумать, чего я мог бы натворить. К счастью, такое состояние продолжалось недолго, и через сутки я проснулся совершенно здоровым.

Мула вскоре пришлось вернуть обратно – мы уже находились в области, зараженной мухой цеце. Еще

полгода назад граница распространения ужасной мухи проходила в четырех километрах к югу, и в деревнях были большие стада скота. Об этом свидетельствовали краали, теперь уже опустевшие. Раньше считалось, что цеце всегда придерживается одних и тех же определенных районов, так что проявление подобной экспансии было весьма существенным фактом, который следовало учитывать в дальнейшем.

Я перешел в область Яхамеди – плоскую степь, где лишь изредка встречались небольшие пруды, окруженные деревьями. Здесь сухой сезон давно вступил в свои права, Эувфорбии, сумевшие запасти в толстых корнях достаточно влаги, еще зеленели, но трава пожухла, и огромные серые баобабы, первыми скинувшие листву, простирали к жаркому небу извилистые голые ветви. За равной начинался буш.

В Яхамеди я взял двух новых проводников, оказавшихся весьма знающими и надежными людьми. И вот рано утром они нашли свежие следы большого стада слонов. Около четырех часов мы преследовали животных, и когда был сделан привал для завтрака, до них оставалось не больше двух километров. Перекусив, мы тронулись дальше, и вскоре уже можно было слышать треск веток. Остановив караван, я осторожно пошел в сопровождении оруженосцев. Мы вошли в рощу, и до стада оставалось не более сотни метров. Внезапно один из людей остановился, схватил меня за руку и молча показал вправо. Я увидел, как зашевелились ветки, и показался великолепный слон – он шел к нам.

Подпустив его шагов на тридцать, я разрядил оба ствола. Слон упал на колени, но тут же поднялся, шагнул в сторону и исчез за деревьями. Заметив направление, я побежал наперерез и, дождавшись, когда он появился в открытом месте, послал в него еще несколько пуль. Против ожидания, ни одна из них не

стала смертельной. Не пытаюсь нападать, слон опять бросился в сторону, и стена кустарников скрыла его от меня. Заросли были слишком густы, и непосредственное преследование стало невозможным. Между тем солнце уже склонялось к западу, и пора было думать об устройстве ночлега. Я опустился на землю, чтобы покурить и дожаться носильщиков. В это время ветерок донес до слонов мой запах, и все стадо, трубя, побежало прочь. Но мне уже было не до охоты – страшно хотелось пить, и усталость брала свое. В голове вертелась лишь одна мысль: хотя бы в калемасах еще осталась вода!

Подождали мои люди. Вода кончилась, но все же ее хватило на вечер. Походную кровать расставили возле колючего куста, вокруг запылали костры носильщиков.

В ту ночь я долго не мог заснуть, прикидывал, куда и насколько далеко ушел раненый слон и ушел ли он вообще. Услышав треск ветки в лесу, я приподнимался и подолгу всматривался в мрак джунглей, а когда заснул, то увидел во сне кошмар, который может примерещиться только охотнику: огромный разъяренный самец идет прямо на меня, я изо всех сил жму на спуск, но ружье отказывает, дает осечку за осечкой! Наконец происходит выстрел, но какой-то слабый, почти беззвучный, и пуля ползет так медленно, что можно увидеть, как она появляется из ствола.

Едва рассвело, мы возобновили погоню. Как ни удивительно, раненый слон двигался вместе со стадом, и след его шел по-прежнему ровно. Я не смог бы отличить его от следов остальных взрослых слонов, но проводники знали свое дело. Проходили часы. Мы миновали цепь прудов – проводники сообщили, что в конце сухого сезона в них сохраняется вода – и теперь шли, окруженные со всех сторон бесчисленными стадами диких животных. Грузные канны, отбежав на сотню метров, останавливались и с любопытством

проводжали взглядом людей; неторопливо шествовали огромные жирафы, а от ям с водой с шумом разбегались бородавочники.

Вот послышался гром сотен копыт – к водопою приближался большой табун зебр. Увидев караван, они помчались по широкой дуге, огибая нас, и на мгновение остановились. Затем вожак издал пронзительное ржание, зебры развернулись и, перестраиваясь на ходу "поэскадронно", умчались прочь. Я с завистью проводил их глазами – как хорошо было бы снова очутиться в седле!

К моему разочарованию, раненый слон не остался возле прудов, а уходил дальше. Местность стала понижаться к Руахе, и я уже опасался, что он переплыл реку и был таков. Поскольку настроение у людей заметно упало, а исход погони оставался неясным, я застрелил большого лиророгого бубала – так мы, по крайней мере, были обеспечены свежим мясом. Не прошло и десяти минут, как громадная антилопа была разделана, так что на земле остался лишь скелет, шкура и голова. Мы тронулись дальше.

Идти стало трудно. Землю скрывала сухая трава метровой высоты, и мы то и дело спотыкались о кочки или оступались в старые слоновьи следы. И по-прежнему не было никаких признаков того, что нам удастся догнать слона, даже если он не перешел реку, а скрывается где-то в прибрежных тростниковых зарослях.

Удрученный этими мыслями, я так задумался, что чуть не уткнулся в ствол ружья, когда шедший впереди Лонгома резко остановился. Широко улыбаясь, Лонгома показывал куда-то вдаль, и охотничий восторг звенел в его голосе: "Бвана, тембо!" Глянув в указанном направлении, я увидел довольно далеко в голой степи какое-то темное пятно и уверенно ответил: "Вазиму вейи" (ты спятил). Мне легче было представить слона,

сидящего за столом в окружном управлении, чем в стоящим открыто и неподвижно среди высохшей равнины, когда рядом река, тростники и джунгли. Я поднес к глазам бинокль – действительно слон!

Отослав носильщиков, я медленно пошел вперед в сопровождении Лонгомы. Мне еще не доводилось охотиться на слона в такой ситуации, и сердце билось, пожалуй, сильнее обычного. На полкилометра вокруг – ни кустика, ни деревца! Если я не убью его первыми выстрелами и он пойдет в атаку, шансы на спасение будут весьма невелики.

Приблизившись на триста метров, мы согнулись, чтобы хоть немного замаскироваться в траве, и продолжали движение чуть ли не на четвереньках. Никогда еще ни один слон не казался мне таким огромным! Когда до животного оставалось не больше ста метров, я попытался сделать снимок, но в видоискателе маленькой английской камеры нельзя было ничего разобрать. Между тем уже миновал полдень, и скоро поднимется ветер. Приходилось спешить – если слон почует нас, картина может резко измениться. Отложив камеру, я поднял ружье, и над равниной прогремели два выстрела. Слон вздрогнул, повернулся и побежал прочь. Выхватив у Лонгомы 9-миллиметровую винтовку, я посылая ему вдогонку пуля за пулей, пока не кончились патроны. Это не произвело никакого видимого эффекта. Пробежав около полукилометра, он остановился в кустах у небольшого пруда. Перезарядив крупнокалиберную двустволку, я пошел следом. Когда до животного осталось не более шестидесяти метров, я тщательно прицелился и разрядил один за другим оба ствола. Отдача вывела меня из равновесия, и я, оступившись, стал погружаться в грязь. В это время слон взмахнул ушами и неторопливо направился в мою сторону. Положение было критическим. Если продолжать стрельбу, меня

засосет болото, если пытаться выкарабкаться – растопчет раненый великан. Но когда нас разделяло уже около двадцати шагов, слон громко застонал и тяжело опустился на землю. Несколько конвульсивных движений хоботом, и он испустил дух.

"Слава Богу!" – вырвалось у меня непроизвольно. Через минуту подоспевший Лонгома помог мне выбраться из трясины.

Я подробно изложил этот эпизод, чтобы читатель мог представить себе запас жизненных сил взрослого слона. Получив восемь крупнокалиберных пуль, он прошел за ночь больше тридцати километров. Два с половиной десятка 9-миллиметровых пуль подействовали на него не больше, чем на лошадь – камушек из рогатки, и только прибавили резвости. И лишь четыре новых попадания из крупнокалиберной винтовки – итого 12 пуль калибра 15 миллиметров! – прервали его жизнь.

В этот вечер мы остановились возле деревни, жители которой давно уже страдали от голода. Узнав, что в двух милях лежит только что убитый слон, они отправились туда целой толпой, включая женщин.

На следующий день мы опять увидели следы, на этот раз целого стада, и пустились в погоню. Следы вели нас по голой, выжженной солнцем саванне. Совершенно неожиданным явилось наличие в этой открытой местности нескольких протянувшихся цепочкой болот; они были сплошь выстланы огромными, ярко-зелеными круглыми листьями водяных лилий. По сверкающему живому паркету сновали стаи болотных курочек, склевывая насекомых. Затем потянулись холмы, населенные колониями скалистых даманов – крупных серых грызунов, похожих не то на кроликов, не то на медвежат. Они перекликались пронзительными голосами, сидя у своих нор. Раньше мне доводилось видеть этих зверьков только в горах Трансвааля.

Вечером мы раскинули лагерь у небольшой рощи. Я велел людям вести себя тихо, не ломать и не рубить сучья для костра, а кидать их в огонь целиком – слоны могли быть поблизости. Сам я углубился в рощу ради одного глубоко личного дела.

"Крах", – донеслось со стороны лагеря. Через несколько секунд громкий треск повторился. Сидя под кустом, я затрясся от злости – ведь этим дурням было ясно сказано: не трещать, не шуметь! И вдруг в полусотне метров от меня в кронах деревьев возникло какое-то движение. Вскоре появился длинный серый хобот, тянувшийся к сочной листве на верхушке.

Раз наверху – хобот, значит внизу – слон. Сделав это логическое заключение, я быстро завершил свой туалет и помчался к лагерю. Оттуда мне навстречу уже спешили Лонгома и оруженосец с 600-м калибром в руках.

Едва я успел застегнуть пояс с патронами, как показались слоны. Они шли двумя группами – впереди самки с детенышами, а за ними, на некотором удалении, самцы.

Обогнув животных, я вошел в рощу и под прикрытием кустов подобрался к стаду. Наметив одного крупного самца, я пропустил слоних и выстрелил ему в плечо. Не успело отгреметь эхо выстрела, как все стадо – десяти животных – круто развернувшись, помчалось в моем направлении. Собираясь удрать в сторону, я шагнул назад и вдруг почувствовал, что крепко схвачен. Усеянные длинными колючками ветви кустарника оплели меня со всех сторон, намертво вцепившись в одежду.

Поведение слонов было совершенно обычным и естественным. Услыхав выстрел, но не почуяв людей, они старались спастись от неведомой опасности, подстерегавшей их впереди, и убегали по старому следу. Они не нападали – слон переходит в

наступление, лишь почуяв запах врага. Если бы от меня к слонам подул хоть малейший ветерок, шансы на спасение были бы равны нулю. Но и то положение, в котором я очутился, выглядело достаточно безнадежным.

Смертный ужас сковал меня. Что делать? Живая лавина – сотни тонн охваченной страхом могучей плоти – приближалась с невероятной скоростью, и мне не удалось выпутаться из колючек. Стрелять в них? Это все равно что пытаться остановить разогнавшийся поезд, паля по вагонам.

Никогда еще не был я так испуган. Не отдавая себе отчета в своих действиях, я вскинул ружье и выстрелил поверх голов в сторону животных. Старая слониха, предводительница стада, немного повернула вправо, оставляя позади широкую просеку, слоны промчались в двадцати шагах от кустов. Задние напирали, подталкивая бивнями тех, кто впереди, и стадо, все ускоряясь, скрылось в облаках пыли.

Услышав сзади шорох, я обернулся. Это был Лонгома – он стоял в двух шагах, с застывшим перекошенным лицом. Парнишка мог убежать, но предпочел остаться рядом со мной. Что ж, похоже, мне удалось воспитать настоящего охотника. С этого дня Лонгома был возведен в ранг оруженосца.

Раненого слона на месте не оказалось. По словам людей, стадо, прежде чем побежать, окружило его и, затолкнув в середину, увлекло с собой.

На следующий день мы встретились с караваном Хэмминга и вернулись в лагерь, где нас приветствовал Джумбо.

В конце мая я снова покинул наш "Тембовилль", направившись на этот раз к северу. Трава метровой вышины чередовалась в густыми джунглями. Дичи вокруг было множество. Взобравшись на термитник, я одновременно видел пасущихся слонов,

бородавочников, несколько канн и двух носорогов – и все это в радиусе двухсот метров.

На второе утро мне довелось стать свидетелем удивительного зрелища. Выследив старого слона, я подкрался к нему и, убедившись, что бивни у животного очень малы, уже хотел ретироваться, когда вдруг заметил, что слон... играет. Несмотря на возраст, почтенный старец сохранил юношескую веселость нрава – или просто впал в детство. Как бы то ни было, слон забавлялся с бревном, примерно в половину железнодорожной шпалы. Подняв его, он осторожно ставил чурбан себе на голову и отпускал. Бревно с грохотом валилось на землю, а слон внимательно наблюдал за ним, задумчиво похлопывая ушами. Этот фокус он повторил не менее полудюжины раз. Наконец, уяснив себе во всех подробностях закон всемирного тяготения, гигант удовлетворенно потрянул могучей головой и неторопливо удалился.

Пока я любовался веселым старым джентльменом, поблизости расположилось большое стадо. К моему огорчению, взрослых самцов в нем не было. Около получаса следил я за животными, пока порыв ветра, донесший до нас запах человека, не обратил слоних в бегство. Один из молодых самцов, едва вышедший из детского возраста, скоро отстал от стада. Он немного постоял, покачиваясь, потом добрел до большого дерева и снова остановился, опираясь плечом о ствол.

Осторожно приблизившись к нему, я сразу понял, в чем дело. Слон был жестоко изранен местными охотниками – на боках виднелось не меньше дюжины ран, оставленных круглыми пулями гладкоствольных ружей. Многие из них уже загноились, и даже за десять шагов чувствовалось ужасающее зловоние. Не было сомнения, что слон обречен, и я одним точным выстрелом прекратил его страдания.

Бивни несчастного подростка, весившие едва по десять фунтов, я отправил в форт Ирингу вместе с кратким описанием случившегося, а сам возвратился в лагерь.

Тем, увы, не все обстояло благополучно. На Джумбо свалилась напасть: песчаные блохи. Эти кожные паразиты, вгрызающиеся в кожу ног, опасны и для человека, а слоненку могли причинить очень серьезные неприятности – ведь он не был способен избавиться от них собственными силами. Блохи, въедаясь в подошвы, образуют ходы, а затем откладывают яйца, из которых впоследствии выведутся не менее хищные личинки. Единственное спасение – вовремя удалить всех насекомых, пока они не слишком углубились в кожу.

Эту ответственную операцию вызвались провести два моих боя, и умный слоненок безропотно подчинился – лишнее доказательство сообразительности слонов. Все в лагере улыбались, глядя, как Джумбо, лежа на солнышке, покорно протягивал своим целителям то одну, то другую ногу, громко вздыхая от избытка чувств.

Когда наш малыш поправился, я совершил еще одну охотничью вылазку, едва не стоившую жизни мне и нескольким слугам. Старый самец, которого мы преследовали, обладал лишь одним бивнем, но вполне компенсировал недостаток вооружения быстротой и свирепостью. После первого выстрела, мгновенно повернувшись, слон прорвался сквозь заросли лиан с такой же легкостью, как пушечное ядро – сквозь парусину, и, схватив меня хоботом, швырнул в сторону. Кусты ослабили удар, и ни я, ни ружье не получили серьезных повреждений. Тем временем слон обрушился на караван. Носильщики с воплями разбежались. Исследовав брошенные вещи, гигант забросал из земель и ушел в саванну. На следующий день мне

удалось догнать его и, подкравшись против ветра, сделать убойный выстрел.

На обратном пути я остановился отдохнуть у своего знакомого, миссионера Бюттнера. Неделей раньше он пережил не менее волнующее приключение и был, пожалуй, столь же близок к смерти. Все началось с того, что в миссию повадился леопард. Религиозные вопросы нисколько не занимали его, а вот куры заинтересовали.

Ночью, забравшись в курятник, зверь передошил их всех – около пятидесяти штук, хотя сожрал не более пяти. Через некоторое время, уверившись в своей безнаказанности, он вернулся и загрыз свинью, причем несчастная жертва не успела издать ни звука – характерная деталь, показывающая стремительность нападающего леопарда и страшную силу его клыков. Утром, узнав о новом визите хищника, миссионер отправился взглянуть на работу ночного гостя. Вместе с г-ном Бюттнером, уцепившись за руку отца, шел его трехлетний сын. Никому не могло прийти в голову, что леопард все еще находится в хлеву. Он затаился и лежал, прижавшись к одной из потолочных балок. Увидев людей, зверь соскочил вниз, чтобы прорваться к выходу. В это время дверь случайно закрылась и окаменевший от ужаса миссионер с ребенком оказались в тесном помещении вместе с яростно рычащим леопардом. Надо думать, что г-н Бюттнер вел поистине праведную жизнь, раз Бог сохранил его в то утро. Каким-то чудом ему удалось вытолкать наружу сынишку и вслед за тем выбраться самому, захлопнув дверь перед самым носом пятнистого убийцы. Сбегав за ружьем, преподобный Бюттнер вернулся к "леопардовому хлеву" и пристрелил хищника.

В лагере мы с Хэммингом обсудили один давно уже интриговавший нас слух. Речь шла о некоем "Мбуга-йя-Тембо" – таинственном месте, где в течение сухого

сезона скапливаются огромные стада слонов. Подобные сообщения слышал и мой друг Мак-Нейл – о "долине слонов" ему рассказывали два английских охотника, сопровождавших старого султана Мерере во время экспедиции на Уссангу. Но никто из рассказчиков сам не видел "слоновьего Эдема". Все сходились лишь на том, что он находится где-то в бассейне Руахи и что слонов там несметное множество.

Я решил попытаться разыскать таинственную "мбугу". Хэмминг вызвался побыть в лагере и присмотреть за слоненком до моего возвращения, а потом мы вместе отправимся туда на охоту.

Никто из окрестных жителей не мог – или, скорее, не хотел – дать какие-либо сведения об этом месте; правда, один старый араб подтвердил, что "мбуга-йа-тембо" действительно существует. По его мнению, она находилась на другом берегу реки.

Переправившись через Руаху, мы двинулись в сторону гряды Улема. С этих гор открывался чудесный вид на всю речную долину. Племя вассангу никогда не увлекалось охотой, и здесь еще сохранились большие стада непотревоженной дичи. Мир и покой царили вокруг. Стада коров щипали траву в соседстве с грузными каннами. Огромные антилопы стояли неподвижно, как изваяния, и лишь изредка отмахивались хвостами от докучливых мух. На водопой к реке спускались чуткие грациозные импалы; среди них я заметил несколько небольших красноват-рыжих антилоп, напоминавших пуку, но с рогами другой формы.

Через два дня в одной из деревень мне удалось найти проводника – он обещал показать дорогу до "мбуга-йа-тембо". Мы снова пошли вдоль берега. Здесь нам довелось пережить волнующую, но неудачную охоту. Увидев маленького бегемота – он пасся довольно далеко от воды, и взрослых животных поблизости не

было - я решил, что Джумбо будет рад обществу другого толстокожего, и бросился в погоню. Детенышу наверняка не исполнилось и года, но трудно даже представить, на какую прыть оказались способны его короткие ножки! Носильщики с гиканьем неслись за маленьким бегемотиком, но он ловко маневрировал, и на дистанции в пятьсот метров никому из нас так и не удалось приблизиться к нему на расстояние броска. Преследование закончилось после того, как я споткнулся и упал, разбив при этом свои наручные часы и вдобавок растянув запястье. Люди замешкались, а бегемотик, кубарем скатившись с крутого берега, нырнул в Руаху и был таков.

В тот же день мы встретили шестерых охотников-вахехе, направлявшихся за слонами. Все они имели при себе гладкоствольные ружья. Я полюбопытствовал, есть ли у них разрешение на охоту, и мне была предъявлена лицензия - одна на всех, выданная в Иринге. Лицензия была выписана на имя некоего "Мгоголло из деревни Макадаи".

Вздыхнув, я вернул людям этот важный документ, свидетельствующий, что они не браконьеры, и двинулся своей дорогой.

Вскоре начались заросли камыша, и вода захлупала под ногами. Идти становилось все труднее. Мы пробирались сквозь сплошную сеть заболоченных протоков, и рисковали, оступившись, угодить в трясину или окунуться с головой в один из многочисленных водоворотов. Временами вода была по колено, временами - по грудь, и тогда приходилось поднимать ружья и патроны над головой. Наконец вдали слышались крики слонов. Проводник - он шагал впереди, нащупывал палкой дорогу - обернулся и произнес: "Мы пришли, бвана".

Да, мы пришли. Тростниковые заросли стали редеть, и впереди показалось что-то вроде острова, покрытого

чахлыми деревцами и кустарником. А вокруг расстилались такие же болота, камыши, ручьи – и всюду, насколько хватало глаз, стояли слоны.

Здесь были десятки, если не сотни, стад. Видимо, толстокожие великолепно ориентировались в лабиринте троп, скрытых под водяными растениями, и приходили сюда со всех окрестных саванн. Обилие вод и корма, надежная защита от охотников – многокилометровая полоса непроходимых для опытного человека болот – все это делало "мбугу" действительно идеальным местом для отдыха толстокожих. Столь же очевидным было и то, что они собираются тут лишь на время сухого сезона. Когда пойдут дожди, равнина будет затоплена.

Там и сям влетали фонтаны: животные с наслаждением принимали душ. Их блестящие огромные тела казались угольно-черными на фоне голубого неба. Стаи маленьких белых цапель сновали по спинам гигантов, выклеывая кожных паразитов. Закончив "санитарную обработку" одного слона, они перелетали на другого, а прежний пациент, удовлетворенно вздохнув, набирал полный хобот воды и всласть поливал свою свежевывищенную спину.

Животные стояли группами, отдельно слонихи со слонятами разного возраста, отдельно взрослые самцы. Движения среди слонов почти не было – корма и воды хватало всем и всюду.

Я как зачарованный смотрел на это редкостное зрелище, забыв о трясине под ногами, о ноющей руке, о тучах mosquitos над головой. Но, конечно, об охоте при нынешнем положении вещей не приходилось и мечтать. первый же выстрел, независимо от попадания, станет таким же верным самоубийством, как если бы винтовка была повернута дулом к стрелку.

Надо было возвращаться, пока не подул ветер, и мы, отмечая дорогу, побрели – наполовину поплыли – назад.

В лагере я застал вполне довольного Джумбо и очень огорченного Хэмминга. Накануне в одну из нежилых хижин забрался леопард и утащил его собачонку, а также моего попугая, который только-только научился произносить: "Доброе утро".

После краткого отдыха мы втроем отправились к "слоновым болотам". Но эта экспедиция оказалась более удачной для самцов, чем для нас. Началось с того, что во время перехода через протоки один из носильщиков, оступившись, уронил в воду ящик с фотопластинками, и все надежды на уникальные снимки легендарного места пошли прахом. Мы устроили лагерь на краю камышовых зарослей. Неподалеку росла большая роща, и на ее ветвях удалось соорудить достаточно широкую платформу – забравшись туда, можно было наблюдать за стадами в бинокль. Но слоны не покидали болот, и за три дня, проведенные возле "мбуги", нам так и не представилась возможность выстрела. К тому же повторный марш по воде вызвал у меня жестокий приступ лихорадки, и сил хватало лишь на то, чтобы удержать в руках бинокль, но не двенадцатифунтовое ружье.

В этот раз мы обратили внимание на огромного старого самца с великолепными бивнями – он стоял в стороне от всех, по колена в воде, совершенно неподвижно. Мы окрестили его "Монументом". На второй и на третий день гигант находился на том же месте. Он даже не пытался пастись, хотя вокруг было много сочного молодого камыша.

Мне удалось разглядеть большое темное пятно на боку у слона – это оказалась нашлапка из влажных водорослей. Все стало ясно: слона ранили охотники – не исключено, что те самые встреченные мною вахехе, выступавшие под флагом неведомого "Мгоголло из деревни Макадаи". Теперь, укрывшись в своем болотистом царстве, старый властелин джунглей

понемногу оправлялся от ран, прикладывая к ним холодный пластырь из тины. И отныне, скорее всего, плачевной будет участь новых охотников, которые попытаются добыть эти громадные бивни. Память у слонов лучше, чем у людей, и если старый гигант поправится, он станет очень опасным противником даже для европейца, вооруженного современной винтовкой.

Наконец мы не выдержали. Подобраться к животным на расстояние верного выстрела не составило бы труда – но что толку, если мы все равно не сможем воспользоваться своими трофеями! Потревоженные стада придут в движение, а наши возможности для отступления или иного маневра были бы крайне ограничены. Меня по-прежнему трясла лихорадка, а Хэмминг утверждал, что на болотах не осталось ни одного проклятого москита, который не полакомился кровью. В этих обстоятельствах мы решили возвращаться в "Тембовилль", к Джумбо.

Утром в день выступления в лагерь вихрем ворвался один из носильщиков по имени Асмани. "Слоны! Господин, слоны! Не на болотах, а здесь, в степи, совсем близко!" Схватив ружья, мы поспешили за ним, недоуменно переглядываясь – местность вокруг открытая, и было непонятно, почему все еще не видно обещанного стада. Асмани казался очень растерянным. Дойдя до небольшого деревца, он, запинаясь, объяснил, что "вот отсюда" увидел слонов "вон там", совсем недалеко, и даже подробно описал, сколько и каких животных было в стаде, как они стояли, куда двигались и так далее. Приблизившись на всякий случай к указанному месту, мы убедились в отсутствии хотя бы одного слоновьего следа. Асмани совсем сконфузился и пал духом. Видимо, парень видел мираж.

На обратном пути мы несколько раз встречали небольших бегемотов, лежавших по берегам ручьев в

окрестностях "мбуги". Огорченные неудачной экспедицией, ни я, ни Хэмминг не обращали на них особого внимания – мяса было у нас достаточно. Лишь впоследствии я понял, что мы упустили возможность добыть представителя одного из редчайших видов – карликового бегемота.

Глава XIV

Вместе с Джумбо - в Дар-эс-Салам

Джумбо заметно подрос и стал уже настолько ручным, что я решился отправиться в долгий путь к побережью. Оставив в лагере Хемминга, мы выступили ранним утром 16 августа. Мне было грустно расставаться с нашим "Тембовиллем"; он уже превратился в целый городок, стал таким обжитым, уютным и привычным. Целая толпа местных жителей пришла проводить нас и попрощаться; я видел, что они огорчены предстоящим расставанием не меньше моего. Очень многие из них получили здесь медицинскую и иную помощь, а африканцы не забывают таких вещей. Конечно, бывало всякое, иной раз не обходилось без ссор и недоразумений, но никто не таил на нас зла, поскольку мы всегда старались быть справедливыми. И если, например, поступала жалоба на кого-то из наших людей, стащившего кувшин с пивом или несколько початков кукурузы, то мы не только возмещали ущерб, но и наказывали виновного. Так что в целом отношения не оставляли желать лучшего, и грусть из-за нашего отъезда была непритворной.

Джумбо, по-видимому, понял, что и ему предстоит дальний путь, и тоже решил проститься с родной страной. Неожиданно, без каких-либо зримых причин, он лег и принялся кататься и кувыркаться в песке. Пораженная толпа разразилась возгласами удивления и восторга. Я тоже никогда не видел ничего подобного.

Итак, мы отправились. Мне предстояло впервые (со времен римлян) доставить в Европу восточноафриканского слона, и я отчетливо

представлял себе те бесчисленные трудности, что ждут нас в дороге.

Начало путешествия было многообещающим. На первой же стоянке выяснилось, что оба моих боя – Калулу и Мунони – сбежали. Теперь предстояло срочно искать повара. Кстати сказать, на примере Мунони хорошо проявились свойственные чернокожим – во всяком случае, людям из племени авемба – понятия о честности. Мунони был казначеем – в его обязанности входило хранение ключа от денежного ящика, где постоянно находилось около тысячи рупий. За день до того, как покинуть нас, он попросил задаток из своего жалованья, кажется, 12 рупий, и я, конечно, не отказал. Сбежав, Мунони прикарманил аванс, но все деньги в ящике, вплоть до последнего геллера, остались в целости, а ключ он вручил одному из слуг для передачи "господину". В общем, такие представления о денежных делах и собственных обязательствах можно назвать детскими; о подобных случаях мне не раз доводилось слышать и раньше.

На должность повара вызвался один парень из каравана; звали его Эндерама. Оказалось, что сей кулинар способен готовить одно-единственное блюдо – кашу. Но выбирать не приходилось, так как у меня не оставалось ни времени, ни сил на стряпню.

Джумбо шел бодро, сохранял хорошее настроение и отличный аппетит. Неудобство заключалось в том, что он неважно переносил жару, и в часы полуденного зноя еле плелся, замедляя таким образом движение всего каравана. Пришлось так планировать наш маршрут, чтобы длинные переходы по открытой местности происходили вечером или даже ночью. Когда мы проходили мимо селений, слоненок неизменно привлекал всеобщее внимание и быстро завоевывал сердца. В результате ему со всех сторон несли разные лакомства. Как-то раз я недоглядел, и он так объелся

молодой фасолью, что этого не выдержал даже слоновий желудок. Поначалу, не зная причины, я перепугался, решив, что слоненок опасно заболел, но вскоре все пришло в норму, и Джумбо опять весело косился по сторонам, высматривая, не собирается ли кто-нибудь его угостить.

Нам предстояла переправа через Руаху, и я беспокоился, не зная, захочет ли он переходить реку вброд, и как побудить его это сделать. Трудности и впрямь возникли, но прямо противоположного свойства. Слоненок с восторгом бросился в воду и шел рядом с людьми, бесстрашно погружаясь все глубже и глубже; на середине реки из воды торчал только кончик хобота, но это его нисколько не обескуражило. А вот выходить на берег маленький негодяй категорически отказался. Он самозабвенно возился и играл в воде, плавал, пускал фонтаны, а когда его попробовали силой вытащить на берег, поднял истошный визг – совершенно как избалованный ребенок, который не хочет идти домой. От воплей он наглотался воды и чуть не захлебнулся, так что пришлось оставить его в покое. Я отправил караван вперед, а сам с Лонгомой остался на берегу и с ружьем в руках нес вахту, охраняя толстокожего пловца от крокодилов – для них слоненок – лакомый кусочек. Наконец Лонгома выманил его на берег кукурузным початком, и мы пустились догонять караван.

На следующий день выяснилось, что наш малыш стер себе ноги. Требовалось срочно принимать какие-то меры, и решено было обуть слоненка. Подобрал четыре прочных мешка подходящего размера, я проложил каждый из них шестью слоями коленкора. Мешки надели на все четыре ноги Джумбо и закрепили, обвязав веревками. В этой обнове он щеголял несколько дней, пока не зажили раны.

Местность, по которой мы теперь двигались, не радовала взгляд. Здесь не было ни зверей, ни птиц. Кругом расстилалась высохшая, плоская, серовато-желтая равнина, лишь кое-где торчали кусты колючего кустарника. Но все же мы шли к морю, а далеко за ним лежит моя родина. Я все чаще думал о Германии, и вот однажды мне показалось, что разыгравшаяся фантазия начинает выкидывать со мной скверные шутки: впереди, за высокими акациями, я увидел колокольню и маленькую часовню. Но это был не мираж: мы подошли к миссии Мадибира. Рискуя здоровьем и жизнью, ценой непрерывных лишений и тяжелого труда, миссионеры хранили заветы христианства в этой бесплодной стране. Ни зной, ни лихорадка не лишили их энергии и доброжелательности. Они приняли нас очень хорошо и особое внимание уделили Джумбо; а на следующий день взглянуть на него пришли сестры из расположенной неподалеку женской миссии.

Передохнув у гостеприимных отцов, мы двинулись дальше. Теперь дорога шла круто в гору, и очень скоро снова стала заметной перемена климата – тропическая жара сменилась прохладой, а по вечерам, когда усиливался ветер, все мы зябли. Джумбо очень страдал от холода, но выражалось это своеобразно: у него опять расстроился желудок.

На первой же стоянке Лонгома сообщил мне неприятную новость: один из носильщиков, отставший от каравана, был захвачен и ограблен людьми из племени вассангу. Груз его состоял из нескольких антилопых рогов и двух маленьких слоновьих бивней; именно последние привлекли внимание грабителей. Носильщик был изранен и избит до полусмерти; оказав ему необходимую первую помощь, мы двинулись дальше. Пострадавшего я оставил в селении Лутего, поручив заботам местных жителей; они обещали переправить его к Хеммингу, когда он поправится. Обо

всем происшедшем я сообщил в форте Иринга и впоследствии узнал, что нападавший – он был один – уличен и задержан полицейскими-аскари. Он подвергся строгому наказанию.

Теперь наш путь лежал по стране вахехе – одного из самых грозных племен Центральной Африки, наводившего такой же страх на соседей, как в тысяче миль южнее, в Родезии – матабеле. Усмирение воинственных наклонностей вахехе доставило немало трудностей германской администрации в Восточной Африке и не раз приводило в прошлом к вооруженным столкновениям.

История племени насчитывает, по-видимому, много веков. Вахехе создали любопытную и очень своеобразную культуру; впрочем, расцвет ее давно миновал. Тем читателям, которые захотят подробнее ознакомиться с описанием племени, его традиций, нравов и обычаев, я могу порекомендовать превосходную книгу капитана Нигманна "Вахехе", сам же ограничусь изложением непосредственных впечатлений.

Вахехе – высокие, очень стройные, хорошо сложенные люди. Их лица не обезображены татуировкой и нередко отличаются, даже на взгляд европейца, тонкостью и благородством черт. Их поселки построены по схеме "тембе", и жизнь в них течет – теперь, с прекращением межплеменных войн – спокойно и размеренно. Как и зулусы, вахехе – скотоводческое племя, и земледелие им незнакомо (лишь вокруг форта я увидел поля и огороды – как первый и главный признак цивилизации). Основным продуктом питания с древнейших времен – молоко. Коровы – главное богатство племени, режут их лишь в исключительных случаях, и поэтому говядина – редкое лакомство для вахехе. Обычно источником мяса служат собаки, специально откормленные на убой.

У меня нет оснований утверждать, что вахехе свойственно особое дружелюбие к чужеземцам, странствующим по их земле. Вместе с тем должен сказать, что люди этого племени отличаются большой мстительностью, причем в качестве оружия нередко используют яд. Один мой знакомый, проживший среди вахехе много лет, уверял меня, что был бы давно отравлен, если бы не придерживался спасительного правила: когда в каком-нибудь селении ему предлагали, скажем, горшок молока, он принимал дар лишь после того, как человек, принесший молоко, сделает первый глоток. Кстати, у зулусов обычай "первого глотка" при подношении гостю молока или помбе всегда считался выражением вежливости и доброжелательства.

Страна вахехе – плато на высоте около 1500 м над уровнем моря; с севера и с юга его окаймляют горные цепи, достигающие 2500 м высоты. Здесь места словно самой природой предназначены для фермерства. Остается лишь пожелать, чтобы на эти пастбища поскорее завезли европейские породы мясного и молочного скота. Но еще важнее, чтобы сюда приехали умелые и трудолюбивые люди. Климат этих мест, в отличие от большинства районов Восточной Африки, очень здоровый и напоминает южноевропейский; уроженцы северных стран без труда привыкают к нему. Думаю, что даже красота белых женщин не поблекнет под лучами здешнего солнца. Основная задача, которую следовало бы решить администрации, чтобы привлечь новых поселенцев – создание сети дорог.

В селении Лукали мы встретились с полицейским из Иринги; капитан Нигманн отправил его нам навстречу в качестве проводника и помощника.

Вечером мы раскинули лагерь возле руин прежней, старой Иринги – столицы государства вахехе. Здесь

стоит обелиск – памятник европейцам, павшим при штурме древних укреплений 30 октября 1894 г. Этим штурмом закончилась история одной из крупнейших восточноафриканских империй.

На следующее утро мы подошли к нынешней Иринге. Прибытие нашего каравана превратилось в триумфальное шествие, т.к. множество людей из ближних и дальних селений сбегалось посмотреть на слона, идущего за европейцем. Я чувствовал себя довольно неловко, а Джумбо, напротив, был очень доволен всеобщим вниманием: он поводил ушами, размахивал хоботом и даже попытался трубить, чем вызвал бурю ликования.

Форт Иринга – самый красивый и внушительный из виденных мною в Германской Африке; его стены отразили в 90-е годы немало яростных атак чернокожих воинов. Теперь вокруг него вырос целый городок со смешанным населением – помимо коренных жителей, здесь много индийцев и арабов.

Джумбо опять стер ноги во время двух последних переходов, поэтому я решил задержаться в Иринге на несколько дней, чтобы слоненок отдохнул и поправился; да и люди мои вполне заслужили передышку. А сам я получил возможность побродить по городу и, предаваясь *dolce far niente*, наблюдать жизнь.

На узких немощеных улицах – множество дукханов, то есть лавок; перед каждой разложены предметы немудреной роскоши, столь дорогие сердцу африканца.

Надо заметить, что чернокожие женщины очень быстро и прочно усвоили понятие моды и, подобно своим белым сестрам, свято блюдут все требования этой переменчивой богини. И если сегодня законы моды предписывают, скажем, крупный горошек по одноцветному полю, то уважающая себя негритянка ни за что не купит ткань иного рисунка или с мелким горошком, какой бы яркой и заманчивой она ни была. То

же относится к бусам, браслетам и прочей галантерее. С модой не поспоришь, и вот чернокожие красавицы покупают пестрые зонтики, хотя солнечные лучи были безвредны для их курчавых голов в течение тысячелетий.

Под огромным шатровым навесом – рынок. Сюда стекаются жители окрестных деревень. В отличие от арабов и индийцев, предмет их торговли – продукты.

Рынок оживает с первыми лучами солнца. Вот стройные девушки-вахехе, напевая, несут на головах большие корзины с зерном (кукурузой или дуррой, т.е. просом) и мукой. Мужчины гонят коров и коз или тащат свою охотничью добычу – мясо антилоп или обезьян. На земле появляются груды сладкого картофеля, риса и земляных орехов, огромные связки и грозди зеленых бананов.

За рынком – бойня. Значительная часть покупателей – мусульмане (солдаты-аскари из гарнизона Иринги, арабы, многие индийцы), и поэтому предлагаемое на продажу мясо должно быть "чистым". Убой животных и разделка туши производятся согласно нормам Корана. Мясо продается сырым, а жир перетапливается в виде аккуратных брусков.

На рынке есть даже бар, где несколько пожилых негритянок далеко не соблазнительного вида готовы утолить вашу жажду кружкой помбе.

Здесь можно встретить представителей всех племен: вахехе и уссангу, вассагара и ваками, ваконде и вабена. Иногда среди пестрой толпы попадаются даже высокомерные воины-мораны из племени масаев, вооруженные неизменным копьем с широким тяжелым наконечником. Это – страшное оружие, и моран не думает дважды, прежде чем пустить его в ход. Вот старый араб в длинных белых одеждах приветствует своего коллегу – вернувшегося из Индии торговца-банию в синей чалме. Молодой аскари сегодня в

увольнении; он прохаживается по рынку, напустив на себя по возможности великосветский вид. Полицейский, подпоясанный красным шарфом, наблюдает за перебранкой продавцов и покупателей – в его вмешательстве нет необходимости. Выражение "поддерживать покой и порядок" в условиях Африки имеет какой-то смысл лишь во второй своей части – покой здесь вряд ли возможен, и его не бывает нигде.

Европейское население Иринги приняло нас с энтузиазмом, и все буквально состязались в стремлении как-то помочь и угодить моему питомцу. Капитан Нигманн и его офицеры были, разумеется, охотниками и любителями дикой природы, и все они проявили живой и страстный интерес к затеянному мной предприятию. Один из них, Грайнерт, обязался бесплатно обеспечивать слоненка молоком все время, пока мы будем в Иринге, и сдержал слово, хотя я честно предупреждал его о размерах слоновьего аппетита. Жена этого офицера, желая внести свою лепту в уход за толстокожим сироткой, каждое утро ставила – специально для него – несколько бутылок молока у дверей своего дома. Дом Грайнертов был неподалеку от рынка; Джумбо, как всегда, быстро разобрался в ситуации, и когда во время наших ежедневных прогулок мы оказывались в тех местах, он припускал тяжеловесной рысцой, торопясь скорее заполучить дополнительное угощение. Фрау Грайнерт, услышав топот, выходила на крыльцо, чтобы собственноручно напоить малыша.

Я очень жалел, что в Иринге нет подходящих весов – было бы любопытно узнать, на сколько десятков фунтов Джумбо поправился за те одиннадцать дней, что мы провели в этом славном городке.

Жизнь в Иринге приятно разнообразило наличие военного оркестра – им руководил один из младших офицеров, получивший музыкальное образование. Для

меня, больше года не слышавшего никаких звуков, более мелодичных, чем бой негритянских барабанов, оркестр был подлинным праздником. Однако слоненок отнесся к европейской музыке с большим подозрением. Дело было так.

Каждое воскресенье, в одиннадцать часов, оркестр собирался на рыночной площади и исполнял несколько маршей, и вот однажды Джумбо, гуляя, поспел как раз к "третьему звонку". При первых же тактах он затряс головой и, хлопая ушами, быстро спрятался за спины двух сопровождавших его людей. Когда наступила пауза и музыканты уселись на стулья, слоненок набрался храбрости и высунулся вперед, чтобы разведать и оценить обстановку. В этот момент трубач-аскари поднес к губам свой инструмент. Услыхав одинокий зов трубы, Джумбо решил, что настала пора действовать: он рванулся с необычайной резвостью, и через минуту стул был опрокинут, ошеломленный трубач оказался на земле, а слоненок, торжествуя победу, удалялся восвояси. С этого времени он относился к музыке с полным безразличием, полагая, что раз и навсегда посрамил всех своих многочисленных голосистых противников.

3 сентября в Ирингу прибыл Хэмминг, а 5-го мы выступили в поход – я дальше к побережью, а он к реке Руфиджи. По удачному стечению обстоятельств, вместе со мной отправлялся господин Шефер, так что оставшуюся часть долгого пути я мог совершить в обществе соотечественника.

Наш первый лагерь был возле миссии Ругаро. Здесь мы увидели памятник Зелевскому – вся его экспедиция, состоявшая из десяти белых и более трехсот чернокожих слуг и носильщиков, пала в бою с воинами вождя Куавы, тогдашнего предводителя вахехе.

Возле Ругаро мне посчастливилось приобрести редкостный природный сувенир; история этой покупки

довольно забавна.

В лагерь пришел какой-то парень, ученик миссионерской школы. Ему хотелось посмотреть на ручного слоненка. Не знаю, что он не поделил со сторожами, но только они начали обмениваться разными нелестными замечаниями, и познавательная экскурсия переросла в шумную ссору. Когда я подошел, чтобы выяснить, в чем дело, наш юный гость обругал заодно и меня. В результате он получил пару увесистых оплеух и ушел, страшно рассерженный. Однако, к удивлению, через полчаса он вернулся и преподнес мне в знак примирения подарок – корзиночку с мукой и несколько яиц. Одновременно он спросил, не желаю ли я купить рога куду – у него, мол, есть пара. Наши носильщики несли двадцать ящиков с моими собственными охотничьими трофеями, и покупать чужие не имело никакого смысла. Все же, чтобы не слишком огорчать нового знакомого, я предложил ему сходить за рогами и показать их. Вскоре парень снова появился в лагере и с явным смущением подал мне свою добычу, говоря: "Бвана, кажется, здесь только один рог."

У меня от восторга перехватило дыхание, когда я увидел, что рога срослись, действительно как бы слившись в один. Я поскорее уплатил требуемую цену в две рупии и бережно упаковал покупку. Заполучить такую редкость, да еще вблизи от города – большая удача.

Дальнейший путь до Килосы, куда мы пришли в середине сентября, был довольно однообразен; Джумбо освоился со скитальческой жизнью и шел бодро, хотя по-прежнему плохо переносил полуденную жару. Это учитывалось при выборе маршрута, а в тех случаях, когда все же приходилось делать значительный переход по открытой местности, над ним несли развернутое полотнище палатки; надо думать, что он

был первым слоном, шедшим по африканской земле под зонтиком. Путешествие облегчалось и тем, что капитан Нигманн отправил с нами полицейского, в чьи обязанности входило обеспечивать нас надлежащим приемом во всех селениях. Он относился к своему заданию очень ревностно, и никаких проблем с кормом и отдыхом для слоненка больше не возникало.

Килоса показалась мне похожей на индийскую деревню. Это впечатление создают окружающие ее плантации бананов, папайи и тенистые пальмовые рощи. Теперь, когда я пишу эту книгу, к ней уже проведена железная дорога и, вероятно, окрестный пейзаж приобрел вполне цивилизованный облик.

В Килосе нас радушно принял окружной начальник г. Вестхаус со своей супругой.

Теперь меня отделяла от железной дороги лишь сравнительно узкая полоса пустыни Маката. Я решил пересечь эту безлюдную и засушливую область за два ночных перехода. По дороге пришлось сделать десятикилометровый крюк, чтобы напоить джумбо и дать ему всласть "умыться" – дальше предстоял безводный участок пути.

Когда до Морогоро оставался час или два, я оставил караван на попечение Шефера и, прибавив ходу, поспешил вперед. У меня была вполне законная причина – подготовить все для приема Джумбо и размещения каравана; но было и тайное желание – я очень хотел уклониться от участия в триумфальном шествии, в которое неизбежно превращался наш приход в любой город. Ничего не поделаешь – я не римский император, быть центром всеобщего внимания – не по мне.

В четверг, рано утром, караван вступил в Морогоро, и когда волнение утихло, я присоединился к нему. Впервые за четыре года я шел по улицам настоящего города, и впервые чувствовал себя немного

растерянным и смущенным – особенно когда очутился в вестибюле отеля "Кайзерхоф", где одетые в белое европейцы с недоумением косились на мою потрепанную форму цвета хаки и дочерна загоревшую кожу. Но я был счастлив, что сумел, несмотря на все трудности, достичь поставленной цели, и мое самолюбие не замечало мелких уколов – я с радостью жал каждую протянутую руку. К тому же среди постояльцев отеля оказался мой старый знакомый, ныне покойный Кнохенхауер – мы вместе охотились на реке Бвемкуру. Несколько его слов хватило, чтобы местное общество признало меня своим достойным сочленом. Вечером, сидя в баре, я не раз имел удовольствие, отвечая на вопрос, откуда я прибыл, говорить: "С Западного побережья!" – а когда глаза собеседника округлялись от удивления, небрежно добавлял – "И еще слона с собой прихватил."

Можно сказать, что прибытие Джумбо открыло новую эпоху. Воспоминание об огромном животном, бежавшем за европейцем, как собака, чуть ли не через всю Африку, так поразило воображение местных жителей, что они еще долго, определяя дату какого-нибудь события, выражались так: "Это было примерно в то время, когда в Морогоро пришел слон."

Поезд в Дар-эс-Салам отправлялся через сутки. Джумбо без всяких возражений прошеествовал вместе со сторожем в отведенный ему вагон, и вскоре мы выгрузились в крупнейшем и старейшем порту Восточной Африки. На первое время слоненка удалось пристроить в саду отеля, но надо было срочно найти ему какое-то более надежное жилье. Я не хотел надолго задерживаться в Дар-эс-Саламе, так как собирался в новую экспедицию в область Руфиджи. Меня выручил из затруднения г. Пфайфер, тогдашний редактор "Германской Восточно-Африканской газеты";

он любезно предложил позаботиться о слоненке до моего возвращения.

Разумеется, Джумбо быстро завоевал популярность и стал всеобщим любимцем. Слоны вообще отличаются великолепной памятью, и он с выгодой использовал свой природный дар, запоминая каждый дом, где его угостили чем-нибудь вкусненьким. В дальнейшем во время прогулок он неизменно навещал по очереди всех своих благодетелей и, конечно, ни от кого не уходил без гостинца. Не довольствуясь этими доброхотными даяниями, Джумбо не обходил вниманием и незнакомых людей. Так, однажды он решил заглянуть в продуктовый магазин, принадлежавший одному индийцу. Хозяин вместе со слугой стали гнать прочь нахального попрошайку; тогда он быстро зачерпнул хоботом пару фунтов муки из открытого мешка и дунул на своих обидчиков. Оставив людей барахтаться в плотном белом облаке, Джумбо покинул негостеприимную лавку и чинно проследовал дальше.

Другая история связана с негритянкой весьма юного возраста, решившей подшутить над прожорливым слоненком. Она стала манить его пустой бутылкой. Обрадованный Джумбо, думая, что его хотят угостить глотком молока, схватил бутылку, но, обнаружив обман, обиделся; громко сопя, он направился к девчонке. Та обратилась в бегство, но Джумбо успел поймать хоботом кончик ее одежды, представлявшей собой просто кусок ситца, пару раз обернутый вокруг талии и перекинутый через плечо. От резкого рывка ткань развязалась, и дерзкая красавица была вынуждена улепетывать средь бела дня в костюме Евы, к соблазну всех правоверных Дар-эс-Салама.

Но Джумбо не только ел и проказничал. Впоследствии он даже начал сам зарабатывать себе на хлеб (хотя и не подозревал об этом). Всеобщая любовь к Джумбо делала его идеальным рекламным агентом;

поэтому, когда в отеле устраивался музыкальный вечер или собиралась выступить какая-нибудь заезжая знаменитость, Джумбо бродил по городу, обвешанный плакатами, извещавшими всех о предстоящем событии. Иногда плакаты сообщали о предметах более прозаических, хотя и не менее важных – например, о появлении свежих колбас в одном из городских магазинов.

В общем, Джумбо оставил по себе яркую и добрую память в Дар-эс-Саламе, и все были огорчены, когда ему настала пора уезжать. Слопенка купил агент знаменитого Карла Гагенбека, и ему предстоял путь за море – в Триест. Бывалый путешественник, он спокойно перенес плавание, а 5-го апреля 1910 года я приветствовал его в Штеллингенском зоопарке. Так впервые попал в Европу восточноафриканский слон.

Глава XV

Охота и приключения на Руфиджи

Итак, я достиг поставленной цели – идя с Запада, вышел к восточноафриканскому побережью. Но теперь я решил опять вернуться во внутренние районы страны, в бассейн рек Руаха и Руфиджи, чтобы поохотится и пополнить мою коллекцию фотографий. Мне удалось совершить три экспедиции в эти места; в двух из них меня сопровождал г-н Энгель. Доехав поездом до Морогоро, мы перебрались через невысокую горную цепь Улугуру и пошли дальше, от миссии Матамбо к форту Кисаки.

В военном отношении форт расположен наихудшим образом, и хотя во времена восстания его гарнизон успешно отразил несколько нападений, это говорит лишь о храбрости защитников форта, но не об инженерном искусстве его строителей. Местность вокруг очень плодородна, но климат нездоровый. В окрестностях обитает племя вамбунга – довольно малосимпатичный народ, отличающийся склонностью к исключительно мясной пище. Говорят, что в прошлом среди них наблюдались случаи людоедства.

От форта мы пошли по направлению к Кидату и далее по течению Руахи, до того места, где она сливается с Руфиджи. Почти ежедневно мы натывались на свежие следы слонов и носорогов. По берегу Руахи шла тропа, оставленная караваном Хэмминга, и мы придерживались ее, зная, что она приведет к лагерю. Чтобы не задерживаться, мы не пытались охотиться, хотя дичь вокруг была в изобилии. Особенно поразительно количество бегемотов на отмелях Руахи:

во многих местах они буквально сплошь устилали пляжи.

25 октября мы прибыли в новый лагерь Хэмминга. Здесь находился и Мак-Нейл; он сопровождал корреспондента "Спортивной газеты" Фридлендера.

Место для лагеря было выбрано живописное, но неудобное – посреди буша, вдали от жилья и дорог. Поэтому я предложил перенести его к селению Мкалинзо, неподалеку от слияния Руахи и Руфиджи.

Движение каравана, обремененного множеством разного скарба, было медленным. Но меня это вполне устраивало т.к. появилась возможность заняться фотоохотой.

Однажды утром я услышал громкий рев, доносившийся с реки. Схватив камеру, под прикрытием кустов я осторожно подобрался к берегу и увидел зрелище навсегда оставшееся у меня в памяти: сражение бегемотов. Бой на мелководье вели два могучих самца. Они сцепились, словно чудовищные бульдоги и поднятые ими волны окрашивались потоками крови. Вокруг, на почтительном расстоянии за битвой наблюдало стадо. Огромные звери свирепо кусали и трясли друг друга; то один, то другой скрывались в воде. И бойцы, и наблюдатели были так увлечены схваткой, что мне удалось подобраться на двадцать шагов и сделать несколько снимков, прежде чем закончилась битва.

Друго запоминающийся эпизод связан с моим боем. Как-то раз он решил развлечься швыряя камнями в спящих бегемотов. В это время на сцене появилась старая бегемотиха с детенышем она выскочила из воды с резвостью, какую трудно предположить в столь огромном животном, и напала на незадачливого парня сзади. С громким воплем он бросился наутек, но спасло его лишь то обстоятельство, что старая дама остановилась и оглянулась на свое бэби – не грозит ли

ему, оставленному без присмотра, какой-нибудь враг. Не будь бегемотиха столь заботливой матерью, дело кончилось бы плачевно. Я в тот момент, хотя и находился на берегу, был не в силах помочь своему слуге: нас разделяла добрая сотня метров, а мои ружья остались в лагере.

В засушливый период Руаха мелеет, становясь в среднем по колено. В это время бегемоты собираются вокруг подводных ям, глубина которых достигает двух трех метров, и набиваются в них, иногда даже в два слоя. Снимок бегемотов, лежащих как сардины в банке, также вошел в мою коллекцию.

Наш лагерь был на берегу, и по ночам мы подолгу не могли заснуть из-за громкого сопения и фырканья – с наступлением темноты бегемоты выходят пастись на сушу. Нередко мы с Мак-Нейлом, встав, потихоньку выбирались из лагеря, чтобы полюбоваться на огромных зверей. Это была незабываемая картина. На белом речном песке четко выделялись гладкие черные туши, блестящие в свете луны. Их движения были грузными, но отнюдь не неуклюжими. Все остатки наших трапез мы относили в одно и то же место, к большому камню у кромки воды. Некое бегемотье семейство, обнаружив это, вечерами располагалось вокруг камня и дочиста подбирало все пищевые отходы. Мы установили правило – не убивать зверей без крайней нужды в свежем мясе, и потому бегемоты держались, в общем, доверчиво и дружелюбно; кроме того, охотники редко посещают этот район и животных обычно никто не тревожит. В результате наши люди безбоязненно проходили в нескольких шагах от дремлющих колоссов и даже купались в реке, не опасаясь нападения.

Очень забавны детеныши бегемотов. Как все дети, они любят играть – и друг с другом, и с родителями. Но природа не наделила бегемота ни темпераментом, ни возможностями, требующимися для веселой возни со

своим потомством. Поэтому малыши используют взрослых в качестве спортивного инвентаря. Однажды я наблюдал стадо, расположившееся отдохнуть. Из воды выдавались лишь ноздри, да широкие спины, неподвижные, как валуны. Только детеныши никак не желали угомониться: они гонялись друг за другом, поднимая брызги, ныряли и кувыркались. Когда все это им надоело, бегемотики затеяли новую игру: выбрав подходящую спину, взбирались на нее и с шумом и плеском съезжали в воду – сперва по очереди, потом все вместе. Владелец спины никак не реагировал на происходящее. Большие крокодилы – извечные враги бегемотов – грелись на песчаных отмелях. Откуда-то издали доносились крики диких гусей.

Вот к реке подходит группа водяных козлов. Им не опасны зубастые ящеры – до них далеко; едва удостоив крокодилов взглядом, вожак спускается к реке, следом за ним и остальные антилопы. Долгими глотками пьют они живительную влагу и затем неспешно уходят, не заметив людей.

Из глубины леса раздаются лай и громкие вопли – это стая павианов движется к водопою. И в этом случае также первым подходит к реке вожак и лишь после него – остальные. Но часть животных остается на деревьях в качестве сторожей и наблюдателей. Основной предмет их внимания – крокодилы. Стоит какому-нибудь из них шевельнуться, как часовые на деревьях криками предупредят сородичей об опасности.

Обезьяны жадно пьют, и некоторые заходят на несколько шагов в реку. Вдруг среди них, на поверхности, на миг появляется огромная зубатая голова; всплеск, и один из павианов навсегда исчез под водой. Лишь кровавое пятно указывает место драмы. Остальные с криками ужаса бросаются прочь, к спасительным деревьям, и в бессильной ярости трясут

ветки, осыпая проклятиями на своем обезьяньем языке ужасного мамбо.

На бегемотов, отдыхающих неподалеку, и на пасущихся на берегу антилоп это происшествие не производит никакого впечатления. Каждый день подобные трагедии разыгрываются в тысячах форм, и обитатели буша с рождения привыкли к ним.

Слоны здесь встречались уже довольно часто, но их преследование на высохшей, открытой местности дело не только трудное, но и опасное, в чем мне пришлось не раз убедиться на собственном опыте. И все же, когда 3 ноября я наткнулся на свежие следы одинокого самца, соблазн оказался слишком велик. Предупредив своих людей, я отправился за слоном.

След то исчезал на высохшей земле, то вновь появлялся; так прошел день. Переночевав, я продолжил преследование и через несколько часов ходьбы увидел не одинокого самца, а небольшое стадо, в котором, к моей неописуемой досаде, были только слонихи. Притаившись в кустах, я проклинал неудачный день и прикидывал, куда мог уйти тот одинокий слон, которого я ищу. Между тем поднялся небольшой ветерок, и дул он в самом невыгодном направлении – от меня к стаду. Почти сразу же одна из слоних насторожилась, растопылив уши, вытянула хобот и двинулась в моем направлении. Пройдя кусты и не заметив меня, она вернулась к стаду. Но ветер не утихал, и слониха повторила свой маневр еще трижды, приходя во все большее возбуждение. На четвертый раз она засекла мое убежище, и у меня не осталось выбора. Калибр 8мм – далеко не самое подходящее оружие для охоты на слонов, и потому требует большой точности при стрельбе. Первый выстрел остановил слониху, а два последующих прекратили ее мучения.

Вскоре подошли носильщики, и тут выяснилась чрезвычайно неприятная вещь: у нас кончилась вода.

Люди уже заметно страдали от жажды. Между тем надвигалась ночь, и поиски воды приходилось отложить до утра. По моим соображениям, где-то неподалеку должен был находиться какой-нибудь водоем – иначе вряд ли слоны паслись так далеко от реки. Предстояло дожидаться рассвета. В моей фляге тоже не осталось ни капли, так что все мы были в одинаковом положении.

Мы провели тяжелую ночь – день был жарким, а мы прошли много миль. У всех пересохло горло, и даже темнота не приносила облегчения. От жажды не удавалось заснуть. Наутро я разослал людей в поисках воды, и к полудню услышал радостную весть. Как ни удивительно в этой вроде бы совершенно открытой местности имелась цепочка небольших прудов, укрытых в неглубокой ложинке. К одному из них мы перенесли наш лагерь. Пруд этот, как я узнал впоследствии, был хорошо известен окрестным племенам и назывался Луманга. Следы на берегу показывали, что сюда приходят на водопой носороги, слоны и львы.

Часть слуг и носильщиков еще не вернулись. Опасаясь, что они заблудились или обессилели, я отправил за ними спасательную партию – из тех, кто уже утолил жажду. Пропавшие вскоре были найдены и доставлены в лагерь. Выглядели эти люди очень плохо, и я уже начал опасаться, что не всех из них удастся вернуть к жизни. Но мои страхи оказались напрасными: не прошло и двух часов, как "умирающие", оживленные холодной водой, сидели у огня, обменивались шутками и с аппетитом поглощали огромные куски полусырого слоновьего мяса.

Теперь можно было возвращаться в лагерь у Мкалинзо; наше имущество уже перенесли туда под присмотром г. Энгеля. Там же находились Хэмминг и Мак-Нейл. Вид у всех был унылый, т.к. провиант оказался на исходе. Ввиду этого я решил отправиться

налегке в Кисаки и договориться насчет доставки провизии с кем-нибудь из индийских торговцев.

По пути я встретил доктора Л., с которым познакомился в Дар-эс-Саламе; он отправлялся на охоту за слонами. В разговоре Л. поинтересовался моим оружием, и я не удержался, чтобы не похвалиться одной из своих винтовок 450-го калибра, дело в том, что чиновники просмотрели ее при таможенном осмотре на границе, и она не была опечатана. По глупости я не скрывал этого обстоятельства, тем более, что винтовка входила в опись моих ружей. Мы еще поговорили об охоте и распили пару бутылок пива – я был счастливым обладателем целого ящика этого напитка, столь редкого и высоко ценимого во внутренних районах Африки. Д-р Л. оказался страстным любителем пива и просил продать ему несколько бутылок. Тронутый его уговорами, я уступил пол-ящика бесплатно. Как выяснилось впоследствии благодарность д-ра Л. оказалась очень своеобразной. Дойдя на следующий день до поста Махенге, он сделал заявление, где говорилось о наличии в моем багаже контрабандного оружия. Это заявление не возымело никаких последствий, но мотивы его остаются для меня загадкой и по сей день.

На протяжении нескольких дней я охотился в окрестностях Кисаки, но без особого успеха: хотя мне довольно часто удавалось подобраться близко к слонам, густые заросли мешали сделать точный выстрел.

В двух часах ходьбы от форта есть горячий сернистый источник, окруженный настоящим лесом. Там я и решил временно обосноваться – достаточно было расчистить небольшой участок от лиан и вьюнков, чтобы получился "естественный шалаш", очень удобный и просторный (свою палатку я оставил в Мкалинзо, т.к. в сухой период и на небольшие расстояния всегда передвигался налегке). Единственным неудобством

были слоны, бродившие по ночам вокруг нового лагеря. Иногда поднятый ими шум – урчание, треск веток, вздохи и фыркание – бывал так силен, что никому не удавалось сомкнуть глаз до самого рассвета.

Однажды утром люди, посланные за водой, вернулись с известием о слоне. Кое-как одевшись я поспешил к ручью, но увидел там лишь самку носорога с детенышем. Маленький носорог как раз достиг возраста и размера, подходящего для поимки, и я трижды поднимал ружье, собираясь застрелить мать, но в итоге отказался от этого намерения и отпустил толстокожее семейство с миром. В конце концов, Джумбо все еще находился в Дар-эс-Саламе, и покупателя на него пока не нашлось, а ведь его поимка и транспортировка обошлись мне в немалую сумму. Так что обзаводиться новым питомцем было бы, пожалуй, неразумно.

14 декабря Хэмминг вернулся в форт. Физическое напряжение, которого требовала охота, стало для него непосильным, особенно после очередного приступа черной лихорадки. К тому же остались нерешенными земельные споры на границе Ва'лундалэнда, где Хэмминг в подобных случаях исполнял обязанности главного арбитра. Мы дружески простились и он отбыл в Каронгу.

В тот же день я предпринял новую охотничью вылазку, на сей раз недалеко от Кисаки. Мы расположились в русле высохшей реки, где в первый же день я добыл двух бородавочников и карликовую антилопу, а вскоре после этого – превосходного бушбока.

Лонгома неожиданно заболел и мы задержались в новом лагере. Русло реки заросло камышом, а по берегам было покрыто бамбуком и колючим кустарником, что свидетельствовало об обилии диких животных. И действительно, здесь во множестве

попадались следы слонов и носорогов, не говоря уже про антилоп всех видов. Едва мы раскинули лагерь, как один из слуг принес два найденных им небольших бивня – неподалеку обнаружился целый скелет огромного животного. Осмотр показал, что эта слониха погибла примерно полгода назад, но установить причину смерти мне не удалось.

Как-то в полдень, когда я лежал в тени, предаваясь послеобеденной сиесте, прибежали двое людей, ходивших за диким медом, и сообщили, что в бамбуковой роще пасется стадо слонов. Я отправился в указанное место, но убедился, что в стаде только слонихи и несколько юных слонов, едва вышедшие из детского возраста. Взрослых самцов не было, и охота исключалась.

Обратный путь не обошелся без приключений. Я шел впереди, рядом с проводником, а оруженосец и бой в нескольких шагах следом. Вдруг все вздрогнули и остановились; послышалось короткое ворчание, что-то желтое мелькнуло и скрылось в траве.

– "Чуи (леопард)" – лаконично произнес проводник. Вскоре мы увидели бушбока, только что убитого леопардом. Велев бою отделить голову с рогами, я прислонился к дереву. В ту же секунду большое золотистое тело с шумом свалилось на землю в двух шагах от меня и, издав злобное шипение, исчезло. Все произошло так быстро, что я не успел не то что выстрелить, а хотя бы вскинуть ружье. Видимо, второй леопард спал на ветвях дерева и проснулся, когда мы были уже совсем близко. Едва я оперся на ствол, как нервы у пятнистого убийцы сдали, и он решил, что пора удирать. К счастью, никто из нас не оказался на пути у леопарда.

Вскоре я увидел, что оставленную нами тропу пересекали слоны. Идя по следам, мы быстро догнали их; это были две слонихи с пятью слонятами. Т.о.,

представлялась возможность массового отлова – я мог легко застрелить взрослых животных. Старший из пяти слонят был, судя по виду, ровесником Джумбо, младший тоже уже достаточно окреп, чтобы можно было рассчитывать сохранить его.

Пока я наблюдал за стадом, со стороны речного русла, из тростниковых зарослей, донесся треск и шаги еще одного слона. Взгляд в бинокль показал, что это взрослый самец с прекрасными бивнями. Сделав небольшой крюк, чтобы зайти с подветренной стороны, мы взобрались на крутой берег – высота его здесь достигала примерно двадцати футов. После первого выстрела из винтовки 450-го калибра слон не упал, а только повернулся; одновременно я увидел, как пуля взрыла песок на другом берегу. Неужели промах? Второй выстрел, и снова взметнулся фонтан песка, а серый колосс стоит неподвижно, но было слышно, как он захрипел. Я выпустил одну за другой еще три пули, и слон медленно опустился на землю. Он попытался встать, но шестой выстрел с дистанции не больше пяти метров прекратил его мучения. В последний момент отдача тяжелого ружья сбила меня с ног, и я покатился по песчаному склону; слон в это время был уже мертв. Оказалось, что первые две пули прошли навылет – я стрелял под слишком большим углом.

Длина бивней составила 7 футов 9 дюймов при общем весе 188 фунтов. Это был лучший трофей из всех, добытых мной до тех пор.

На следующий день мне удалось подстрелить еще одного слона, а вечером я нашел в колючих зарослях слоновый скелет с прекрасно сохранившимися бивнями. Мало того, наутро мне попался еще один большой бивень, весивший больше 70 фунтов; правда, он был не лучшего качества. То., в течение трех дней я набрал 426 фунтов слоновой кости – неплохой результат, особенно если учесть, что за это время я убил только двух слонов.

В Кисаки я познакомился с братьями Ринглер, известными охотниками, рассказавшими мне между прочим о некой долине, где постоянно держатся стада слонов. Правда, оставалось неясным, не находится ли эта долина на территории заповедника Могоро. У Ринглеров на сей счет не имелось определенного мнения. Как бы то ни было, я отправился в указанное место, и действительно очень скоро увидел стадо. К счастью, в нем не было взрослых самцов – впоследствии я выяснил, что уже пересек границу заповедника, где убийство слона могло обернуться серьезными неприятностями.

В стороне от стада стояла старая самка. После нескольких минут наблюдения стало ясно, что она исполняет роль доброй нянюшки, избавляя более молодых дам от скучных обязанностей материнства. Под ее опекой находилось не меньше дюжины малышей разного возраста. Когда кто-нибудь из слонят чувствовал, что настало время подкрепиться, он подбегал и без стеснения припадал к необъятной груди кормилицы – видимо, ее запасов молока хватало на всех. Просто невероятно! Ринглеры уже рассказывали об этом удивительном феномене, но, признаюсь, я не мог поверить, пока не увидел все своими глазами.

Я вернулся в Кисаки, но охотничья удача "не отпускала" меня: 23 декабря мне посчастливилось добыть еще одного слона чуть ли не у самых стен форта.

Предстояло Рождество, а затем Новый год. Мы – несколько европейцев – решили провести эти дни вместе. Обстановка и природа не позволяли хоть в какой-то степени воссоздать столь дорогую нашим сердцам праздничную атмосферу – здесь не было ни родных, ни снега, ни музыки, ни вкусной еды. Поразмыслив, я предложил устроить хотя бы подобие праздничного салюта; не без труда мне удалось

уговорить остальных принять участие в этом деле. Наш салют, конечно, не имел ничего общего с веселым европейским фейерверком, но зато хорошо гармонировал со здешней жизнью: в полночь, 31 декабря, африканское небо огласил троекратный залп из шести крупнокалиберных ружей.

В то время в печати оживленно обсуждался новый закон об охоте. Не утерпев, я принял участие в газетной полемике и опубликовал небольшую заметку. Я доказывал в ней, что этот закон не приведет к охране и умножению дичи, а даст прямо противоположный результат. Дело в том, что по новым правилам охотничья лицензия стоила 750 рупий – для белых и 3 рупии – для местных уроженцев. По всей видимости, авторы закона считали, что чернокожие по-прежнему применяют лишь копья и стрелы и не имеют понятия об огнестрельном оружии. В действительности все обстояло иначе: в каждом селении имелось хотя бы одно ружье, правда, обычно старое. Хуже другое: африканцам совершенно чужды европейские представления о необходимости охраны животных. А с прекращением межплеменных войн стало быстро сокращаться число воинов, достаточно смелых и ловких, чтобы атаковать слона, носорога или льва, располагая лишь холодным оружием. В итоге чернокожие охотники во все возрастающих масштабах истребляли слоних и даже слонят; при этом дополнительным стимулом было мясо, которое достаточно высоко котируется во многих районах Африки. И, как правило, по одной лицензии успевало поохотиться не меньше полдюжины местных жителей – контроль в данном случае очень труден. Что до штрафов, за продажу маломерных бивней (от убитых слоних), то существовали сотни лазеек, позволявших сбыть бивень любого размера. Тут на помощь всем желающим приходили услужливые арабские купцы.

Большинство знакомых разделяло это мнение, но, конечно, никаких результатов моя заметка не принесла.

Надо сказать, что особенно тревожное положение складывалось с жирафами. Эти прекрасные и удивительные животные – очень легкая добыча: во-первых, из-за своего размера и медлительности, во-вторых, потому, что практически неспособны оказать сопротивление, так что охота на них совершенно безопасна. Вместе с тем они нисколько не мешают сельскохозяйственной деятельности, т.к. питаются листвой деревьев. Этого нельзя сказать о слонах и бегемотах, которые могут причинить – и часто причиняют – ощутимый вред полям и плантациям, ввиду чего их присутствие вблизи возделанных земель недопустимо.

Носороги всегда потенциально опасны – у них агрессивный нрав, страшное оружие и огромная сила. Кроме того они усвоили скверную привычку бродить по караванным путям. Но жирафы – подлинное украшение африканской саванны, никому не причиняющее зла. Я полагаю, что следовало бы ввести очень жесткие ограничения на их отстрел – не более двух животных, причем, разумеется, только взрослых самцов, на одного охотника, независимо от цвета кожи. Сам я, за все годы проведенные в буше, убил лишь одного жирафа.

Предпочтение, оказываемое новым законом слонам, и полное равнодушие к судьбе большинства других четвероногих обитателей лесов и рек, казалось мне совершенно необъяснимым. В самом деле, ведь для охоты, скажем, на бегемотов или тех же жирафов вообще не требовалось лицензии, и число убитых зверей ограничивалось только количеством имевшихся при себе патронов. Постепенно я стал склоняться к мысли, что в основе подобных законодательных актов, помимо невежества и близорукости, лежит зависть.

Такое утверждение может показаться странным, но думаю, что не ошибаюсь.

Когда профессиональный охотник на слонов возвращается из буша после многомесячной экспедиции и продает несколько пар великолепных огромных бивней, то у окружающих возникает естественное желание обзавестись собственными охотничьими трофеями. Но охота на слона – нелегкое дело, она сплошь и рядом требует многодневного преследования животных по труднопроходимой местности и, кроме того, очень часто связана со смертельным риском. Свалить взрослого самца одним выстрелом редко удастся даже опытным стрелкам, и примерно в четверти случаев раненый слон переходит в наступление. А правительственные чиновники, составляющие законы, или газетчики, окрестившие профессиональных охотников убийцами, обычно не имеют ни времени, ни сил, ни достаточно мужества для подобной охоты. Другое дело – подстрелить жирафа. Они часто встречаются, огромны, неопасны, у них красивая пятнистая шкура. В общем самая подходящая дичь для честолюбивого и обеспеченного горожанина.

То же относится к любой другой дичи, не защищенной законом. В 1908-1909 г.г. в районе слияния Руахи и Руфиджи работала правительственная топографическая экспедиция под начальством господина Д. Местные жители прозвали его "бвана вибоко"; в этом прозвище скрыт невеселый каламбур. Буквальный перевод означает "повелитель палки", т.е. человек, явно не отличающийся мягкосердечием. Но, кроме того, "вибоко" – множественное от "кибоко" (бегемот). Мы с Мак-Нейлом могли убедиться в справедливости этого прозвища – по реке плыли многие десятки вздувшихся, обезглавленных бегемотьих трупов. Видимо г. Д. и сопровождавшие его аскари развлекались на славу. В самом деле, чем не спорт:

стой себе на берегу и расстреливай дремлющих в воде огромных животных! Головы убитым бегемотам отрубали, чтобы потом извлечь зубы – они идут по цене слоновой кости.

Съездив в Дар-эс-Салам и сделав необходимые покупки, мы вернулись в Морогоро. Я был особенно доволен – в Дар-эс-Саламе мне удалось, наконец, починить велосипед. За месяц до этого он не выдержал неравной борьбы с ухабами африканских дорог и рама переломилась пополам. Теперь все было исправлено, и я чувствовал себя быстрым и свободным, как птица в небе. Велосипед верно служил мне все время пребывания в Восточной Африке, и я очень рекомендую это нехитрое транспортное средство для путешествий по караванным путям в буше.

Мы получили много приглашений от знакомых – плантаторов, фермеров, предпринимателей – и дальнейший путь в форт стал сплошной цепью дружеских визитов. Во время одного из них мы встретили старого приятеля – никогда не унывавшего корсиканца по фамилии Солона. Мак-Нейл знал его еще в Родезии, где тот был владельцем процветающего отеля, носившего его имя. Но страсть к картам оказалась сильнее деловых соображений: как-то ночью Солоне упорно не везло в покер, и он проиграл отель со всем движимым и недвижимым имуществом.

Впрочем, наш друг, как истинный джентльмен, не утратил из-за проигрыша бодрости и природного благодушия. Он передал новым владельцам ключи и двинулся на север – искать новые области приложения своих способностей.

Передохнув в католической миссии Мгета, мы начали подъем на Чинзему – одну из вершин цепи Улугуру. Как всегда, климат заметно менялся с каждой новой тысячей футов высоты. Стало довольно прохладно и большую часть суток моросил мелкий

дождь. Зато при спуске с горы мне довелось испытать огромное удовольствие. Дождь прекратился и земля подсохла; я вскочил в седло велосипеда и, пожелав Мак-Нейлу приятного пути (на что он ответил довольно-таки грубо), покатыл вниз. Дорога здесь представляет собой серпантин, а кое-где проходит над обрывами, так что приходится быть начеку и все время притормаживать в опасных местах. Но на прямых участках я мчался так, что ветер свистел в ушах. Встречавшиеся по дороге местные жители застывали и смотрели мне вслед, разинув рот: до тех пор в этом районе еще не было велосипедов.

Так я доехал до усадьбы Отто Шварца (через час подошел и Мак-Нейл). Этот замечательный человек попал в Африку совсем молодым, располагая очень ограниченными средствами. В настоящее время он – владелец хорошо оборудованного предприятия по добыче слюды и образцовой скотоводческой фермы. И то, и другое появилось на обрывистых склонах Чинземы лишь благодаря его настойчивости и трудолюбию. Не меньшего восхищения заслуживает и молодая фрау Шварц, сумевшая организовать уютный, вполне европейский быт в самом сердце диких африканских гор.

Отдохнув у гостеприимных Шварцев, мы тронулись дальше и через три перехода достигли Кисаки. Дичи в пути мы видели очень мало, за исключением носорогов.

29 января, охотясь в окрестностях форта, мы добыли двух слонов; это были старые самцы. Предварительно мне удалось сфотографировать одного из них, подобравшись к животному примерно на пятьдесят шагов. Слон снят в момент, когда он, опустившись на колени, выкапывает бивнями какой-то съедобный корень.

Решив продолжить охоту, совмещая ее, по возможности, с фотографированием, Мак-Нейл и я

перешли в окрестности озера Утунги, известного обилием всех видов дичи. Эти места очень напоминали Уссангу-Ньику. Правда, здесь не было жирафов, зато бродили большие стада гну, которые отсутствуют в Уссанге.

В районе Утунги я обнаружил новый вид гну, отличающийся от двух других (белобородого и белохвостого) очень странной, резко выделенной светлой полосой поперек носа; издали кажется, что морда животного обвязана белым ремешком. Мне показалось, что гну данного вида немного меньше обычных. Судя по всему, стада этих необычных антилоп сосредоточены в одном ограниченном районе, в северной части бассейна Руфиджи.

Озеро Утунги оказалось таким привлекательным, что мы решили обосноваться на берегу хотя бы несколько дней; так появился наш третий лагерь.

11 февраля, незадолго до захода солнца, мы догнали еще одно стадо, и мне удалось сделать хороший снимок одного из слонов, который вслед за тем пал от пули Мак-Нейла.

Вернувшись в Мкалинзо, мы сразу же узнали от местных жителей приятную новость – слоны стоят на северном берегу Руахи.

22 февраля – памятная дата в моей охотничьей летописи. В тот день, идя по свежим следам, мы увидели трех могучих самцов; они стояли в густом лесу, предаваясь в тени послеобеденному отдыху. Подобравшись с камерой шагов на двадцать, я приготовился сделать чудесный снимок, и в этот момент мы были замечены. Слоны развернулись к нам; медлить не следовало, и наши винтовки прогремели почти одновременно. После выстрелов два слона – они были ранены – остались на месте, а третий быстро отступил и скрылся в зарослях. Однако через минуту он вернулся, чтобы помочь своим друзьям, попавшим в

беду! Мне не раз приходилось видеть примеры взаимопомощи у различных животных, но все это не идет ни в какое сравнение с той благородной дружбой, которая связывала умных и смелых толстокожих гигантов. Нельзя было без волнения видеть, как слон, пренебрегая собственным спасением, старался вызволить раненных. Поддерживая плечом то одного, то другого и осторожно подталкивая бивнями, он пытался увести их в чащу леса, и ему удалось бы это сделать, если бы новые выстрелы не заставили его вспомнить о собственной жизни. Слон снова успел отступить под защиту деревьев.

- "Присмотри за ним!" - крикнул я вслед Мак-Нейлу; у нас с Лонгом в тот момент хватало забот с двумя первыми слонами.

Последовавшие события до сих пор стоят у меня в памяти с фотографической точностью. Оба раненных слона, как по команде, рванулись вперед, в атаку. Лонгома издал пронзительный боевой клич своего племени, и я от возбуждения присоединился к нему. Позабыв об опасности, мы двинулись навстречу нашим противникам, крича, стреляя, передергивая затворы и снова стреляя. Пули крупнокалиберных винтовок сделали свое дело - один за другим слоны рухнули на землю. Они лежали рядом, так же, как шли в бой.

Вскоре вернулся Мак-Нейл, добивший третьего слона. Мы вполне отдавали должное мужеству животного - редкий человек способен поступить так, как он. Но и нам было, чем гордиться. Мы обменялись рукопожатием и поздравили друг друга с победой. Этот день навсегда запомнился нам обоим.

Дела звали нас в Дар-эс-Салам, и мы решили, продолжая охоту, постепенно двигаться на северо-восток, чтобы совместить приятное с полезным.

Возле селения Бехобехо мне удалось с камерой в руках подобраться на двенадцать шагов к большому

слону. Опасности я, в общем-то, не подвергался, т.к. находился под прикрытием винтовок Мак-Нейла и Лонгомы. Но снимок получился очень впечатляющий: слон стоит в настороженной позе, расправив уши, и заполняет почти весь объектив.

Судя по карте, мы находились сравнительно недалеко от железной дороги. Решив выиграть несколько дней, мы пошли напрямик, по компасу, рассчитывая через двое суток быть на станции.

Не знаю, кто составлял эту карту; во всяком случае, когда мы, усталые и насквозь промокшие – сезон дождей был в разгаре – притащились в Кипенделу, выяснилось, что сведения, почерпнутые из карты, более оптимистичны, чем верны: до железной дороги оставался еще целый переход. Чертыхаясь, мы тронулись дальше, пересекли реку Чиредире как раз в том месте, где по мнению картографов, находится железнодорожный мост, и через несколько часов с великим трудом достигли, наконец, свое цели. Доехав в Дар-эс-Салам, мы быстро уладили все дела, передохнули пару дней и вернулись в Кисаки, а оттуда – в наш лагерь возле Мкалинзо. Мы отыскивали его не сразу – после дождей вся местность покрылась такими плотными зарослями "слоновой травы", успевшей вымахать до полутора метров, что невозможно было различить ни старых троп, ни других примет.

Свежая зелень вдоль берегов привлекла в долину великое множество разнообразной дичи. В радиусе трех-четырех миль от лагеря собрались, кажется, все представители восточноафриканской фауны – от карликовой антилопы до слона. Правда, животные держались настороже, т.к. здесь уже немало поохотились асари из правительственной топографической экспедиции.

В начале мая пришло радостное известие – из Каронги возвращается Хэмминг, и мы с Мак-Нейлом

отправились ему навстречу.

По дороге мы остановились передохнуть и покурить возле ручья. Через несколько минут беседу прервало появление стаи диких собак – они преследовали водяного козла. Увидев людей, собаки сразу же забыли про антилопу и окружили наш привал. Они носились по кругу, завывая и отрывисто лая, некоторые от возбуждения становились на задние лапы. Надо сказать, что эти неугомонные черно пегие-звери, если их много – а они бегают только стаями – могут представлять опасность и для человека, мне приходилось слышать об их нападениях на туземцев. Но сегодня собаки просчитались. Пора было трогаться, и я прекратил осаду выстрелом из 8-мм "маузера". Стая разбежалась. Когда мы отошли на несколько сотен метров, я оглянулся и увидел, что собаки уже пируют над своим убитым собратом.

Встретившись с Хэммингом, мы возвратились в Мкалинзо, все трое радостные и счастливые. Когда друзья после долгой разлуки встречаются в буше, у каждого есть куча новостей, которыми хочется поскорее поделиться с остальными. В жизни Африки очень важную роль играют слухи, и мы всласть позабавились рассказывая друг другу самые причудливые версии наших приключений. Так Хэмминг поведал две душераздирающие истории, в одной из которых Мак-Нейл погиб, а в другой мы оба, Мак-Нейл и я, уже не помню за какие грехи, были доставлены в Дар-эс-Салам в цепях, скованные по рукам и ногам.

Вечером мы сидели за праздничным ужином у лагерного костра. Луна сияла, так, что на нее больно было смотреть. В черном небе мерцали африканские звезды – в тропиках они кажутся более далекими, чем на Севере. А здесь, внизу, потрескивали угли в костре, из трубы граммофона звучали уже забытые нами европейские мелодии. Бегемоты плескались в реке, и со

стороны деревни доносился вой одинокой гиены, искавшей поживы.

Посреди лагеря – большой баобаб. Его скрученные ветви, озаренные снизу пламенем костра, четко вырисовываются на фоне ночного неба. У огня, на голой земле, лежат носильщики. Они ничем не укрыты, лишь под головами у иных подстелены небольшие тряпицы. Устав за день, люди крепко спят после сытного ужина. Временами кто-нибудь из них стонет и ворочается во сне – должно быть перебрал жаренной козлятины. Оба боя тоже устали. Один тихо обращается ко мне: – "Пластинки кончились, господин" – и слышит в ответ: – "Энла лала (иди спать)".

А три охотника еще долго не могут растаться. Снова и снова начинаются рассказы про общих знакомых, попадавших в трудные переделки; о грязных слонах, чьи бивни уже не раз обагрялись человеческой кровью, пока пуля не обрывала их жизнь; о хитроумных и смелых чернокожих вождях. Наконец, зевая и потягиваясь, кто-то произносит:

– "Ну ладно, детки, пора и на отдых, уже три часа".

Мы расходимся по палаткам. От реки тянет свежестью. Такие вот вечера создают то, что называется "любовь к Африке". Это неточное выражение – трудно передать словами чувство единения с Великим Черным Континентом и со всеми его обитателями, двуногими и четвероногими.

Хэмминг привез мне новое ружье 600-го калибра. Это была безкурковая нарезная винтовка с экстрактором^[5]. Ствол был на 2 дюйма длиннее, чем у моей старой винтовки, а вес на 2 фунта меньше. Мне конечно хотелось попробовать новое оружие в деле, и поскольку Хэмминг должен был спешить в Дар-эс-Салам, я предложил сопровождать его. Мы решили идти напрямик от Руахи к форту Кисаки через горы Муа,

ориентируясь по компасу и не придерживаясь караванных троп.

Перейдя реку, мы тронулись в путь, и не прошло и часа, как наше внимание привлекло большое черное тело на поляне неподалеку. Животное такого размера и облика могло быть только носорогом. Однако, подойдя ближе, мы с удивлением убедились, что перед нами одинокий бегемот: трудно было понять, что заставило его уйти за три километра от реки и обосноваться посреди горной поляны, в луже глубиной около дюйма. Наша ошибка объяснилась еще и тем, что носорогов вокруг бродило множество: как то раз в поле зрения находилось одновременно 11 штук – а ведь носороги, в отличие от слонов, не собираются в стада.

Там, в горах Муа мне удалось испытать новую винтовку. Мы как раз хотели заняться устройством лагеря, когда носорог выскочил из густой травы в двадцати шагах от каравана. Ружье было у меня в руках, и нам как раз требовалось мясо. После выстрела носорог метнулся в сторону и исчез из виду, но через несколько секунд появился еще один. Я снова выстрелил и он рухнул наземь, перевернулся на спину и замер. Тут же из травы опять высунулась голова носорога – как я думал, первого, который был ранен. Снова выстрел, и зверь упал, издав громкий звук, средний между визгом и храпом. Через несколько минут, когда подошли носильщики, выяснилось, что все три пули достались разным животным: первый носорог, убитый наповал, лежал в десятке метров.

На следующий день я прибавил к своим трофеям взрослого слона, добытого почти с такой же легкостью. В общем, новым ружьем можно было гордиться: далеко не все винтовки 600-го калибра обладают такой силой и точностью боя.

Переход через горы Муа мы совершили без проводника, пользуясь лишь компасом и следуя по

слоновьи тропам; насколько я знаю, мы стали первыми европейцами, сумевшими самостоятельно перейти от Руахи до Дар-эс-Салама. Моя следующая – и последняя – экспедиция в Восточной Африке продолжалась почти полгода, с июня по начало ноября. Я не буду подробно описывать весь ход путешествия, а остановлюсь лишь на наиболее интересных и ярких моментах.

Мне не хотелось полностью отказываться от охоты на слонов, и в то же время я чувствовал себя в долгу перед животным миром Африки. В итоге было решено прекратить целенаправленное преследование толстокожих; если же встречи будут происходить по инициативе слонов, то можно считать это моим охотничьим счастьем и действовать соответственно.

Первое время я провел на берегах Руахи. Однажды вечером мне пришлось подстрелить бегемота – люди нуждались в свежем мясе. Слуги вытащили его на мелководье и начали разделывать, но наступившая темнота помешала закончить работу, и они вернулись в лагерь, оставив тушу в воде. Разумеется этим воспользовались крокодилы, привлеченные запахом крови. Всю ночь мы слышали звуки пиршества и сопровождавшей его ожесточенной грызни.

Около полуночи к реке пришли львы – как показали следы – четыре взрослых самца. Примерно в сотне метров от лагеря они решили заняться хоровым пением, и моя палатка дрожала от громовых раскатов их рева, как лист на ветру. Наутро, осмотрев следы, я увидел, что львы, по крайней мере, двое из них, вошли в воду и основательно потрудились над тушей бегемота. Неужели львы и крокодилы мирно участвовали в общей трапезе? Мне было трудно представить такую картину, и я бы дорого заплатил, чтобы все это увидеть; о том, чтобы сделать снимок, я не смел и мечтать. Но, к сожалению, безлунные ночи исключали возможность наблюдения.

Вскоре ко мне присоединился г. Фридлиндер, и мы перенесли лагерь на берег Руфиджи; на другой стороне реки находилось селение вождя Мкамбы. Вскоре после нашего прибытия там разыгралась трагикомическая история в чисто африканском духе.

В деревне наварили несколько бочек помбе, и к ночи все мужское население пришло в весьма приподнятое настроение; начались танцы. Мы в лагере уже засыпали под однотонный шорох тростника, когда со стороны реки донесся ужасный вопль, затем еще и еще! Мы схватили ружья и поспешили к реке, думая, что среди танцоров появился голодный лев. Оказалось, что несколько человек, и среди них сам Мкамба, отправились за водой. В Африке даже малые дети хорошо знают, как проворны крокодилы и какими дерзкими они становятся по ночам, но в данном случае мысль об опасности утонула в пиве.

Последствия не замедлили сказаться: первого, кто хотел зачерпнуть воды, крокодил схватил за руку. Услышав отчаянный крик, второй человек бросился на помощь; выпустив первого пострадавшего, ящер вцепился в новую добычу. Вождь Мкамба, как он ни был пьян, проявил себя храбрым человеком: видя, что двое его подданных барахтаются в реке, крича и истекая кровью, он пытался вытащить их на берег. Но увы! Проклятый крокодил, видимо, никак не мог решить, кто из них троих ему больше по вкусу – и цапнул вождя за то самое место, которое не принято упоминать в обществе. Тем не менее израненные люди все же сумели выбраться на берег. Каким образом ни один из них не был утащен на дно, остается для меня загадкой и по сей день; видно Бог действительно бережет пьяниц.

На следующее утро, перейдя реку, мы занялись пострадавшими. Их состояние было ужасно: у одного начисто откушены четыре пальца на руке, у другого

изодрано в клочья и буквально размочалено все предплечье. К своим ранам они отнеслись со свойственным неграм апатичным равнодушием, в них набилась грязь, еще немного – и началось бы нагноение. Я промыл, очистил и перевязал страшные следы крокодильих зубов и затем занялся вождем. Надо сказать, что он переживал свою рану более эмоционально, чем остальные, и все время возмущался, что им занимаются не в первую очередь. Когда перевязка закончилась, вождь, видимо полагая, что я изнемогаю от благодарности за оказанную мне честь, попросил сделать ему какой-нибудь подарок.

Похоже, что в селении Мкамбы вообще был сильно развит дух простодушного стяжательства. Так, человек, пришедший утром в лагерь звать нас на помощь и затем проводивший обратно – мы еще не знали бродов в этом месте Руфиджи – потребовал у меня плату за свои труды. Я расплатился с ним, но не тем способом, каким ему хотелось, и наш провожатый удрал в деревню, держась за щеку.

К моему удивлению, все участники ночного побоища поправились. Я был почти уверен, что им не миновать заражения крови, но когда через пару месяцев вернулся в эти края, застал Мкамбу и его собутыльников в добром здравии.

Через несколько дней в лагерь прибыл Мак-Нейл. Фридлендер отправился в низовья Руфиджи, а мы решили перебраться к Лухембело – одному из притоков Руахи. Наш новый лагерь расположился у деревни вождя Мбатанги.

Первые известия, которые мы здесь услышали, касались леопарда-людоеда. Страшный зверь навел ужас на всю округу, и многие селения опустели – жители бежали от "пятнистой смерти". Уже девять человек из деревни Мбатанги были убиты леопардом.

Как сейчас вижу старого вождя; сидя на корточках перед хижиной он рассказывал:

- "Бвана, леопард очень, очень свиреп. Он лежит в засаде у тропы, по которой женщины идут вечером за водой, и когда видит, что их не охраняет вооруженный мужчина, прыгает сзади на одну из них и хватает ее. Если же кто-нибудь из охотников сопровождает женщин, зверь не нападает. Однажды, леопард обознался: не заметив копья, он прыгнул на моего сына, вот на этого, и уже вонзил в него зубы, но тут увидел, что это мужчина, соскочил на землю и убежал, хотя мой сын не успел ударить его копьем". Парень, о котором шла речь, стоял рядом. Четыре страшных шрама – память о клыках леопарда – тянулись по его плечу и спине, подтверждая правдивость рассказа.

- "Бвана, мы перепробовали все виды ловушек" – продолжал старик.

- "Но зверь хитер, он не попадался ни разу".

Я попросил показать мне тропы, по которым леопард ходит чаще всего. Оказалось, что он почти всегда пользуется одной и той же дорогой – высохшим руслом маленькой речушки. В моем багаже имелся большой стальной капкан, и случай был самый подходящий. Я установил капкан в русле, тщательно присыпал его песком, положил сверху приманку и ушел, заравнивая собственные следы. И уже на второй день страшный "чуи" попал в ловушку. Это оказалась маленькая старая самка. Все когти старой дамы были стерты почти до основания, а в пасти нехватало многих зубов.

По случаю поимки леопарда в деревне устроили большой праздник. Тропы в джунглях вновь стали безопасными, и Мбатанга разослал по всем направлениям гонцов с радостной вестью. Не прошло и недели, как в покинутые селения вернулись жители.

3 августа мы с Мак-Нейлом убили слона. Часть мяса взяли наши люди, часть жители деревни, но не меньше тонны оставалось на месте и должно было стать добычей хищных зверей и птиц. По предложению Мак-Нейла мы поставили капкан возле разлагающейся туши, ограничив подходы колючим кустарником. Яростный визг и вопли, раздавшиеся около полуночи, известили нас, что капкан сработал. Мы напряженно прислушивались, пытаясь определить, кого поймали. Мак-Нейл считал, что это лесная свинья – они при случае не прочь полакомиться падалью; я же думал, что в капкан попала гиена. Осталось пойти и проверить, кто из нас прав. Тем временем звуки прекратились.

Сделав факелы из сухой травы, мы отправились к туше, но даже с расстояния в несколько метров не могли разглядеть свою добычу. Животное вместе с капканом спряталось в колючих кустарниках, которыми мы завалили останки слона, и прыгающий свет факелов, хотя и придавал нам уверенность, мало помогал зрению. Мак-Нейл продолжал уверять, что мы поймали лесную свинью, и даже говорил, что уже видит в кустах ее белое брюхо. Я сделал несколько шагов вперед, услышал легкий шорох, затем характерный кашель – и спас свою жизнь лишь прыжком в сторону, побившим все прежние рекорды: на меня кинулся огромный леопард.

Когда рассвело, мы вернулись с камерой и сделали несколько великолепных снимков; особенно удался тот, где леопард рычит на стоящего неподалеку негра (в кадре его не видно). Застрелив зверя, мы увидели, что капкан захватил лишь два пальца левой передней лапы.

На следующую ночь в капкан угодила большая гиена, но сумела удрать, оставив в железных челюстях переднюю лапу. Мне рассказывали, что бывали случаи поимки трехногих гиен. Видно, даже потеря одной конечности не делает их более осторожными. Надо

заметить, что гиены вообще относятся к своим лапам со спартанским пренебрежением и почти всегда, попав в ловушку, предпочитают отгрызть одну, чтобы спасти остальные три. Львы и леопарды никогда не поступают подобным образом.

Все притоки Руахи и Руфиджи пересыхают в сухой сезон, так что в руслах рек остаются лишь отдельные ямы с водой, и к этим ямам на водопой сходятся все обитатели джунглей. Здесь можно встретить любую дичь, кроме слонов – они сами роют себе колодцы. Для этого слон опускается на колени и разрыхляет землю бивнями, а затем вычерпывает ее хоботом. Работа ведется до тех пор, пока в углубление не начнет поступать грунтовая вода. Готовые колодцы достигают метровой глубины. Такое удивительное поведение толстокожих объясняется, конечно, не прихотью, а здравым смыслом. Дело в том, что в засушливый период естественные водоемы – ямы и пруды – кишат всякой живностью: мелкой рыбешкой, лягушками и, что особенно опасно для слонов, пиявками. Набирая воду в одной из ям, слон неминуемо прихватит несколько кровопийц; присосавшись к хоботу изнутри, они обрекут животное на невыносимые муки. Обезумев от боли, слон колотит хоботом по деревьям, нередко до тех пор, пока не оторвет его напроочь. Лишившись этого жизненно необходимого для него органа, животное почти всегда погибает. Аналогичные причины заставляют слонов бежать перед армиями сияфу – странствующих красных муравьев.

Здесь было очень много буйволов. Во время охотничьих прогулок по окрестностям я часто встречал их – то поодиночке, то небольшими группами. Однако, к счастью для буйволов, наш лагерь в то время не нуждался в мясе, и мы мирно расходились в разные стороны.

Раньше я видел такое скопление этих могучих зверей только в Анголе и в районе озера Бангвеоло. Там, в деревне Ассани, мы однажды утром заметили целое стадо буйволов, которые преспокойно паслись в саду. При нашем приближении животные, не торопясь, двинулись прочь и скрылись в густом кустарнике. Я последовал за ними. Неожиданно на тропу в двадцати шагах от меня вышел старый бык, повернулся и замер в угрожающей позе. Я поднял ружье. Буйвол опустил голову, готовясь к молниеносной атаке, но 8мм пуля ударила его в основание шеи. Пробежав несколько шагов, бык свалился и, хрипло заревев, испустил дух.

В середине августа Мак-Нейл возвратился в Мкалинзо, чтобы упаковать и отправить к побережью собранную им зоологическую коллекцию. В это же время в лагерь прибыл г.Энгель, и мы вместе с ним отправились на Улангу. Во избежание недоразумений следует пояснить, что в данном случае одна и та же река носит разные названия на разных участках: от верховьев до слияния с Лувегу – Уланга, а дальше, до впадения в океан – Руфиджи.

Мы разбили лагерь у деревни Рупия, и уже на следующий день разведчики из местных жителей принесли радостную весть: они собственными глазами видели стада слонов на небольшом острове посреди реки. Энгель остался в лагере, а я вскочил на велосипед и помчался к берегу, где поджидала большая лодка с гребцами. Через час мы высадились на острове. Он был покрыт густейшей растительностью, и все – от деревьев до слоновой травы – плотно заплели вьюнки. Эти тропические эпифиты с виду напоминают европейские бобы, но далеко не столь безобидны. Созревшие плоды легко отрываются и покрыты тонкими жесткими волосками, которые впиваются в кожу и жгут хуже крапивы. При расчесывании зуд только усиливается; единственное спасение – вода. Мы шли сквозь

сплошные заросли по оставленному слонами туннелю, и все вокруг было густо усеяно жгучими плодами проклятых вьюнков, так что трудно описать выпавшие нам мучения. Мне приходилось особенно туго – я был, как обычно, в шортах и рубашке с короткими рукавами.

Когда мы добрались до слонов, ветер уже известил их о нашем присутствии, и животные заняли круговую оборону. С какой бы стороны я ни подкрадывался к стаду, везде оказывалось одно и то же: из зелени серыми башнями поднимались могучие головы с огромными настороженными ушами. Здесь было пять животных, все – взрослые самцы. Стрелять слону в лоб рискованно – даже крупнокалиберная пуля нередко рикошетирует. Я решил забраться на дерево, и мне удалось беспрепятственно осуществить этот замысел. Стадо находилось не более чем в шестидесяти шагах, и все слоны были видны как на ладони; лишь два из них обладали массивными полновесными бивнями.

Раньше я всегда относился с предубеждением к стрельбе с деревьев. Во-первых, сверху труднее поразить убойные места, а во-вторых, отдача тяжелого ружья может сбросить охотника на землю – мне приходилось слышать о таких случаях. Но сейчас выбирать не приходилось. Устроившись поудобнее, я изо всех сил обхватил ногами толстый сук и поднял винтовку. Грянуло два выстрела, и оба старых слона один за другим рухнули на колени; остальные, трюся, бросились бежать в разные стороны. Прицел оказался настолько точен, что мне не пришлось больше тратить ни одной пули.

Вернувшись в деревню, я велел людям дождаться, пока три уцелевших слона уйдут с острова, и затем отправляться за мясом. Скоро по реке потянулись флотилии лодок.

Поголовье бегемотов на берегах Уланги не достигает и половины количества, виденного мной на

Руахе; об этом позаботилась топографическая экспедиция. Места ее стоянок были легко определимы по грудам бегемотьих черепов с выломанными клыками.

Двигаясь вдоль реки, мы дошли до форта Маханге, сооруженного в 1899г. Здесь нас ожидал очень приятный сюрприз. Дело в том, что в окрестностях форта – он расположен на гребне узкого горного хребта – прекрасно вызревают европейские овощи, и благодаря любезности лейтенанта Зиделя мы ежедневно получали к столу несколько огромных кочанов чудесной капусты.

С большим сожалением расставшись с этим гастрономическим оазисом, мы отправились дальше, к большому селению Ифакара, раскинувшемуся на берегу в окружении полей и садов. Это необычайно плодородная область. Здесь прекрасно растет все – овощи, фрукты, рис, не говоря уже о бананах и кокосовых пальмах.

В районе Ифакары было много слонов – их всегда привлекают банановые рощи. Взгляд толстокожих на пищевую ценность бананов противоположен человеческому: слонам больше всего нравятся сладковатые корни растения. Поскольку в этой местности уже давно никто не охотился, животные стали очень дерзкими, особенно по ночам. Нередко слоны приходили на банановые плантации даже во время деревенских праздников и преспокойно кормились, не обращая внимания на бой барабанов, огонь и людские голоса в сотне метров от них. Выдергивая молодые деревца (хотя банан – это, собственно, не дерево, а трава), гиганты лакомились сочными корнями; не обходили они вниманием и сладкий картофель – обнаружив посадки, слоны вспахивали грядки бивнями, затем подбирали клубни и угощались, аккуратно стряхнув налипшую землю.

Жители Ифакары обрадовались нашему приходу и просили о помощи, ведь если не удастся отвадить

слонов, урожай обречен. Вечером, отослав в деревню всех людей, кроме оруженосцев, мы с Энгелем расположились в банановой роще. После ужина прилегли на походные кровати, поставив в изголовье ружья; мушки ружей были заранее обернуты блестящим белым коленкором. Это должно было облегчить стрельбу при лунном свете. Конечно, в темноте невозможно точно прицелиться, но все же такое ухищрение позволяло хоть как-то пользоваться прицелом.

Днем мы организовали цепочку наблюдательных постов вокруг деревни, и первому, кто сообщит о приближении слонов, был обещан "бакшиш". Такая система уже не раз доказала свою эффективность, и теперь нам оставалось только курить и ждать.

Около 9 часов послышались быстрые шаги и из темноты возник один из наших разведчиков.

– Бвана, слоны близко, они еще не вышли из леса, но мы слышим треск. Вам лучше побыть здесь еще немного – когда мы увидим, куда они пошли, я прибегу и скажу вам.

Я поблагодарил парнишку, спросил его имя, чтобы утром вручить обещанную премию, и он помчался обратно.

Снова потянулись минуты ожидания. Мы напряженно прислушивались; оба волновались, и разговор не клеился. Даже треск уголька в костре заставлял вздрагивать – чудилось, что это хрустнула ветка под тяжестью серого исполина. Но вот наконец явственный топот босых ног по тропинке, и до нас донесся шепот:

– Бвана, можно идти.

Мы схватили винтовки и, соблюдая полную тишину, двинулись за проводником. Все вокруг – рощи, сжатые поля, пустые хижины – казалось призрачным и

нереальным в свете луны; расстояния искажались, и это внушало дополнительные опасения.

Вскоре мы вышли в высокую траву; длинные узкие листья смыкались над головой, закрывая звезды. Видимость не превышала метра, и у всех была одна и та же мысль: что будет, если стебли внезапно раздвинутся и прямо перед нами встанет огромный противник, готовый к бою? Не один я вздохнул с облегчением, выйдя на открытое пространство.

Мы остановились возле маленькой брошенной деревушки на краю поля. Через несколько минут со стороны травяных зарослей донесся мерный, негромкий шорох – это шли слоны, но мы их не видели. Животные так и не показались – то ли почуяли людей, то ли отправились пастись в другое место. Тихо ругаясь, мы вернулись в свою рощу и одетые улеглись на кроватях.

– Ну, сегодня они уже не придут, – со вздохом заметил Энгель, на что я ответил:

– Иншаллах!^[6] – и вскоре заснул.

Около полуночи меня разбудили взволнованные приглушенные голоса; я уловил неоднократно повторявшееся слово "тембо". Так и есть – слоны появились вновь, теперь с другой стороны, и уже занялись бананами. Сообщение принес гонец со сторожевого поста в соседней роще. Протирая глаза, мы поспешили за ним. К счастью, в этот раз путь шел по открытой местности. Приблизившись к плантациям, мы остановились. Вокруг было тихо. Подозвав двух местных жителей, знавших тут каждую кочку, я велел им обойти рощу чтобы проверить, не ушли ли слоны. Крадучись, люди пошли вперед и скоро исчезли в тени деревьев.

Поднимался свежий ночной ветерок, и мы начали мерзнуть, да и усталость брала свое. Было уже ясно, что животные успели уйти дальше. Когда на другом

конце поля на миг слышался шорох сухих кукурузных стеблей, я шепнул Энгелю, что наши разведчики возвращаются несолоно хлебавши.

И в тот же миг – я с трудом верил своим глазам, таким невероятным и захватывающим оказалось это зрелище – на серебристом фоне жнивья возник огромный черный силуэт. Лунный свет струился по длинным изогнутым бивням. Один за другим, бесшумно, как призраки, шли за вожаком по полю еще четыре слона. Они направлялись к нам.

Мы кинулись в сторону и укрылись за покосившейся плетеной изгородью, где и притаились, стараясь не издавать ни звука. Одним движением хобота слон мог бы смести наше хлипкое прикрытие и нас вместе с ним.

Дойдя до места, где мы только что были, слоны остановились, почувствовав запах людей. Мы сидели в десяти метрах со вскинутыми ружьями, но я не хотел стрелять, поскольку животные стояли слишком тесной группой, и большой слон был закрыт от меня другим, поменьше. Но вот вожак сделал шаг вперед, и в ночной тишине прогремели два выстрела. Слоны повернулись и отступили в тень, скрывшись между бананами. Прошла томительно напряженная минута. Я думал, что раненный вожак собирает силы для атаки и сейчас старается поточнее определить наше местонахождение. Однако я ошибся. Старый самец пересек рощу и вновь вышел на поле; вновь на фоне неправдоподобно огромного черного тела сверкнули в лунном свете белые бивни. Мы опять дали залп, и слон, по-прежнему безмолвно(беззвучно), опустился на землю и больше не шевелился.

Так я убил своего последнего слона в Восточной Африке. Это произошло ночью 1 октября 1909г., в 12 часов 40 минут.

Мы провели в Ифакаре еще несколько дней – не хотелось расставаться с этим краем, "текущим молоком

и медом" без всякого преувеличения. Давно мы так не роскошествовали. Здесь было все: бананы и ананасы, папайи и гуайявы, гранаты, апельсины и кокосовые орехи. Стоило лишь протянуть руку, чтобы сорвать приглянувшийся плод. А воды Уланги изобиловали рыбой, и для многих жителей рыболовство издавна было основным источником существования. Каждый день нам приносили "мбереге" – большущую серебристую рыбину, похожую на карпа, с удивительно тонким и нежным вкусом.

Все же надо было возвращаться на побережье, и мы пошли, не торопясь, по течению реки. Стада антилоп по-прежнему бродили по берегам, а за травоядными следовали хищники.

На Уланге я убил своего первого и единственного льва. Это был весьма крупный экземпляр, правда, к сожалению, с не очень большой гривой.

Лев только что загрыз бородавочника, и довольное ворчание выдало мне его присутствие. Первым выстрелом я ранил его в плечо. Он упал, но тут же вскочил и бросился ко мне; когда нас разделяло около двадцати метров, зверь прыгнул. Я отчетливо видел огромные когти на вытянутых вперед могучих лапах с растопыренными пальцами. Но лев поспешил с первым прыжком – расстояние было слишком велико. Прежде чем он успел сделать второй, тяжелая пуля ударила его в нижнюю челюсть и навылет прошла через голову.

Мы миновали заброшенный пост Уланга. Он уже почти развалился, и в целости было только кладбище. Здесь в течение года умерло пять европейцев из шести, составлявших первоначальный персонал; всех их скосила лихорадка. Только после этого администрация пришла к выводу, что климат данной местности нездоров, и распорядилась закрыть пост.

Вскоре я опять встретился со львами. Наш лагерь был у реки. Кругом расстилалась ровная высохшая

саванна, и лишь неподалеку стояла небольшая рощица – несколько мимоз и акаций среди высокой травы. Там находился пруд, и к нему приходили на водопой антилопы, привлеченные тенью.

Как-то в полдень я увидел двух животных, направлявшихся к этому оазису. До них было около километра. В ярком солнечном свете они выглядели очень большими и почти белыми, и я решил, что это канны. Однако взгляд в бинокль убедил меня в позорной ошибке – к группе деревьев приближались два льва, точнее говоря лев и львица, великолепные взрослые звери. Схватив винтовку, я поспешил к пруду.

Оазис был невелик, и в течение получаса я, соблюдая необходимую осторожность, несколько раз прошел его из конца в конец. Убедившись, что звери ушли, и досадуя на невезение, я вышел из травы, собираясь вернуться в лагерь. Взглянув в сторону палаток, я увидел своего боя – он махал руками и делал какие-то знаки, явно стараясь привлечь мое внимание к чему-то, находящемуся позади меня. Держа палец на спусковом крючке, я повернулся и успел заметить обоих львов, уходивших в противоположном направлении; вскоре они исчезли в сухой траве. Оказывается, мне следовало не роптать, а благодарить судьбу – ведь я не раз проходил на расстоянии нескольких метров от зверей, не подозревая об их присутствии!

В тот день мне вспомнились слова моего друга Веста: "Лев, если захочет, может спрятаться за кием, брошенным на бильярдном столе". Вест знал, о чем говорит – он был знаменитейшим охотником на львов во всей Родезии.

Полон противоречивых переживаний, я спустился к реке и еще издали услышал фыркание и громкий плеск. К удивлению, это оказался не бегемот, а слон – большой самец с прекрасными бивнями. У меня в руках был 8-мм "Маузер" – ружье и патроны 600-го калибра остались в

лагере. Теперь пришел мой черед прибегнуть к языку жестов. До лагеря было не более двухсот метров, и как только бой посмотрел на меня, я постарался показать ему, что здесь, рядом, стоит большой слон. Выглядело это, надо думать, довольно забавно, но сметливый парнишка все понял и через минуту бежал ко мне с двустволкой и патронами. Тем временем слон двинулся к противоположному берегу, а я приплясывал от нетерпения – бежать навстречу бою не имело смысла, так как при этом река исчезла бы из поля зрения. За несколько секунд до того, как ружье оказалось у меня в руках, слон выпустил себе на спину последний фонтан, раз-другой встряхнул ушами и вышел из воды. Теперь он был в безопасности – на той стороне Уланги начиналась территория заповедника. Прежде чем уйти в джунгли, слон глянул на нас, и я мог бы поклясться, что в его глазах появилось насмешливое выражение. Будь у меня при себе хотя бы камера! Давно я так не ругался.

На другой день я подстрелил носорога. В этот раз и камера, и ружье были наготове, и мне удалось сделать несколько очень эффектных снимков, где запечатлено разъяренное животное, несущееся прямо на объектив. К сожалению последний, самый крупный снимок вышел нечетким: у меня от волнения тряслись руки. Как потом выяснилось, носорог находился в четырех шагах от меня. В следующий миг, бросив камеру, я отпрыгнул в сторону, и он промчался мимо. Прежде чем толстокожий развернулся для новой атаки, я успел выстрелить.

Теперь мы форсированным маршем двинулись на восток, к побережью. Единственный охотничий эпизод, не связанный с обычной доставкой мяса для каравана, произошел возле деревни Магони. На вечерней охоте я добыл коровью антилопу и уже хотел возвращаться в лагерь, когда проводник схватил меня за руку с

взволнованными словами: "Куба твига, бвана!" (Очень большой жираф, господин!). Действительно, огромный жираф возвышался недалеко от нас над ровной поверхностью саванны; до него было около семи сотен метров.

Раньше я нестрелял жирафов, но сейчас не смог справиться с искушением, и мы, пригнувшись побежали к животному. Нам удалось приблизиться лишь на двести метров – жираф заметил нас и высоты своего роста и стал уходить своеобразным, только ему свойственным "замедленным галопом". Я поднял свою 8-мм винтовку, и первая же пуля уложила быка наповал – еще одно доказательство того, как легко убить это прекрасное животное. Череп его я сохранил для коллекции, и впоследствии опытный музейный препаратор определил по нему, что такой гигантский экземпляр еще никогда не попадал в Европу. Попытки фотографировать жирафов не удалось – животные были слишком чуткими и обращались в бегство задолго до того, как я приближался на нужную дистанцию.

Путешествие подходило к концу. Мой велосипед развалился, и последние двадцать километров до станции Куву я проделал пешком. Погрузка в поезд снаряжения и коллекций прошла без осложнений, и на следующий день мы были в Дар-Эс-Саламе.

При виде океана во мне с новой силой вспыхнула тоска по родине – я не был в Германии уже восемь лет. Твердо решив вернуться в Европу, я купил билет и взошел на палубу. Но когда узкая полоска африканского берега таяла за кормой, у меня опять тоскливо сжалось сердце. Эта великая страна стала моей второй родиной, и я понял, что обязательно снова приеду сюда, снова пойду по караванным дорогам в буше, по извилистым тропам в джунглях, по бескрайней саванне.

Среди людей и зверей Черной Африки прошла моя молодость, двенадцать чудесных лет, и они уже никогда не станут мне чужими. Разрезая синюю гладь Индийского океана, пароход уносил меня на север, к Джибути и Порт-Саиду, но с каждым ударом винта крепла уверенность: я вернусь в Африку!

Примечания переводчика

1. Знаменитый английский охотник и путешественник.

2. Букв.: "паровик", т.е. паровоз или пароход (*англ.*).

3. Маниок (маниока) – растение семейства эуфорбиевых, достигает высоты 2 м. В пищу идут корни – плотные, мясистые, желтого цвета, длиной 30-70 см. Они содержат много мучнистого вещества, но в свежем виде ядовиты. Чтобы удалить ядовитый млечный сок, их вымачивают несколько суток в воде (предварительно размочалив), затем высушивают на солнце. Освобожденные от яда корни растирают в муку между двумя большими камнями.

4. мчензи – европеец-новичок, гордый своей многозначительностью (суахили).

5. Экстрактор – устройство для автоматического выброса стреляных гильз.

6. Как будет угодно Всевышнему! (*араб.*).